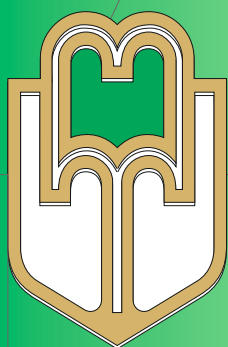

ISSN 2078-1024

ВЕСТНИК МАЙКОПСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

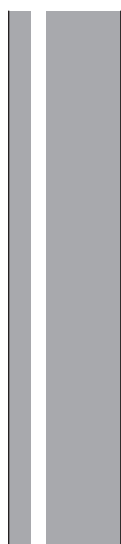
Том 18 №2 2026

**ВЕСТНИК
МАЙКОПСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Том 18 № 2 2026

<i>История издания журнала:</i>	Журнал издается с 2009 года
<i>Наименование:</i>	Вестник Майкопского государственного технологического университета Том 18, № 2 2026
<i>Периодичность:</i>	4 выпуска в год
<i>Префикс DOI:</i>	10.47370
<i>ISSN:</i>	2078-1024
<i>Свидетельство о регистрации средства массовой информации:</i>	Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство серия ПИ № ФС77-85521 от 04 июля 2023 г.
<i>Условия распространения материалов:</i>	Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
<i>Подписка на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета»:</i>	Подписку на журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета» можно оформить по индексу 66022 в электронном каталоге УРАЛ-ПРЕСС https://www.ural-press.ru/
<i>Учредитель / издатель:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191
<i>Редакция:</i>	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет» 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191, тел.: 8(8772) 52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Типография:</i>	Индивидуальный предприниматель Кучеренко Вячеслав Олегович 385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, д. 403, офис 33 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Дата выхода:</i>	30.06.2026
<i>Тираж:</i>	500 экз.
<i>Стоимость одного выпуска:</i>	Цена свободная

**VESTNIK
MAJKOPSKOGO
GOSUDARSTVENNOGO
TEHNOLOGIČESKOGO
UNIVERSITETA**

Volume 18 No. 2 2026

<i>Journal publishing history:</i>	The journal has been published since 2009
<i>Title:</i>	Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta Volume 18, No. 2 2026
<i>Frequency:</i>	4 issues a year
<i>DOI prefix:</i>	10.47370
<i>ISSN:</i>	2078-1024
<i>Mass media registration certificate:</i>	Registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). Certificate PI № FS77-85521, July 04, 2023
<i>Content distribution terms:</i>	Content is distributed under Creative Commons Attribution 4 License
<i>Subscription to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal:</i>	You can subscribe to «Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta» journal on in the electronic catalog of the Ural Press under the 66022 index https://www.ural-press.ru/
<i>Founder / Founder / Publisher:</i>	Maykop State Technological University 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str.
<i>Editorial office:</i>	Maykop State Technological University 385000, Maikop, 191, Pervomayskaya str. tel.: 8(8772) 52 30 03 e-mail: vestnik@mkgtu.ru http://vestnikmkgtu.ru/
<i>Printing house:</i>	Kucherenko Vyacheslav Olegovich sole proprietorship 385008, Maykop, 403 Pionerskaya str., office 33 e-mail: slv01@yandex.ru
<i>Publication date:</i>	30.06.2026
<i>Circulation:</i>	500 copies
<i>The cost of one issue:</i>	Free price

МЕЖДУНАРОДНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Тхакушинов Асланчери Китович, доктор социологических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования, президент ФГБОУ ВО «МГТУ», заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики ФГБОУ ВО «МГТУ»

Зам. главного редактора:

Овсянникова Татьяна Анатольевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе и инновационному развитию

Члены редакционной коллегии:

Бадмаев В.Н., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «КалмГУ им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста, Россия);

Нехай В.Н., доктор социологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Азашиков Г.Х., доктор философских наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Хагуров Т.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГУ», г. Краснодар, Россия);

Сиюхова А.М., доктор культурологии, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Кудаева С.Г., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Сефербеков Р.И., доктор исторических наук, профессор (ФГБУН ИИАЭ ДФНЦ РАН, г. Махачкала, Россия);

Мухаджиев С.-Х.Х., кандидат исторических наук, доцент (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Поддубная Т.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КГУФКСТ», г. Краснодар, Россия);

Алиева С.И., доктор исторических наук, профессор (Азербайджанский государственный педагогический университет, г. Баку, Азербайджанская Республика);

Сопов А.В., доктор исторических наук, профессор (ФГБОУ ВО «МГТУ», г. Майкоп, Россия);

Шувакович У.В., доктор политических наук, профессор (PhD) (Приштинский университет, г. Белград, Сербия);

Кечина Е.А., доктор социологических наук, профессор (Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

Амирова Л.А., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор (Институт социологии Федерального научно-исследовательского

социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия);

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор (РУДН, г. Москва, Россия);

Омер Туран, доктор исторических наук, профессор (Технический университет Ближнего Востока, г. Анкара, Турция);

Хагуров А.А., доктор социологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «КубГАУ», г. Краснодар, Россия);

Пивненко П.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «РостГМУ», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Бегидова С.Н., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «АГУ», г. Майкоп, Россия);

Волкова О.А., доктор социологических наук, профессор (ОУП ВО «АТиСО», г. Москва, Россия);

Панеш А.Д., доктор исторических наук, доцент (ГБУ РА «АРИГИ им. Т.М. Керашева», г. Майкоп, Россия);

Чумичева Р.М., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «ЮФУ, Академия психологии и педагогики», г. Ростов-на-Дону, Россия);

Лукьяненко В.П., доктор педагогических наук, профессор (ФГАОУ ВО «СКФУ», г. Ставрополь, Россия);

Мусханова И.В., доктор педагогических наук, доцент (ФГБОУ ВО «ЧГУ», г. Грозный, Россия);

Гапуров Ш.А., доктор исторических наук, профессор (ГКНУ «Академия наук Чеченской Республики», г. Грозный, Россия);

Соловей Т.Д., доктор исторических наук, профессор (МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

Бенин В.Л., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы», г. Уфа, Россия);

Жаркынбаева Р.С., доктор исторических наук, профессор (Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан);

Краснощекова Г.А., доктор педагогических наук, доцент (Южный федеральный университет, г. Таганрог, Россия);

Ромашина Е.Ю., доктор педагогических наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия);

Бобкова Е.М., доктор социологических наук, доцент (Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Институт государственного управления права и социально-гуманитарных наук, г. Тирасполь, Молдова. Приднестровье);

Маликов Р.Ш., доктор педагогических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», г. Набережные Челны, Россия).

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Chief Editor:

Tkhakushinov Aslancheriy Kitovich, Doktor of Sociological Sciences, Professor, a full member (academician) of the Russian Education Academy, President of FSBEI HE «MSTU», head of the Department of Philosophy, Sociology and Pedagogics of FSBEI HE «MSTU»

Deputy Chief Editor:

Ovsyannikova Tatiana Anatoljevna, PhD, Professor, prorector for scientific work and innovative development

Members Editorial Board:

Badmayev V.N., Ph.D., professor (FSBEI HPE «KalmSU named after B.B. Gorodovikov», Elista, Russia);

Nekhay V.N., Dr Sci. (Sociology), associate professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Azashikov G.H., Ph.D., professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Khagurov T.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSAU», Krasnodar, Russia);

Siyukhova A.M., Dr Sci. (Culturology), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Kudayeva S.G., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Seferbekov R.I., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBIS IHAE DFSC of the RAS, Makhachkala, Russia);

Muskhadzhiyev S.-H.H., PhD (History), associate professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Poddubnaya T.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «KSUPCS», Krasnodar, Russia);

Alieva S.I., Dr Sci. (Hist.), professor (Institute of History of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku the Azerbaijan Republic);

Sopov A.V., Dr Sci. (Hist.), professor (FSBEI HE «MSTU», Maikop, Russia);

Shuvakovich U.V., Dr Sci. (Politics), professor (Pristina University, Belgrad, Serbia);

Kechina E.A., Dr Sci. (Sociology), professor (Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus);

Amirova L.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «BSPU named after M. Ak-mulla», Ufa, Russia);

Golenkova Z.T., Dr Sci. (Philosophy), professor (Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Krasnoshchekova G.A., Dr Sci. (Ped.), associate professor (The Southern Federal University, Taganrog, Russia);

Narbut N.P., Dr Sci. (Sociology), professor (PFUR, Moscow, Russia);

Omer Turan, Dr Sci. (Hist.), professor (Middle East Technical University, Ankara, Turkey);

Khagurov A.A., Dr Sci. (Sociology), professor (FSBEI HE «KubSU», Krasnodar, Russia);

Pivnenko P.P., Dr Sci. (Ped.), professor (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia);

Begidova S.N., Dr Sci. (Ped.), professor (FSBEI HE «ASU», Maikop, Russia);

Volkova O.A., Dr Sci. (Sociology), professor (EITU HE «ALandSR», Moscow, Russia);

Panesh A.D., Dr Sci. (Hist.), associate professor (SBI RA «ARIHR named after T.M. Kerashev», Maikop, Russia);

Chumicheva R.M., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «SFU, Academy of Psychology and Pedagogy», Rostov-on-Don, Russia);

Lukyanenko V.P., Dr Sci. (Ped.), professor (FSAEI HE «NCFU», Stavropol, Russia);

Muskhanova I.V., Dr Sci. (Ped.), associate professor (FSBEI HE «ChSU», Grozny, Russia);

Gapurov Sh.A., Dr Sci. (Hist.), professor (SOSI «The Chechen Republic Academy of Sciences», Grozny, Russia);

Solovey T.D., Dr Sci. (Hist.), professor (MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia);

Benin V.L., Doktor of Pedagogics, a professor, (FSBEI HE «BSPU named after M. Akmulla», Ufa, Russia);

Zharkynbayeva R.S., Dr Sci. (Hist.), professor (Kazakh National University named after al-Farabi, Almaty, Kazakhstan);

Bobkova E.M., Dr Sci. (Sociology), associate professor (Trans-Dniester state university named after T.G. Shevchenko, Institute of Public Administration, Law and Social and Human sciences, Moldova, Tiraspol, Trans-Dniester);

Romashina E.Yu., Dr Sci. (Ped.), professor (Tula state pedagogical university named after L.N. Tolstoy, Tula, Russia);

Malikov R.Sh., Dr Sci. (Ped.), professor (Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Н.В. Галимова. Особенности межэтнического общения кабардинцев: традиции, социокультурные практики	11
З.Я. Емтыль, И.В. Худолей. Роль кубанских пластунов в формировании в Сарыкамьшской операции	24
М.К. Нагиева. Государственная политика подготовки высших медицинских кадров в Дагестане в 1930-е годы	35
Н.М. Суетина. Первые пятилетки индустриализации СССР: цели и результаты	47
И.С. Сунцов. Н. К. Крупская и библиотечное дело в Крымской АССР в 1930-х годах: по материалам Государственного архива Российской Федерации ...	65
М.А. Усеинов. Арабографичные закладные плиты Солхата: строительная история города по данным эпиграфики	78
Р.В. Чунтыжева. Общество и власть в исторической традиции адыгов	91

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ю.А. Дубровская. Мотивационный компонент в структуре учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров	108
В.В. Майба, Ю.Б. Нектаревская, Л.В. Самыгина. Микрообучение и интервальные повторения в усвоении профессиональной иноязычной лексики	125
П.А. Поповченко, Р.Ш. Маликов. Преемственность гармоничного развития личности в античной и европейской утопической гуманистической педагогической мысли	141
М.А. Тлевцеева, Е.Н. Базалина. Апробация и анализ эффективности проектного метода (Project-Based Learning, PBL) в обучении английскому языку студентов строительных специальностей	158

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

С.В. Береснева, А.В. Легостев. Социологическая составляющая мониторинга репутации образовательной организации в сфере дополнительного профессионального образования: институциональный подход	172
А.Ю. Сакович. Развитие современной белорусской провинции в условиях интеграции малых городов и сельских поселений	189

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- N.V. Galimova.** Peculiarities of interethnic communication among the Kabardians: traditions, socio-cultural practices 11
- Z.Ya. Emtyl, I.V. Khudoley.** The role of the Kuban Plastun formations in the Sarykamysh operation 24
- M.K. Nagieva.** State policy for training senior medical personnel in Dagestan in 1930s. 35
- N.M. Suetina** The first five-year plans of industrialization of the USSR: objectives and results 47
- I.S. Suntsov.** N.K. Krupskaya and library activities in the Crimean ASSR in 1930s: based on the materials from the State Archives of the Russian Federation 65
- M.A. Useinov.** Arabic-script inset slabs of Solkhat: the construction history of the city according to epigraphic data 78
- R.V. Chuntzyzheva.** Society and power in the historical tradition of the Adyghs 91

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Yu.A. Dubrovskaya.** The motivational component in the educational and professional activities of future engineers 108
- V.V. Maiba, Yu. B. Nektarevskaya, L.V. Samygina.** Microlearning and spaced repetition in the acquisition of professional foreign language vocabulary 125
- P.A. Popovchenko, R.Sh. Malikov.** Continuity of harmonious development of a personality in ancient and European utopian humanistic pedagogical thought 141
- M.A. Tlevtsezheva, E.N. Bazalina.** Testing and analysis of the effectiveness of the project-based learning (PBL) method in teaching English to students of construction specialties 158

SOCIOLOGICAL SCIENCES

- S.V. Beresneva, A.V. Lyogostev.** The sociological component of the reputation of a university in the field of vocational educational training: an institutional approach 172
- A.Yu. Sakovich.** Development of the modern Belarusian province in the context of integration of small towns and rural settlements 189

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-11-23>
УДК 316.77(470.64)

Особенности межэтнического общения кабардинцев: традиции, социокультурные практики

Н.В. Галимова

*Северо-Кавказский государственный институт искусств,
г. Нальчик, Российская Федерация
hudshkolanal@mail.ru*

Аннотация. Введение. Современные цивилизационные изменения, связанные с интернационализацией межкультурных взаимоотношений и модификацией социально-культурных процессов, обусловили необходимость и актуальность исследования традиционных форм межэтнического общения кабардинцев, их самобытного культурного облика, ценностно-смысловых принципов, социокультурных практик. В работе затрагиваются отдельные вопросы межкультурного общения, касающиеся историко-культурных аспектов русско-кабардинского военно-политического содружества, традиционных норм определяющих гармонический характер существования национальной системы межэтнического общения. Это позволяет выявить особенности формирования и функционирования межкультурных взаимоотношений в различных сферах общественной жизни, включая взаимообмен с другими культурами – традиционными формами народной педагогики, лучшими образцами народного поэтического творчества, стереотипами коммуникативного общения и поведения.

Материалы и методы. Основным методом при рассмотрении проблем межэтнического общения выступает междисциплинарный анализ, на основе которого, используя теоретическую методологию разных наук, исследуются различные компоненты этого социокультурного феномена. Изучение данной темы предопределило обращение к историческим, культурологическим, философским работам авторов исследовавших этнокультурные традиции локальных северокавказских сообществ.

Результаты исследования. Рассмотрение и обобщение теоретических разработок, выявляющих специфику этнических традиций межкультурного общения кабардинцев, позволило обусловить характер стереотипов национальной идентичности, в котором наиболее наглядно проявляется стремление к межэтническому взаимообщению, обмену уникальными социокультурными пра-

ктиками, особенностями этикетного поведения. В частности выделяются особые черты межэтнического общения кабардинцев: высокая степень уважения к традициям и обычаям других народов; соблюдение традиций этического кодекса, обычаев, норм; сохранение собственного достоинства и уважение к достоинству другого человека. Важно обозначить и высокий уровень толерантности, исторически сформировавшейся вследствие длительного сосуществования с разными культурами.

Обсуждение и заключение. Обусловленные традиции и формы межэтнического общения кабардинцев, разнообразие воплощенных в них смысловых компонентов предполагают дальнейшее расширение культурных контактов с локальными этносообществами. Потому в контексте современного цивилизационного развития, особо актуальным выступает проблема создания, на основе традиционных форм взаимодействия, механизма поддержания межконфессионального и межнационального согласия, позволяющего сформировать единое пространство толерантной культурно-цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: этнография адыгов, содружество, культура общения, национальная идентичность, традиции, Северный Кавказ, кабардинцы

Для цитирования: Галимова Н.В. Особенности межэтнического общения кабардинцев: традиции, социокультурные практики. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 11–23. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-11-23>

Peculiarities of interethnic communication among the Kabardians: traditions, socio-cultural practices

N.V. Galimova

*The North Caucasus State Institute of Arts.
Nalchik, the Kabardino-Balkarian Republic, the Russian Federation
hudshkolanal@mail.ru*

Abstract. Introduction. Modern civilizational changes associated with the internationalization of intercultural relations and the modification of socio-cultural processes have determined the necessity and relevance of studying traditional forms of interethnic communication among the Kabardians, their distinctive cultural identity, value-semantic principles, and socio-cultural practices. The article considers specific issues of intercultural communication related to the historical and cultural aspects of the Russian-Kabardian military-political commonwealth and traditional norms defining the harmonious nature of the national system of interethnic communication. This allows us to identify the characteristics of the formation and functioning of intercultural relations in various spheres of public life, including exchange with other cultures – traditional forms of folk pedagogy, the best examples of folk poetry, and stereotypes of communicative communication and behavior.

The Materials and Methods. The primary method for examining interethnic communication issues is interdisciplinary analysis, which, using theoretical methodologies from various disciplines, explores the various components of this sociocultural phenomenon. The study of the research topic necessitated the use of historical, cultural, and philosophical works by authors who have studied the ethnocultural traditions of local North Caucasian communities.

The Research Results. An examination and synthesis of theoretical developments identifying the specifics of the ethnic traditions of intercultural communication among the Kabardians allowed us to identify the nature of national identity stereotypes, which most clearly demonstrate the desire for interethnic communication, the exchange of unique sociocultural practices, and the characteristics of etiquette. Specifically, the following distinctive features of interethnic communication among the

Kabardians have been highlighted, namely, a high degree of respect for the traditions and customs of other peoples; adherence to the traditions of the ethical code, customs, and norms; and the preservation of one's own dignity and respect for the dignity of others. It is also important to highlight the high level of tolerance that has historically developed as a result of long-term coexistence with different cultures.

Discussion and Conclusion. The established traditions and forms of interethnic communication among the Kabardians, and the diversity of semantic components embodied in them, suggest the further expansion of cultural contacts with local ethnic communities. Therefore, in the context of modern civilizational development, the problem of creating, based on traditional forms of interaction, a mechanism for maintaining interfaith and interethnic harmony, allowing for the formation of a unified space of tolerant cultural and civilizational identity, is particularly pressing.

Keywords: the Adygh ethnography, community, communication culture, national identity, traditions, the North Caucasus, the Kabardians

For citation: Galimova N.V. Peculiarities of interethnic communication among the Kabardians: traditions, socio-cultural practices. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 11–23. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-11-23>

Введение. Современная цивилизационная ситуация в мире характерна расширением взаимовыгодных связей, увеличением межкультурных обменов и поиска новых методов демонстрации культурной идентичности. Потому, в наше время, стали актуальными разработка, обобщение и поиск культурных смыслов, заложенных в традиционных формах социокультурной деятельности различных народов и их культур. Традиционная культура, как носитель специфичного этнокультурного кода, присущего для конкретного исторически сложившегося народа, демонстрирует разнообразность социокультурных практик, символично-коммуникативных артефактов, а также наличие комплекса универсальных этноэтических норм и правил общения, сформированных опытом взаимодействия культур и народов.

Новейшие глобальные изменения в социальной жизни разных народов обуславливают собой концепции цивилизационной модели мира, стремясь к формированию единого культурного пространства. В то же время, увеличивается количество различных народов, которые находят все больше средств, чтобы оберегать и развивать свою целостность и самобытный этнокультурный облик. Кабардинцы, веками проживали и общались с представителями разных этнических

групп Северного Кавказа, а также других регионов России. Важно отметить, что, в результате любого вида межнациональных контактов, формируется система этнических традиций и уникальных культурных особенностей народов.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена особым пониманием, в наши дни, проблем и роли историко-культурного наследия народов России. Вследствие этого, закономерна углубленная теоретическая разработка вопросов касающихся специфики и природы традиционных межкультурных взаимоотношений, феноменов социально-территориальных сообществ. Важно осмыслить роль межкультурной коммуникации, взаимосвязи массовых и элитарных культур, взаимовлияния социокультурных практик и традиций. В аспекте этих концепций, именно традиции народных культур способствуют формированию и передаче духовных ценностей и уникального опыта национальной идентичности.

Обзор литературы. Вопросам историко-культурного наследия этносов: фольклору, этнографии, традиционному народному творчеству, культуре межэтнического общения северокавказских народов уделяли внимание многие исследователи. Вместе с тем, полученные знания не могут ограничиваться лишь выявлением и анали-

зом сущностных аспектов традиционных фольклорных и народно-художественных практик. На первый взгляд, достаточно глубоко изученная проблематика в системе научного знания требует дальнейших, актуализировавшихся в наше время исследований связанных с межкультурными, коммуникативными взаимоотношениями. Потому, при изучении коммуникативных аспектов традиционной культуры, этнографии общения, особенностям этики и этикета кабардинцев, закономерным стало обращение к трудам Н.А. Шафиева, Б.Х. Бгажнокова, А.М. Гутова.

Вопросы генезиса историко-культурного наследия в философском, мифологическом и социально-культурном контексте разрабатывали А.Т. Шортанов, Г.Х. Мамбетов, Г.Д. Базиева, которые сосредоточили свое внимание на анализе проблем становления и развития межкультурных взаимоотношений, обычаев, этических норм и правил северокавказских народов, социокультурных традиций Кабарды и Балкарии.

История русско-кавказского военно-политического содружества, где выявляется сущность, разбирается процесс, общие тенденции формирования и функционирования коммуникативных взаимоотношений северокавказских народов, установление и развитие кабардино-русских отношений стали предметом научных исследований Б.К. Мальбахова, В.Б. Вилинбахова, Н.Г. Волковой.

В наше время, для интернациональной культуры Северного Кавказа, как и других регионов России, характерно не столько следование архаичным категориям национальной идентичности, сколько стремление к комплексному изучению, научному обоснованию истоков региональных этнокультур. Отсюда правомерность сделанных выводов о значимости формирования и функционирования культуры межэтнического общения, межкультурной коммуникации различных социально-политических систем авто-

рами Б.К. Мальбаховым, Х.Г. Тхагапсоевым, Б.С. Саламовым, М.В. Бурановой, Б.Х. Золотовой. Авторы подтверждают, что в обусловленных обстоятельствах происходит обмен и заимствование лучших образцов духовной этнокультуры, в контексте интеграции, объединения и формирования социокультурных ценностей, норм, правил поведения, развития диалога и межкультурной толерантности.

В своей работе «Современные проблемы этнографии» Ю.В. Бромлей сосредоточил свое внимание на коммуникативной системе этнокультурных обменов и контактов, утверждая, что «главным механизмом <...> воспроизводства культуры общения является обычай» межэтнического общения [1, с. 129].

Анализ проблем межкультурной коммуникации, проведенный М.В. Бурановой, Л.А. Хараевой, находит отражение в работе «Формирование культуры мира учащих в межкультурной коммуникации». Авторы определяют культуру межэтнического общения, как неотъемлемую часть общей цивилизационной культуры, как феномен многоуровневого процесса социальной интеграции «универсальных ценностей жизни, <...> взаимодействующих культур» [2, с. 42].

Таким образом, при формировании культуры межэтнического общения субъекты определенной культуры взаимодействуют в разных сферах социокультурной деятельности с представителями других культур, обычно отличающимися языком и нормами общественного быта. Очевидно, что формирование системы этнокультурных моральных норм бытия и принципов поведения предполагает не только знание «основных общечеловеческих ценностей, <...> которые определяют культуру отношений», но способность к конструктивному межкультурному и межличностному сотрудничеству [там же, с. 42].

В основу исследования положены принципы междисциплинарного подхода,

в соответствие с которым рассматриваются историко-культурные аспекты межэтнического общения кабардинцев, их культурных традиций, форм социокультурных практик. При исследовании данной темы, в контексте современных глобализационных изменений прослеживаются проблемы последовательной трансформации самобытного этнокультурного облика, традиционных форм существования и замена их новыми коммуникативными тенденциями. В этом случае появляется особая межкультурная взаимосвязь – традиционного и современного, которая формирует концепции и принципы культуры межэтнической коммуникации.

Объектом исследования является культура межэтнического общения кабардинцев.

Предметом исследования выступают коммуникативные традиции и социокультурные практики кабардинцев, которые рассматриваются как основа ценностно-нормативных компонентов культуры межэтнического общения.

Целью работы является исследование культуры межэтнического общения кабардинцев, коммуникативных традиций и социокультурных практик. Решение задач поставленных целью исследования предполагает решение отдельных специфических вопросов обусловленных национальными особенностями межкультурного общения кабардинцев:

- выявление особенностей, характера и компонентов национальной идентичности, определенным образом организованной на основе этнических ценностно-нормативных доминант и форм социокультурной деятельности;

- раскрытие исторической важности русско-кабардинского боевого содружества в условиях заключенного военно-политического союза;

- рассмотрение социокультурных практик кабардинцев в различных сферах межэтнических взаимоотношений, охватывая традиционные формы народной

педагогики, явления устного поэтического творчества народов Северного Кавказа.

Результаты исследования. В настоящее время стремление к сохранению духовных ценностей, традиций, компонентов этнокультурной идентичности все глубже проникают в процессы коммуникативной и внутренней культурной активности, создавая новейшие формы социального и духовного развития общества. Благодаря межкультурному взаимодействию и взаимовлиянию формируется новая интернациональная культура, предполагающая обмен социокультурными ценностями между различными народами мира. В то же время, возникают обновленные компоненты культуры межэтнического общения, которые в результате взаимовлияния национальных художественно-образных форм приобретают специфичную окраску. В контексте этих тенденций, процесс расширения межкультурного взаимодействия делает особенно актуальным вопрос исследования «условий гармонизации развития культуры межэтнического общения» [3, с. 4].

Данное предполагает проведение теоретического анализа культуры межэтнического общения с позиций социально-философского и социокультурного подходов, которые более точно позволят определить специфику и значимость традиционных этнокоммуникативных феноменов в процессе формирования современных межкультурных взаимоотношений.

Как отмечалось выше, межэтнические, дружеские взаимоотношения присущи всем северокавказским народам. В то же время, в разных национальных культурах сформировалась собственная традиционная система этических норм и правил, установленных своеобразием нравственных норм, социально-деятельностными компонентами жизни общества. Рассматривая проблемы смыслополагания коммуникативных практик кабардинцев, Н.А. Шафиев акцентирует внимание на традициях межэтнического общения, ут-

верждая, что дружеские связи кабардинцев с соседствующими и восточнославянскими народами известны еще с VI века. Благодаря этому, «взаимовлияние культур должны были сказаться уже в давние времена» [4, с. 112].

Исследование этнографии межэтнического общения, как комплекса гуманистических и цивилизационных идей, позволяет реконструировать многие аспекты исторического прошлого Кабарды. В данном контексте мы считаем необходимым отобразить различные этапы общественного развития, исторической роли военно-политического взаимодействия. Здесь одно из важнейших мест занимает военно-политическая история и, в частности, боевое содружество кабардинцев с русским воинством. По свидетельству В.Б. Вилинбахова, первые факты взаимодействия между Русью и народами Кавказа зафиксированы еще в X в., «и тогда же впервые <...> совместно выступают против общих врагов» [5, с. 3].

Одним из первых представителей кабардинской феодальной аристократии, осознавших необходимость установления дружественных отношений с Россией, был Темрюк Идарович – верховный князь Кабарды. Несмотря на сопротивление отдельных феодалов, он твердо и последовательно стремился к сближению с Россией, «границы которой после завоевания Астрахани (1556 г.) пролегали непосредственно у кабардинских земель». В рамках военно-политического союза, с начала XVI в. на Северном Кавказе появляются первые поселения выходцев из русских земель – гребенских казаков¹. Прибывшим казакам кабардинцами были предложены под поселение пустующие земли на правом берегу Сунжи, выше впадения в нее Аргуна. С отводом этих земель был «заключен между

казаками и князьями Малой Кабарды договор о взаимопомощи [Там же, с. 39, 40].

Характер межэтнического боевого братства не мог не сказаться на военных традициях и обычаях взаимодействующих народов, населявших регион. Особенно ярко воплощение военных обычаев прослеживались как в тактике ведения боя, так и во внешнем облике воинов. Факты тесного переплетения культур и военных традиций отображает история Терского казачьего войска, в состав которого входили представители разных северокавказских народов, в том числе кабардинцы.

Установление к середине XVI в. близких связей между Кабардой и Россией актуализировало стремление кабардинских князей к союзу с Москвой. А факт принятия в 1557 году Кабарды под покровительство Москвы стал важным шагом в укреплении позиций России на Северном Кавказе, повлекший за собой формирование совместного военно-политического союза, подтверждая эпохальную «роль, которую играл военно-политический союз кабардинской феодальной аристократии и российского правительства в русско-северокавказских взаимоотношениях» [6].

По сведениям генерал-майора русской императорской армии К.Ф. Сталю кабардинские князья Муцал, Касбулат, Сибок, Я.К. Черкасский и др. руководили объединенными русско-кабардинскими отрядами и войсками, часто демонстрируя свои выдающиеся военные навыки. В подтверждение, уместны сведения К.Ф. Сталю, опубликованные в работе «Этнографический очерк черкесского народа». «Кабарда имела огромное моральное влияние не только на все черкесские народы, но и на соседних осетин и чеченцев» – оказывая существенное влияние на военную культуру всего Северного Кавказа [7, с. 91].

В своих трудах посвященных истории военно-политического союза, межэтническому взаимодействию северокавказских народов и аспектам русско-кабардинского боевого содружества В.Б. Вилинбахов ут-

¹ Гребенские казаки – этносоциальная группа, проживавшая на Северо-Восточном Кавказе. XVI–XVII веках гребенцы являлись вольными казаками. Ядро гребенских казаков составляли беженцы с Дона и Украины.

верждает, что военная культура кавказских народов оказала «определенное влияние на русскую армию, особенно на те ее части, которые находились на Кавказе, и на казачество» [5, с. 4]. Казаки, жившие в тесном контакте с горцами, перенимали у них элементы одежды и экипировки, особенности коммуникативного поведения, обхождения, правил учтивости. В то же время, казаки сберегли свою уникальную самобытную культуру, сочетавшую в себе элементы русского и кавказского менталитета, выражая причастность к воинскому сословию. Таким образом, ратные традиции кавказских народов, оказали значимое воздействие на формирование военной культуры северокавказского казачества. Использование военных и боевых навыков северокавказских народов проявилось в заимствовании тактического опыта ведения боя, элементов одежды, умения владения холодным оружием, а также морально-этических принципов воинской (рыцарской) чести. В свою очередь, регулярная русская армия и казачество привнесли северокавказским этносам свои боевые технологии и военно-организационные принципы, что приводило к взаимообогащению военных культур.

Содержание коммуникативных форм общения, культуры поведения, воспитательных норм того или иного народа, определяется конкретными историческими условиями и формами традиционных обычаев, которые наиболее значимы для сохранения этнокультурной идентичности. Характеризуя константы в северокавказском культурном пространстве, А.М. Гутов утверждает, что «с древнейших времен у населения многоплеменного Кавказа не являлось поводом для раздора и вражды ни различие в языке и традиционном укладе, ни исповедуемая религия». Более того, в контексте происходящих цивилизационных процессов, много было утеряно «из того лучшего, что веками пестовалось, сохранялось и с душевным трепетом передавалось нашими предками от поколения к поколению» [8, с. 74].

Разные этнические сообщества, знакомясь с традициями, духовной и материальной культурой друг друга, по мере необходимости, взаимной заинтересованности и возможности обмениваются ими. В этом смысле одной из важнейших социальных функций межэтнического общения является традиционная культура поведения, общения и воспитания. Необходимо обозначить, что социокультурные традиции, этнические принципы поведения, межэтнических взаимоотношений, а также методы народной педагогики являются постоянно действующей категорией универсально-ценностных признаков этнокультуры кавказских народов, в том числе кабардинцев. В данном контексте, характеризуя культуру народной педагогики необходимо особо выделить воспитательный институт – «аталычество»².

Культура межэтнического аталычества, обеспечивавшая подготовку детей к жизни в обществе, существовала между сопредельными народами и даже государствами. В соответствии с многовековыми горскими традициями, дворяне не имели право воспитывать своих сыновей в своем доме, а должны были <...> отдавать их на воспитание в чужую семью. По утверждению этнографа-кавказоведа Н.Г. Волковой «кабардинцы издавна находились в аталыческих связях с соседними народами» [9, с. 189].

Представляя формы межкультурной коммуникации на Северном Кавказе, Г.Х. Мамбетов свидетельствует, что институт аталычества «возник еще в эпоху родового строя как форма установления искусственного родства». Кабардинские дворяне отдавали своих детей «на воспитание другим владельцам, стоящим ниже их на феодальной лестнице» [10, с. 180–181].

Прежде всего, феномен аталычества, как социокультурной практики северо-

² Аталычество – древний обычай кавказских народов, по которому ребенок вскоре после рождения переходит на некоторое время для воспитания в семью приемного родителя.

кавказских народов был предопределен политической и экономической необходимостью, к тому же, укреплением межэтнических связей и сближением горских народов. Главным образом феодалы сами выбирали аталыков для своих сыновей и дочерей из своих вассалов в Кабарде, Балкарии, Осетии и других территориальных образований Кавказа. При выборе воспитателя феодалы отдавали предпочтение человеку, имеющему безупречную репутацию, хорошо знавшему народные традиции и обычаи, а самое важное – военное дело. В то же время, аталык обучал воспитанника ораторскому искусству, чтобы впоследствии тот мог блистать красноречием на этноплеменных собраниях, где обсуждались разные вопросы, связанные с интересами общества. Такая система воспитания (аталычество) имела очень большое значение в военном совершенствовании кабардинцев, являясь своеобразной школой, в которой дети проходили суровую выучку. Она сложилась еще в глубокой древности. Во всяком случае, в адыгском нартском эпосе имеются сведения, свидетельствующие о том, что «нарты знали обычай аталычества: Сосруко и Бадыноко воспитывались чужими людьми в подземелье, втайне от всех нартов (в том числе и от их отцов)» [5, с. 127].

Рассмотрение систем этикетной культуры кабардинцев и северокавказских народов в целом, показывает, что в каждой из них формулируются правила непосредственного обращения с людьми для достижения согласия и взаимовыгодных результатов. К таким предписаниям относятся этнокультурные традиции и принципы нравственных и социально-этических норм кабардинцев (адыгов)³ регулирующих взаимоотношения людей (почитание старших, гостеприимство, коммуникатив-

ное поведение и др.), бесспорно являющихся основополагающими стандартами самобытных социально-философских смыслов и мировоззренческих идеалов народа. По утверждению Б.Х. Бгажнокова, принципы учтивости и благожелательности универсальны для культуры многих народов мира, но понимание их у разных народов различные. У народов Кавказа этические принципы уважения старших и гостеприимства «можно считать конструктивными, в то время как у народов Западной Европы подобные нравственные системы уже давно не имеют прежней силы» [11, с. 180].

Чаще всего, характер и формы межэтнического общения формировались под влиянием сословного, классового и культурно-профессионального деления общества. Например, кабардинские (черкесские) дворяне славившиеся изысканностью в одежде и учтивостью в общении послужили образцом подражания для многих северокавказских народов. Традиции феодального общества, культура князей и дворян, даже в таких ее проявлениях, как этикет, была прежде всего культурой воинов, рыцарей по духу и происхождению, о чем свидетельствует рыцарский моральный кодекс – уорк-хабзе. Бесспорно нормы дворянского этикета (уорк-хабзе) оказали определенное цивилизующее воздействие как на феодальную знать, так и на все другие слои общества, стали общепринятой традиционной формой общения для всех адыгов. Генуэзец Джорджио Интериано в 1551 г. сообщал об адыгах: Они высоко ценят щедрость и охотно отдают все, чем обладают, исключая впрочем, коней и оружие [12, с. 28].

Культура общения и этикет кабардинцев (адыгов) имеет целый ряд исторически сложившихся общепризнанных понятийных и моральных принципов. Где наиболее отчетливо можно выделить такие достоинства правил этикета, как мужество, честь, разум, уважительность, человечность. В системе адыгского эти-

³ Адыги (самоназвание – адыгэ) – коренное население юго-западной части Северного Кавказа и Черноморского побережья. Предки адыгов обоживались на данной территории в V–I тысячелетие до н.э.

кета *человечность* выдвигается на первый план. По Бгажнокову, «реализация человечности осуществляется средствами этикета – адыгэ нэмыс, с использованием ресурсов разума, мужества, чести» [13, с. 17]. Этические нормы поведения и коммуникативного общения как целостная система имеет ряд подсистем: организационных форм взаимоотношения, являющихся обусловленным отображением социальной организации общества. В каждой из этих подсистем своя организация нравственных и правовых принципов общения, «свой набор стандартов и атрибутов коммуникации, манифестирующих эти принципы» [11, с. 185].

Во всех подобных случаях одни и те же нормы поведения, одни и те же нравственные принципы, в различных областях социальной жизни, могут быть представлены неодинаково. Значительно и ярко или напротив малозначительно, без каких-либо заметно выраженных форматов коммуникативного общения. К примеру, ни для кого не секрет, что принцип почитания женщин в традиционной культуре кабардинцев в наибольшей степени употреблялся во взаимоотношениях за пределами семьи, в общественном быту. В семейном быту, по степени оказания ей знаков внимания, женщина была всегда младше, а в общественной среде почти всегда старше.

Стандартные социокультурные формы общения часто становятся воплощением культурно-исторических традиций, в целом воспроизводящих специфические черты структурно-содержательных форм общения «как способа символизации различных социальных отношений» [14, с. 299–319].

Немаловажным фактором межкультурного взаимодействия, феноменом духовной культуры народов Северного Кавказа является устное поэтическое творчество. Одним из самых значимых памятников словесной культуры северокавказских народов, следует выделить героико-эпиче-

ские сказания о богатырях нартах. «Нарты рисуют адыгов чрезвычайно воинственным и отважным народом, живущим в условиях военной демократии», отмечает Я.С. Смирнов, в своей работе «Военная демократия в нартском эпосе» [15, с. 60–68].

Кавказский мифологический пантеон прошел большой и сложный исторический путь. Героико-эпический эпос Нарты – уникальное культурное наследие народов Кавказа, отображающее общие исторические корни, сходство традиций и мировоззрения разноплеменных этнических групп. По утверждению А.Т. Шортанова, его становление и развитие можно сравнить «со становлением и развитием майкопской культуры» с последующими видоизменениями, демонстрируя глубокую связь древних народов Северного Кавказа посредством общего духовного пространства, символических форм межэтнического общения и взаимопроникновения культур [16, с. 188].

Обращаясь к анализу этнофилософской, историко-культурной трактовки фольклорного материала Х.Г. Тхагапсоев утверждает, что «важную роль в культурогенезе народов Северного Кавказа сыграл <...> героический эпос Нарты», отражающий проблематику этнокультурных ценностей народов в многообразных формах проявления [17, с. 147]. Адыгская версия героико-мифологического эпоса Нарты считается одной из древнейшей на Кавказе. Об этом «свидетельствует историческое содержание образов главных его героев» и то немаловажное обстоятельство, что основное место в героико-образном пантеоне сказаний занимает образ нарта Сосруко. Сказания об этом богатыре составляют самую значительную часть адыгского эпоса; в них отразились представления различных исторических эпох и то состояние эпоса, когда чисто богатырский, воинский контекст сочетался с магическим. Сказания о Сосруко, не утратив связей с национальной мифологией, во многих случаях отображают представления об

Ахиллесе – герое древнегреческого мифа [там же, с. 45].

В фольклоре адыгов, наиболее выражено представлены две разновидности эпоса: ранний – сказания о богатырях-нартах, и поздний – именуемый историко-героическим, который можно обусловить как продукт подлинно коллективного творчества. Точнее, произведения, в которых явно просматриваются признаки авторства. Учитывая общепризнанное своеобразие и схожесть культур северокавказских народов, а также присущие им уникальные формы народного творчества, героико-эпические сказания «Нарты» демонстрируют актуальные признаки межкультурного сосуществования и символично-образного взаимообогащения, занимая особое место «в системе кавказской культуры, поскольку он в той или иной версии бытует в рамках каждой этнической культуры Северо-Кавказского региона». При этом важно отметить, что фабула нартских сказаний характеризуется многогранностью, демонстрируя, у разных народов, ярко выраженные национальные черты. Этнокультурные смыслы, воплощенные в Нартском эпосе, представляют собой компоненты коллективной модели мира, диалога и межкультурного общения народов Кавказа, которые «не только неразрывно связаны <...>, но и являются ее социокультурным воплощением», содействуя взаимообогащению художественно-образных составляющих национальных культур [там же, с. 143–173].

Обсуждение и заключение. Подводя итоги исследования, необходимо определить характерные черты и специфику культуры межкультурного общения кабардинцев, в качестве неотъемлемой части существования этнического сообщества. Устойчивой присущей межкультурному общению кабардинцев особенностью, является высокая степень уважения к традициям и обычаям других народов. Являясь неотъемлемой частью жизни общества, традиционные дружеские взаимоотношения кабардинцев с различными этнически-

ми группами, обусловили формирование уникальной культуры, обладающей стойкой исторической памятью, позволяющей в контексте современных межкультурных отношений лучше осмыслить специфику сложных процессов, происходящих в регионе на протяжении многих веков.

Таким образом, традиционные формы межкультурного общения играют важнейшую роль в культуре кабардинцев: способствуют укреплению опыта взаимодействия с представителями других народов, формируют новые подходы к сохранению национального наследия, создают фундамент для современной модели цивилизационных отношений. Важно отметить и высокий уровень толерантности, исторически сформировавшийся вследствие длительного сосуществования с разными культурами. В этом качестве выступают традиционные визиты, праздники, обряды, нормы этикета и другие социальные практики общения, благодаря которым «создается и сохраняется культурно-психическая общность каждого этноса» [1, с. 26].

Таким образом, стандарты и формы межкультурного общения – это исторически сложившиеся, соотносимые с традиционными обычаями самодостаточные компоненты общения; общепринятые способы актуализации межличностных и межгрупповых связей и отношений. При этом, межкультурные связи, обмен культурными традициями и практиками регулируют способы выражения и условия формирования «существенных явлений, характерных для развития форм общественного сознания», демонстрирующих национальную идентичность [18, с. 37–42]. Именно обычаи межкультурного общения являются самыми древними методами воспитательных, коммуникативных действий и социокультурных практик, которые «регламентировали и определяли этикетные нормы поведения» [19, с. 126–128].

На современном этапе общественного развития многие традиционные формы общения видоизменяются, вырабатывая но-

вые специфические культурные нормативы поведения. Несмотря на это, в молодежной среде, устойчиво сохраняется влечение к традиционным коммуникативным формам общения. В этих условиях основным средством передачи социального опыта и этнокультурной идентичности выступает вербальная историческая память как универсальный способ выражения и воссоздания культуры и в то же время формирования новых культурных смыслов.

В рамках данной работы не представляется возможным подробно рассмо-

треть иные формы этики коммуникативного взаимодействия и межкультурного общения кабардинцев (отношение к старшим, правила поведения дома и на улице, в общественных местах, нормы приветствия знакомого и незнакомого человека, женщины, гостя и др.). Однако можно и нужно продолжить работу по исследованию данных вопросов в качестве феноменов традиционной культуры, транслирующей многообразие нравственных стандартов и методов межэтнической толерантности.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981. 390 с.
2. Буранова М.В., Хараева Л.А. Формирование культуры мира учащихся в межкультурной коммуникации. Нальчик: Эльбрус, 2016. 136 с.
3. Золотова Б.Х. Культура межэтнического общения: Региональный аспект: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Ставрополь, 2004. 22 с.
4. Шафиев Н.А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV–XVI вв.). Нальчик: Эльбрус, 1968. 172 с.
5. Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Эльбрус, 1982. 256 с.
6. Мальбахов Б.К. Взаимоотношения Кабарды с Россией: От военно-политического союза к установлению российской администрации: середина XVI – первая четверть XIX в. [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Отечественная история. Владикавказ. 1999. 447 с. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/vzaimootnosheniya-kabardy-s-rossiei-ot-voenno-politicheskogo-soyuza-k-ustanovleniyu-rossiisk>. Дата обращения: 10.03.2026.
7. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа. Нальчик: М. и В. Котляровы, 2011. 92 с.
8. Гутов А.М. Константы в культурном пространстве: Публицистика. Фольклор. Литература. Нальчик: Эльбрус, 2011. 216 с.
9. Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX в.) // Кавказский этнографический сборник. М.: Наука, 1989. С. 59-215.
10. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эль-фа, 1999. 352 с.
11. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 232 с.
12. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа [Электронный ресурс]. Сухуми, 1937. 180 с. Режим доступа: http://apsnyteka.org/648-ubua_frederic_de_monpere_puteshestvie_vokrug_kavkaza.html. Дата обращения: 17. 03. 2026.
13. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик: Эль-фа, 1999. 96 с.

14. Гамперц Д.Д. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 299-319.
15. Смирнов Я.С. Военная демократия в нартском эпосе // Советская этнография. 1959. № 6. С. 60-68.
16. Шортанов А.Т. Адыгская мифология / под ред. А.А. Алиевой. Нальчик: Эльбрус, 1982. 196 с.
17. Тхагапсоев Х.Г. Нартский эпос как логос кавказского культурогенеза (экзистенциальная реконструкция) // Истоки региональных культур России: сборник научных статей. СПб., 2000. С. 143-173.
18. Саламов Б.С. Обычаи и традиции горцев. Орджоникидзе: Ир, 1968. 137 с.
19. Базиева Г.Д. Этнические традиции в социокультурном пространстве Северного Кавказа [Электронный ресурс] // Общество: философия, история, культура. 2020. № 9. С. 126-128. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-traditsii-v-sotsiokulturnom-prostranstve-severnogo-kavkaza/viewer>. Дата обращения: 12.03.2026.

REFERENCES

1. Bromley, Yu.V. (Modern Problems of Ethnography). Moscow: Nauka, 1981. 390 p. [In Russ.]
2. Buranova, M.V., Kharaeva, L.A. (Formation of Students' World Culture in Intercultural Communication). Nalchik: Elbrus, 2016. 136 p. [In Russ.]
3. Zolotova, B.Kh. (Culture of Interethnic Communication: Regional Aspect): Abstract of a PhD Thesis: 09.00.13. Stavropol, 2004. 22 p. [In Russ.]
4. Shafiev, N.A. (History and Culture of the Kabardians in the Late Middle Ages (14th–16th Centuries)). Nalchik: Elbrus, 1968. 172 p. [In Russ.]
5. Vilinbakhov, V.B. From the history of the Russian-Kabardian military commonwealth. Nalchik: Elbrus, 1982. 256 p. [In Russ.]
6. Malbakhov, B.K. Relations between Kabarda and Russia: from a military-political union to the establishment of Russian administration: mid-16th – first quarter of the 19th century. [Electronic resource]: dis. ... Dr Sci. (History): 07.00.02. Domestic history. Vladikavkaz. 1999. 447 p. Access mode: <https://www.dissercat.com/content/vzaimootnosheniya-kabardy-s-rossiei-ot-voenno-politicheskogo-soyuza-k-ustanovleniyu-rossiisk>. Date of access: 10. 03. 2026. [In Russ.]
7. Stal, K.F. Ethnographic essay on the Circassian people. Nalchik: M. and V. Kotlyarov, 2011. 92 p. [In Russ.]
8. Gutov, A.M. Constants in Cultural Space: Journalism. Folklore. Literature. Nalchik: Elbrus, 2011. 216 p. [In Russ.]
9. Volkova, N. G. Ethnocultural Contacts of the Peoples of the Mountainous Caucasus in Public Life (19th – Early 20th Centuries) // Caucasian Ethnographic Collection. Moscow: Nauka, 1989. P. 59-215. [In Russ.]
10. Mambetov, G.Kh. Traditional Culture of Kabardians and Balkars. Nalchik: El-fa, 1999. 352 p. [In Russ.]
11. Bgazhnokov, B.Kh. Essays on the Ethnography of Adyghe Communication. Nalchik: Elbrus, 1983. 232 p. [In Russ.]
12. Frederic Dubois de Montperreux. Journey around the Caucasus [Electronic resource]. Sukhumi, 1937. 180 p. Access mode: http://apsnyteka.org/648-ubua_frederic_de_monpere_puteshestvie_vokrug_kavkaza.html. Date of access: 17. 03. 2026. [In Russ.]
13. Bgazhnokov, B.Kh. Adyghe Ethics. Nalchik: El-fa, 1999. 96 p. [In Russ.]
14. Gumperts, D.D. On the Ethnographic Aspect of Language Changes // New in Linguistics. Issue VII. Sociolinguistics. Moscow, 1975. P. 299-319. [In Russ.]
15. Smirnov, Ya.S. Military Democracy in the Nart Epos // Soviet Ethnography. 1959. No. 6. P. 60-68. [In Russ.]

-
16. Shortanov, A.T. Adyghe Mythology / edited by A.A. Alieva. Nalchik: Elbrus, 1982. 196 p. [In Russ.]
17. Tkhangapsoev, H.G. The Nart Epos as a Logos of Caucasian Cultural Genesis (Existential Reconstruction) // The Origins of Regional Cultures of Russia: A Collection of Scientific Articles. St. Petersburg, 2000. P. 143-173. [In Russ.]
18. Salamov, B.S. Customs and Traditions of the Highlanders. Ordzhonikidze: Ir, 1968. 137 p. [In Russ.]
19. Bazieva, G.D. Ethnic Traditions in the Sociocultural Space of the North Caucasus [Electronic Resource] // Society: Philosophy, History, Culture. 2020. No. 9. pp. 126-128. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-traditsii-v-sotsioku-lturnom-prostranstve-severnogo-kavkaza/viewer>. Date of access: 12.03.2026. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Наиля Вагизовна Галимова, кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии. Северо-Кавказский государственный институт искусств. 360003, Российская Федерация, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 1, e-mail: hudshkolanal@mail.ru

Nailya V. Galimova, PhD (Cultural Studies), Associate Professor, Department of Cultural Studies, the North Caucasus State Institute of Arts. 360003, the Russian Federation, the Kabardino-Balkarian Republic, 1 Nalchik. Lenin Ave., e-mail: hudshkolanal@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 02.03.2026

Поступила после рецензирования 20.04.2026

Принята к публикации 23.04.2026

Received 02.03.2026

Revised 20.04.2026

Accepted 23.04.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-24-34>
УДК 94(470.6) «1914/1918»

Роль кубанских пластунских формирований в Сарыкамышской операции

З.Я. Емтыль✉, И.В. Худолей

*Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Российская Федерация
✉adg1070@gmail.com*

Аннотация. Введение. Актуальность темы исследования определяется значительным преобладанием внимания научного сообщества к ходу вооруженного противостояния в годы Первой мировой войны на Восточном фронте, в то время как значимые события Кавказского театра военных действий остаются без должного исследовательского внимания. В этой связи научный интерес представляет обращение к одной из наиболее крупных побед русской армии в Первой мировой войне – битве при Сарыкамыше, важные аспекты которой до настоящего времени являются недостаточно изученными. В их ряду находится участие и роль кубанских пластунских казачьих формирований в сражении.

Материалы и методы. При написании статьи использовались делопроизводственная документация штаба Кавказской армии и материалы региональной периодики.

Исследование основано на применении проблемно-хронологического, историко-генетического методов и системного подхода.

Результаты исследования. Авторами проанализированы планы противоборствующих сторон, военно-стратегическая ситуация накануне битвы, ход военных действий и непосредственно участие в них кубанских пластунских формирований.

Обсуждение и заключение. Пластунские казачьи формирования оказались главной силой в военном противостоянии с турецкими горными стрелками, элитой армии Османской империи. Благодаря применению особых военных навыков пластунов была одержана победа в битве, подорвана военная мощь османской армии, ее наступательный потенциал, что позволило командованию русской армии концентрировать основные ресурсы на Восточном фронте Первой мировой войны.

Ключевые слова: Российская империя, Османская империя, Оттоманская Порта, Сарыкамыш, пластуны, Кавказский фронт

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке Кубанского научного фонда (проект ППН-24.1/22 «История России: региональный компонент (История Кубани)»).

Для цитирования: Емтыль З.Я., Худолей И.В. Роль кубанских пластунских формирований в Сарыкамышской операции. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 24–34. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-24-34>

The role of the Kuban Plastun troops in the battle of Sarikamish

Z.Ya. Emtyl✉, I.V. Khudoley

The Kuban State University of Technology, Krasnodar, The Russian Federation
✉adg1070@gmail.com

Abstract. Introduction. The relevance of the research topic is determined by the predominant focus of the scientific community on the Eastern Front during World War I, while significant events in the Caucasus Theater of Operations lack sufficient scholarly attention. In this regard, it is of scientific interest to examine one of the largest battles of the Russian Army in WWI – the Battle of Sarikamish, key aspects of which remain under-researched. Among these is the participation and role of the Kuban Plastun Cossack formations.

The Materials and Methods. The article utilizes administrative records of the Caucasian Army Headquarters and materials from regional periodicals. The research is based on the application of problem-chronological and historical-genetic methods, as well as a systems approach.

The Research Results. The authors analyze the plans of the belligerent parties, the military-strategic situation preceding the battle, the course of military operations, and the direct involvement of the Kuban Plastun troops.

Discussion and Conclusion. The Plastun Cossack troops became the primary striking force against the elite Ottoman mountain infantry troops, the elite of the Ottoman Empire's army. Due to the Plastuns' unique military skills, victory was achieved, undermining the Ottoman Army's strength and offensive potential. This allowed the Russian High Command to concentrate its primary resources on the Eastern Front of World War I.

Keywords: the Russian Empire, the Ottoman Empire, Sublime Porte, Sarikamish, the Plastuns, the Caucasian Front

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Kuban Science Foundation (project PPN-24.1/22 «History of Russia: Regional Component (History of Kuban)»).

For citation: Emtyl Z.Ya., Khudoley I.V. The Role of the Kuban Plastun Formations in the Sarykamysh Operation. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 24–34. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-24-34>

Введение. В последние десятилетия обнаружился рост исследовательского интереса к истории Первой мировой войны и отдельных военных операций в ее рамках, предопределивших исход вооруженного противостояния. Вместе с тем, очевидным является значительное преобладание внимания отечественного научного сообщества к ходу вооруженного противостояния на Восточном фронте, в то время как значимые события Кавказского театра военных действий остаются без должного исследовательского внимания. В этой связи научный интерес представляет обращение к битве при Сарыкамыше, ставшей одной из наиболее крупных побед русской

армии в Первой мировой войне, важные аспекты которой до настоящего времени являются недостаточно изученными. В их ряду находится участие и роль кубанских пластунских казачьих формирований в сражении. Научная разработка данной, казалось-бы частной проблемы, находящейся на стыке всеобщей, отечественной и региональной истории, способна расшить границы видения проблем, связанных с историей Первой мировой войны.

Исходя из характера научной разработки проблемы целью исследования является анализ участия и роли казачьих пластунских формирований в успехе Сарыкамышской операции.

Обзор литературы. Первые попытки анализа событий, происходивших на Кавказском фронте военных действий, были связаны с русской эмигрантской литературой, авторы которой принимали непосредственное участие в военных действиях русской армии на Кавказе в годы Первой мировой войны. В частности, К.З. Ахаткин в 1925 г. выпустил статью «Сарыкамыш» [1]. Среди большинства эмигрантских авторов комплексностью и широтой охвата проблем отличается монография бывшего генерал-квартирмейстера Е.В. Масловского «Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг.» [2]. В ней автор не только описал военные действия русской императорской армии на Кавказе, но и ландшафтные и климатические условия в районе Сарыкамыша, оказавшие серьезное влияние на планы сторон и исход битвы.

Для зарубежной историографии также характерна концентрация исследовательского внимания вокруг событий, происходивших на Западном и Восточном фронтах Первой мировой войны. События Кавказского театра военных действий отражены фрагментарно. Отчасти подобная расстановка исследовательских приоритетов объясняется длительной закрытостью российских архивных коллекций для зарубежных ученых-историков.

Первые попытки исследования Кавказского театра военных действий в отечественной военно-исторической науке относятся ко второй половине 1930-х гг. Крупнейший специалист А.М. Зайончковский, сосредоточив свое внимание на Восточном театре военных действий в труде «Мировая война 1914–1918» отразил последовательность военных действий на российско-турецком фронте и предпринял попытку их периодизации.

Впервые в отечественной науке боевые действия на Кавказе были обстоятельно рассмотрены в исследованиях военного специалиста, знатока Турции и Ближнего Востока Н.Г. Корсуна, служившего в годы Первой мировой войны на

Кавказском фронте. В них пластунские казачьи формирования были упомянуты в качестве одной из главных боевых единиц в Сарыкамышском сражении [4]. Важные статистические данные о задействованных на Кавказском фронте силах и средствах противоборствующих сторон, хронологии событий нашли отражение в исследовании Е.В. Лудшувейта «Турция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.» [5]. Однако в целом для советской историографии на протяжении многих лет изучение действий русской императорской армии в Первой мировой войне, анализ важнейших военных операций на Восточном и Кавказском фронтах, объективное рассмотрение принятых царским генералитетом решений и феномен массового героизма, проявленного солдатами Русской императорской армии, к сожалению, оставались без должного внимания, что, в первую очередь, было связано с восприятием Первой мировой войны как империалистической, не связанной с защитой интересов Родины.

Значительное возрастание интереса к истории Первой мировой войны произошло в постсоветский период. Появились труды О.В. Матвеева и Б.Е. Фролова, посвященные как анализу Сарыкамышской оборонительной операции [6], так и изучению роли отдельных казачьих частей, принимавших в ней участие [7].

Развернутый анализ структуры казачьих подразделений в годы Первой мировой войны и сражений, в которых они участвовали был предпринят Г.Г. Матишовым и А.В. Венковым в работе «Казачество Юга России в 1-й Мировой войне» [8]. Однако непосредственно участие казачьих пластунских формирований в данной операции рассмотрено в общих чертах, как одна из многих славных страниц казачьей истории.

Несмотря на рост научного интереса к участию казачьих формирований в военных действиях на Кавказском фронте, в целом разработка данной проблемы имеет фрагментарный характер и лишена

комплексности. Большое число «белых пятен» имеет проблема вклада кубанских пластунских подразделений в успех Сарыкамышской операции (9 декабря 1914 – 5 января 1915 гг.). Имена многих героев этого сражения и совершенные ими подвиги продолжают оставаться неизвестными.

Материалы и методы. Для проведения исследования были привлечены как опубликованные, так и неопубликованные источники. Значительную их часть составили документы делопроизводства – приказы, сводки, отчеты штаба Кавказского фронта, позволившие реконструировать ход военных действий, состав участников, планы российского военного командования.

Важная информация об участии кубанских пластунских формирований в Сарыкамышской операции, совершенных пластунами военных подвигах и наградах была извлечена из материалов региональной периодики, широко освещавшей события, происходившие на фронтах Первой мировой войны.

Проведение исследования предполагало опору на совокупность исследовательских методов и подходов. Необходимость осуществления комплексного исследования обозначенной проблемы, обеспечение ему логической целостности обусловила применение проблемно-хронологического, историко-генетического, историко-сравнительного методов и системного подхода.

Результаты исследования. В 1914 г. Османская Порта стремительно двигалась к новому противостоянию с Россией. Для ведения военных действий против Кавказской армии была начата мобилизация 3-й турецкой армии, которой отводилась роль основной ударной силы в предстоявшем военном противостоянии с Россией. Она состояла из 3-х армейских корпусов, объединявших в себе по три пехотные дивизии. Однако мобилизация турецкой армии проходила с большими трудностями из-за острой нехватки в артиллерийских орудиях и снарядах,

недостаточности обученного личного состава, плохого продовольственного и фуражного обеспечения. Из-за проблем в снабжении телефонными и телеграфными аппаратами, связь в большинстве случаев поддерживалась конными посыльными и делегатами для связи [4, с.12]. Общая численность армии Османской империи на Кавказском направлении составила 170 тыс. человек и 300 орудий [9, с. 222].

Увеличивая состав своей армии, турецкое правительство начало стягивать действующие подразделения к границам России, концентрируя войска в районе Эрзурума. Активизировались и действия турецкой разведки в Аджарии и Батуми. С началом военных действий между противоборствующими военно-политическими блоками, Османская империя, подталкиваемая младотурецкими активистами, присоединилась к Тройственному союзу. Подобная внешнеполитическая ориентация не являлась неожиданностью для стран Антанты. Им было известно, что Турция стремилась взять реванш и вернуть под свой контроль потерянные по итогам русско-турецких войн территорий, а, в последующем, овладеть Средней Азией. Эти цели вытекали из политики туранизма – турецкого пантюркизма и панисламизма, лежавших в основе идеологии господствующих классов страны. Яростнее всех среди руководителей партии «Единение и прогресс» ратовал за вступление Турции в войну на стороне Германии вице-генералиссимус турецкой армии Энвер-паша.

Основные усилия турок были сосредоточены на Кавказском направлении. Операции на данном участке фронта преследовали целью реализацию одновременно и панисламистских, и пантюркистских целей [10]. Совместно с германскими союзниками, испытывавшими большие затруднения на русско-германском фронте, турецким военным командованием была разработана масштабная наступательная операция в направлении Сарыкамыш – Батум – Карс – Ардаган. Ее целью был

как можно более скорый разгром русской кавказской армии и установление контроля над Кавказом. В последующем османское командование во главе с Энвер-пашой строило амбициозные планы вторжения в Прикаспий, Поволжье и Среднюю Азию в расчете на поддержку мусульманских народов восточной части России и их восстание против российских имперских властей [4, с. 22–23].

В конце сентября 1914 г. Турция закрыла черноморские проливы для судов стран Антанты, что резко ухудшило положение Российской империи. Прекращение военных поставок странами-союзницами в Россию через черноморские проливы крайне негативно отразилось на положении русской армии. Блокирование черноморских проливов являлось фактическим объявлением войны России и ее союзникам. Начало открытых военных действий со стороны Османской империи не заставило себя долго ждать. 29 октября германо-турецкая эскадра обстреляла Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск. В ответ на эти действия Российская империя объявила ей войну.

Для России, уже втянутой в войну с Германией и Австро-Венгрией, начало военных действий с третьей стороной, Османской армией, представляло серьезную угрозу. Прогнозируя возможность войны с Турцией, российское военное командование еще до ее начала сформировало отдельную Кавказскую армию. Руководство ее было возложено на Наместника России на Кавказе И.И. Воронцова-Дашкова. Именно на Кавказскую армию, растянутую от Батума до Сарыкамыш, легла вся тяжесть войны с Османской империей. Она состояла из 120 пехотных батальонов и 127 казачьих сотен, на вооружении которых было 304 артиллерийских орудий. Одним из казачьих подразделений, действовавших на приморском (Батумском) направлении была 1-я Кубанская пластунская бригада, состоявшая из кубанских пластунских батальонов.

«Пластуны» происходило от слова «пласт» и буквально означало лежать пластом. Так в Черноморском казачьем войске называли казаков, направлявшихся вперед от сторожевой линии и создававших в камышах и плавнях Кубани засады противнику. Как правило, в пластуны набирались выходцы из малообеспеченных казачьих семей, обладавшие хорошими навыками стрельбы и выносливостью. На них возлагалось выполнение ряда сложных специфических военных задач: разведывательные действия, организация засад, подготовка и проведение диверсий в тылу врага. Отбор в пластуны проходили лишь наиболее стойкие, физически развитые и находчивые казаки, виртуозно владевшие различными видами оружия. Отличительными чертами пластунов были их особая структура, уникальные боевые методы, специфический образ жизни и устоявшиеся традиции.

В самом начале Первой мировой войны на фронт было мобилизовано 18 пластунских батальонов. Уже к весне 1915 г. их количество выросло до 22 [8, с. 73–74]. Наиболее славной страницей пластунских подразделений в сражениях Первой мировой войны стала битва при Сарыкамыше.

Сарыкамышское направление турецкого удара на Кавказском фронте стало главным неслучайно. Именно на нем были сосредоточены основные силы российской Кавказской армии. В нее входили 1-й Кавказский армейский корпус под началом генерал-лейтенанта Г.Э. Берхмана, состоявший из 2-х пехотных дивизий, 1-ой Кавказской казачьей дивизии, 2-го Туркестанского армейского корпуса под руководством генерала В.А. Слюсаренко, 3-й Кавказской стрелковой бригады, дислоцированной в Карсе и Сибирской казачьей бригады в Тифлисе.

Важность Сарыкамышского направления сложно переоценить. Турецкое военное руководство планировало раз-

бить основные силы Кавказской армии и установить контроль над Закавказьем. Поддержку действиям турецкой армии в российском тылу должно было оказать восстание мусульманского населения Батумской области. С целью его провокации в Аджарии активную проповедь газавата проводили турецкие эмиссары. В случае овладения Батумом Османская армия получала возможность развития успешного наступления на приморском направлении в направлении Западной Грузии и далее вглубь Закавказья.

Важной составной частью этого плана являлась нейтрализация русских сил в районе Сарыкамыш. Силы 11-го корпуса 3-й турецкой армии совместно со 2-й кавалерийской дивизией и курдским конным корпусом должны были связать боем русский Сарыкамышский отряд. В то же время перед 9-м и 10-м армейскими корпусами ставилась задача уничтожения немногочисленного Ольтинского отряда, после чего обходным маневром через Бардиз они должны были отрезать конечную тыловую базу Сарыкамышского отряда на узловой железной дороге у селения Сарыкамыш, где были сконцентрированы склады военно-технического и продовольственного обеспечения русской кавказской армии [4, с. 25–26]. Реализация этого военного замысла турецкого командования была основана на скрытности движения и стремительности проведения операции. Таким образом, в результате его реализации турецкая армия получала возможность быстрого прорыва к Главному Кавказскому хребту.

Начальник штаба Кавказской армии Н.Н. Юденич исходил из здравых предположений, что российское военное командование рассматривает Кавказский театр военных действий как второстепенный по сравнению с Западным фронтом, поэтому в кампании против Османской империи, ему придется рассчитывать только на свои силы. Подкрепления поступали преимущественно на приоритетные участки

фронта, к которым на начальном этапе войны Кавказский театр военных действий не относился. В результате анализа предполагаемых планов противника, генерал отметил, что на Сарыкамышском участке русские войска имеют над турками почти двойное превосходство. Слабым звеном был отряд под руководством Истомина на Ольтинском направлении, который значительно уступал врагу в силах. Исходя из сложившейся расстановки сил, генерал Н.Н. Юденич решил придерживаться оборонительных действий.

В начале декабря 1914 г. вице-генералиссимус турецкой армии Энвер-паша решил нанести Кавказской армии под Сарыкамышем сокрушительное поражение. Осознавая сложность положения русской армии, вызванную практически отсутствием резервов и аджарским восстанием в тылу, Энвер-паша решил взять инициативу в руки турецкой армии. Военный замысел турок состоял в том, чтобы сковать Сарыкамышскую группировку, совершив одновременно глубокий обход русских войск через Альты и Бардус, отрезать русских от Карса и уничтожить.

После проведения необходимых подготовительных действий турецкая армия 5 декабря начала масштабное наступление на Сарыкамышском направлении. Под мощным натиском противника части Кавказской армии были вынуждены отступать. 6 декабря начались бои на Ольтинском участке, целью которых было обойти Сарыкамыш с севера. 9-го декабря 1914 г. 10-й турецкий корпус смял небольшой Ольтинский отряд. Туркам удалось реализовать свой план, захватить город Ардаган и прервать железнодорожную и телеграфную связь с Тифлисом.

В этот важнейший период в Ардаганский отряд вошла 3-я Кубанская пластунская бригада генерала И.А. Геника. 11 декабря турки заняли Бардусский перевал в 18 верстах от Сарыкамыша. Казаки отходили с боями. 12 декабря Сарыкамышский отряд генерала Г.Э. Берх-

мана отошел к границе и занял прочную оборону [14, с. 54]. Это позволило командованию Кавказской армии снять часть сил с флангов и совместно с армейским резервом направить к Сарыкамышу.

Русские при обороне Сарыкамыша могли противопоставить 17-й и 29-й турецким пехотным дивизиям, составившим в совокупности 18 батальонов лишь сборный отряд в 6,5 батальонов, 1,5 сотни, 2 орудия и 16 пулеметов. В то время, когда к Сарыкамышу приближались значительные силы противника, командиром 2-й Кубанской пластунской бригады был назначен полковник Н.А. Букретов. Под его руководством с 13 по 15 декабря в тяжелейших условиях пластуны мужественно удерживали позиции на подступах к Сарыкамышу до прибытия 1-й и 2-й пластунских бригад и других военных частей. Происходило накопление российских военных ресурсов. Однако соотношение сил по-прежнему было не в пользу оборонявшихся. 14-го декабря 48-ми турецким батальонам русская армия в районе Сарыкамыша могла противопоставить 12,5 батальонов, 7 сотен, 22 орудия и 33 пулемета. Вечером 15 декабря в 30 градусный мороз и снегопад в Сарыкамыш подошли еще 5 батальонов 1-й Кубанской пластунской бригады [8, 161].

Чтобы противостоять обходу 10-го корпуса, руководивший обороной полковник Г. Э. Берхман, пошел на риск и решил ослабить свой менее опасный левый фланг. Из снятых с левого фланга частей был сформирован отряд под руководством Н.Н. Баратова. В его состав вошли пять батальонов 2-й кубанской пластунской бригады и три полка 1-й кавказской казачьей дивизии с батареей. Отряд Н.Н. Баратова выдвинулся через Каракурт и Али-Софи в район севернее Сарыкамыша, таким образом, создав преграду обходу 10-го корпуса. В случае необходимости он также должен был подойти на помощь подошедшему к этому времени к Сарыкамышу отряду Пржевальского [4, с. 87].

16 декабря турки атаковали Сарыкамыш. Императорским войскам пришлось отступать. После вынужденного отхода 1-й кубанской пластунской бригады, турки ценой больших потерь овладели вокзалом и ворвались на городские окраины Сарыкамыша. Чтобы избежать поражения, в течение всего дня на особенно опасные участки, подвергавшиеся мощному давлению противника, направлялись резервы, которые снимались с менее опасных участков. Перед атакой турок как последний резерв были введены две сотни 6-го кубанского пластунского батальона во главе с начальником штаба 1-й кубанской пластунской бригады Р.И. Терменом. Их появление в северной части Сарыкамыша и в прилегающем лесу изменило ход военных действий. Молниеносная контратака резерва оказалась успешной. От внезапного штыкового удара 6-го пластунского батальона противник понес большие потери, был вынужден отступить и не имел больше возможности проводить атаки по позициям русских войск. Воодушевленные успехом 6-го пластунского батальона, атакованные на других участках фронта части русской императорской армии, тоже перешли в контрнаступление, захватив вокзал и отбросив турок на шоссе. Ночью последний резерв Н.А. Букретова – 2 сотни 6-го батальона – пошел в штыки. Турок удалось остановить. 17 декабря в атаку перешел сам Н. Букретов. Русские войска, насчитывающие теперь 18,5 батальонов, 8 сотен, 40 орудий и 78 пулеметов, отбросили обошедшие их с севера части 10-го турецкого корпуса [8, с.161].

18–19 декабря, перешедшие в наступление части Сарыкамышского отряда, начали бои за Бардусский перевал. 4-й Кубанский пластунский батальон захватил там горную батарею. За взятие этой важной позиции подьесаул М.Н. Дубина был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени [8, с.162]. Войсковой старшина П.Ф. Романенко с тремя сотнями взял 6 орудий и 4 пулемета за что тоже

был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. 1-я сотня подъесаула И.В. Ермолова 20 декабря заняла сам перевал и высоту рядом [15, с. 89].

Успехи пластунов под Сарыкамышем имели большое значение для развития ситуации на всем Кавказском фронте. 20 декабря 1914 г. части русской кавказской армии заняли город Бардус и взяли в кольцо окружения 9 турецкий корпус. На следующий день отряд под руководством генерала Истомина вытеснил турецкие войска из Ардагана.

Пока шли бои за перевал, 21, 22 декабря части Н.Н. Баратова (2-я пластунская бригада) совершили дерзкий маневр: заняли село Дивик, обойдя левый фланг турок. В ходе боев 2-я Кубанская пластунская бригада сумела пленить 30 турецких офицеров и свыше 400 солдат. Кроме того, в качестве военных трофеев у противника были захвачены 2 орудия, 16 ящиков со снарядами и около 1000 ружей [8, с. 162].

«20, 21 и 22 декабря, после упорных боев на нашем правом фланге, турки были выбиты из ряда сильных позиций, и я занял дер. Едды-Килиса, Чатал и Дивик. В этом последнем селении были захвачены в плен: штаб турецкой пехотной дивизии с Начальником дивизии, более 40 офицеров и врачей и свыше 1000 нижних чинов, причем захвачены 2 орудия и до 2000 винтовок», – вспоминал генерал И.Е. Гулыга [11; с. 99]. В этих боях особо отличились казаки 11-го Кубанского пластунского батальона – приказный А. Проценко и пластуны Н. Бурко, М. Буровик и С. Величко, которые «при наступлении турок 22.12.1914 г. под сел. Дивик. будучи посланы в разведку, зашли с фланга в тыл противнику, где обнаружили неприятельскую батарею, которая обстреливала нашу цепь. Бросившись на батарею, они перебили прислугу, повернули одно орудие в сторону противника и обстреляли отступающие части противника, выпустив 20 снарядов, за наводчика был пластун Никифор Бурко, чем способствовали взятию сел. Дивик». [12, с. 356].

В это же время была исправлена ситуация на флангах. На помощь отступающим частям отряда генерала И.А. Геника под Ардаган подошла Сибирская казачья бригада генерала П.П. Калитина. За три дня бригада проделала марш в 133 километра. 21-го декабря Сибирская казачья бригада и отряд генерала Истомина совместно с Кубанскими пластунами овладели городом Ардаган [13, с. 151–152].

К 1-му января 1915 г. был окружен 9-й турецкий корпус. Оказавшись без поддержки и в окружении 1 января 1915 г. он был вынужден сдаться вместе со своим командиром и штабом. Сарыкамышская операция завершилось безусловной победой русской императорской армии. В боях на Бардузском перевале особо отличились 3-й, 4-й и 6-й батальоны 1-й Кубанской пластунской бригады. В 3-м батальоне 147 пластунов стали георгиевскими кавалерами за этот бой.

Победа русских войск при Сарыкамыше предопределила ход военных действий на всем Кавказском фронте. Уже к 7 января 1915 г. российским войскам удалось восстановить линию фронта, которую они занимали до начала наступления войск противника. В ходе боев 3-я османская армия потеряла убитыми и ранеными 60 000 и около 18 000 обмороженными [14, с. 237–241]. Потери русской армии были значительно меньше и составили около 20 000 убитыми и ранеными и 6000 обмороженными [4, с. 142].

Именно Кубанские пластунские формирования, имевшие навыки ведения боевых действий в горной местности, смогли остановить наступление отрядов турецких горных стрелков и тем самым сыграли ключевую роль в исходе битвы при Сарыкамыше. Подвиги есаулов 4-го Кубанского пластунского батальона отражены на страницах Кубанского казачьего вестника. Так, 1 января 1915 г. «Кубанский казачий вестник» опубликовал информацию о полном разгроме турецкой армии при Сарыкамышем благодаря подвигу кубанских есаулов

[16]. Имеются и описания самих подвигов кубанских казаков. «Матвей Дубина награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за то, что смог взять вражескую горную батарею, находясь в меньшинстве [17], а Иван Фирсов во главе своей сотни ночью бросился в атаку и захватил 27 пленных и 6 горных орудий у почти неприступной вражеской позиции [18]. 8 февраля 1915 г. в Екатеринодаре состоялось награждение казаков-пластунов. Пластуны получили 240 крестов за беззаветную храбрость, проявленную в славных боях» [19].

Победа русских войск под Сарыкамышем создала условия развития наступления, завершившегося полным разгромом 3-й турецкой армии и взятием города Эрзурум, имевшего большое военно-стратегическое значение.

Обсуждение и заключение. Кубанские пластунические формирования проявили свои лучшие качества во время сражения

при Сарыкамыше и сыграли важную роль в ее победоносном исходе. Большое значение в успехе битвы имели особые военные навыки пластунов: навык ведения военных действий в горном ландшафте; тактика проведения боевых операций малыми группами, позволявшая сковывать большие силы турок. В результате пластунические казачьи формирования оказались главной силой в военном противостоянии с турецкими горными стрелками, элитой армии Османской империи.

Участие в битве пластунических формирований способствовало тому, что русские подразделения уцелели, а третья турецкая армия, напротив, была уничтожена. В результате была подорвана военная мощь османской армии, ее наступательный потенциал, что позволяло командованию русской армии и дальше концентрировать основные ресурсы на Восточном фронте Первой мировой войны.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахаткип К.З. Сарыкамыш // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного самообразования. Кн. 6. М., 1925. С. 105-128.
2. Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 гг. Париж: Возрождение, 1933. 504 с.
3. Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918: в 2 т. М.: Воениздат, 1938–1939.
4. Корсун Н.Г. Сарыкамышская операция на Кавказском фронте мировой войны в 1914–1915 гг. М.: Государственное военное издательство Наркомата союза ССР, 1937. 164 с.
5. Лудшувейт Е.В. Турция в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. М.: МГУ, 1966. 386 с.
6. Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Кубанские пластуны. Краснодар: Традиция, 2018. 302 с.
7. Матвеев О.В. Боевая слава кубанского казачества от Березани до Сарыкамыш: вопросы военной истории казачества Кубани конца XVIII-начала XX столетия. Краснодар: Традиция, 2012. 452 с.
8. Матишов Г.Г., Венков А.В. Казачество Юга России в 1-й Мировой войне. Ростов-н/Д: Альгаир, 2018. 360 с.
9. Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов-н/Д: РГУ, 2003. 448 с.
10. Liman von Sanders. Fünf Jahre Türkei, SS. 37-38. Feldmarschail Freiherr Conrad von Hötendorff. Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918. Bd. 4. Wien-Berlin, 1923. P. 361.

-
11. Матвеев О.В. «Пластунский батько»: из жизни и военно-исторического наследия генерала И.Е. Гулыги // Беззаветно тебя мы любили святая русская наша земля...: материалы X Международных дворянских чтений, посвященных 100-летию начала Первой мировой войны. Краснодар, 2014. С. 99.
 12. Галич А.М. Материалы к истории 11-го Кубанского пластунского батальона с 10.08.1914 по 01.01.1917 года по документам Государственного архива Краснодарского края // Кубанский сборник (VI) 26. Краснодар, 2015.
 13. Трут В.П. Дорогой славы и утрат. М.: Эксмо, 2007. С. 151-152.
 14. Корсун Н. Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М.: Транзиткнига; АСТ, 2004. 685 с.
 15. Елисеев Ф.И., Стрелянов П. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917. Записки полковника Кубанского казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М.: Воениздат, 2001. 308 с.
 16. Кубанский казачий вестник. 1915. 1 янв. С. 15.
 17. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 43. Л.160.
 18. РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 43. Л.159
 19. ГАКК. Справочно-информационный фонд. Приказы Кубанского казачьего войска за 1915 г.

REFERENCES

1. Akhatkip, K.Z. Sarikamysh // Military Collection of the Society of Advocates of Military Knowledge and Circles of Higher Military Self-Education. Book 6. Moscow, 1925. P. 105-128. [In Russ.]
2. Maslovsky, E.V. The World War on the Caucasian Front, 1914–1917. Paris: Vozrozhdenie, 1933. 504 p. [In Russ.]
3. Zayonchkovsky, A.M. The World War 1914–1918: in 2 volumes. Moscow: Voenizdat, 1938–1939. [In Russ.]
4. Korsun, N.G. The Sarikamysh Operation on the Caucasian Front of the World War in 1914–1915. Moscow: State Military Publishing House of the People's Commissariat of the USSR, 1937. 164 p. [In Russ.]
5. Ludshuveit, E.V. Turkey during the First World War 1914–1918. Moscow: Moscow State University, 1966. 386 p. [In Russ.]
6. Matveyev, O.V., Frolov, B.E. The Kuban Plastuns. Krasnodar: Traditsiya, 2018. 302 p. [In Russ.]
7. Matveyev, O.V. Military Glory of the Kuban Cossacks from Berezan to Sarykamysh: Issues in the Military History of the Kuban Cossacks of the Late 18th – Early 20th Centuries. Krasnodar: Traditsiya, 2012. 452 p. [In Russ.]
8. Matishov, G.G., Venkov, A.V. The Cossacks of the Southern Russia in the First World War. Rostov n / D: Altair, 2018. 360 p. [In Russ.]
9. Ryzhkova, N.V. The Don Cossacks in the Russian Wars of the Early 20th Century. Rostov-on-Don: RSU, 2003. 448 p. [In Russ.]
10. Liman von Sanders. Fünf Jahre Türkei, SS. 37-38. Feldmarschail Freiherr Conrad von Hötzendorff. Aus meiner Dienstzeit. 1906–1918. Bd. 4. Vienna-Berlin, 1923. P. 361.
11. Matveyev, O.V. Plastunsky Batko: from the life and military-historical legacy of General I.E. Gulyga // We loved you selflessly, our holy Russian land...: Proceedings of the 10th International Nobility Readings dedicated to the 100th Anniversary of the Beginning of the First World War. Krasnodar, 2014. P. 99. [In Russ.]
12. Galich, A.M. Materials for the history of the 11th Kuban Plastun Battalion from 10.08.1914 to 01.01.1917 based on the documents of the State Archives of the Krasnodar Territory// The Kuban Collection (VI) 26. Krasnodar, 2015. [In Russ.]
13. Trut, V.P. On the Road of Glory and Loss. Moscow: Eksmo, 2007. pp. 151-152. [In Russ.]
14. Korsun. N.G. The Caucasian Front of World War I. Moscow: Transitkniga; AST, 2004. 685 p. [In Russ.]

15. Eliseev, F.I., Strelyanov, P. The Cossacks on the Caucasian Front. 1914–1917. Notes of a Colonel of the Kuban Cossack Host in Thirteen Brochure-Notebooks. Moscow: Voenizdat, 2001. 308 p. [In Russ.]
16. The Kuban Cossack Herald. 1915. January 1. P. 15. [In Russ.]
17. RSMHA. F. 2007. Op. 1. D. 43. L. 160. [In Russ.]
18. RSMHA. F. 2007. Op. 1. D. 43. L. 159. [In Russ.]
19. SAKT. Reference and Information Collection. The Orders of the Kuban Cossack Host for 1915. [In Russ.]

Информация об авторах / Information about the authors

Зарема Январбиевна Емтыль, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Истории. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет». 350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2, e-mail: adg1070@gmail.com

Илья Владимирович Худoley, лаборант кафедры Истории. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кубанский государственный технологический университет». 350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, д. 2, e-mail: khudoley2005@mail.ru

Zarema Ya. Emtyl, Dr Sci. (History), Associate professor, Head of the Department of History, Kuban State Technological University. 350072, the Russian Federation, Krasnodar, 2, Moskovskaya Street, e-mail: adg1070@gmail.com

Ilya V. Khudoley, Laboratory Assistant, the Department of History, Kuban State Technological University. 350072, the Russian Federation, Krasnodar, 2, Moskovskaya Street, e-mail: khudoley2005@mail.ru

Заявленный вклад соавторов

Зарема Январбиевна Емтыль – определение концепции исследования, существенный вклад в анализ и интерпретацию материала, критический пересмотр статьи в части значимого интеллектуального содержания.

Илья Владимирович Худoley – подбор исторических и историографических источников, работа над текстом статьи.

Claimed contribution of the authors

Zarema Ya. Emtyl – defining the research concept, significant contribution to the analysis and interpretation of the material, critical revision of the article in terms of significant intellectual content.

Ilya V. Khudoley – selection of historical and historiographic sources, work on the text of the article.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 20.03.2026

Поступила после рецензирования 17.04.2026

Принята к публикации 17.04.2026

Received 20.03.2026

Revised 17.04.2026

Accepted 17.04.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-35-46>
УДК [378.661:321](470.67)

Государственная политика подготовки высших медицинских кадров в Дагестане в 1930-е годы

М.К. Нагиева

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального
исследовательского центра Российской академии наук,
г. Махачкала, Российская Федерация
nagieva-73@mail.ru*

Аннотация. Введение. В современном обществе система высшего образования, в том числе и медицинского, претерпевает значительные изменения, влияющие на развитие культуры. Подготовка высших медицинских кадров уделяется серьезное внимание, так как от их качества напрямую зависит здоровье населения Российского государства, что придает данному исследованию в современных условиях особую актуальность. В этой связи изучение исторического опыта подготовки медицинских кадров высшей квалификации в отдельных регионах, таких, к примеру, как в многонациональной республике Дагестан, позволит сегодня выработать основные подходы к развитию подготовки медицинских кадров используя предшествующий опыт. В данной статье мы ставим цель проанализировать процесс становления и развития высшего медицинского образования в Дагестане, осветить проведение первых мероприятий по открытию Дагестанского медицинского института, а также показать роль приезжих российских специалистов в развитии ДМИ и определении дальнейших перспектив его развития.

Материалы и методы. При написании данной статьи применялись принципы научного объективизма и историзма. Также использовался сравнительно-исторический метод, позволяющий проследить динамику развития высшего медицинского образования и подготовки соответствующих кадров в республике.

Результаты исследования. Основным источником информации данного исследования послужили документы Центрального государственного архива Республики Дагестан, материалы монографий о социально-культурном развитии Дагестана, в которых в той или иной степени рассматривали вопросы становления и развития высшего медицинского образования в Дагестане в 1930-е гг.

Обсуждение и заключение. Изучая проблемы, связанные с подготовкой медицинских кадров высшей квалификации в республике в 1930-е гг., автор пришел к выводу, что их формирование осуществлялось в общем русле развития высшего медицинского образования Советского государства.

© Нагиева М.К., 2026

Ключевые слова: Дагестан, история дагестанского медицинского института, подготовка медицинских кадров, врач, высшее медицинское образование

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания «Экономические, политические, социально-культурные процессы и изменения на Северо-Восточном Кавказе в новейшее время» (FMSW-2025-0023).

Для цитирования: М.К. Нагиева. Государственная политика подготовки высших медицинских кадров в Дагестане в 1930-е годы. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 35–46. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-35-46>

State policy for training senior medical personnel in Dagestan in the 1930s

M. K. Nagieva

*Institute of History, Archeology and Ethnography,
the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala, the Russian Federation
nagieva-73@mail.ru*

Abstract. Introduction. In modern society the higher education system, including medical education, is undergoing significant changes that influence cultural development. Significant attention is paid to the training of highly qualified medical personnel, as the health of the Russian population directly depends on their quality, making this research particularly relevant in the current context. Therefore, studying the historical experience of training highly qualified medical personnel in individual regions, such as the multinational Republic of Dagestan, will allow us to develop key approaches to developing medical personnel training using previous experience. The goal of the research is to analyze the formation and development of higher medical education in Dagestan, to highlight the initial events marking the opening of the Dagestan Medical Institute, and to demonstrate the role of Russian specialists in the development of the Dagestan Medical Institute and determining its future prospects.

The Materials and Methods. The principles of scientific objectivism and historicism have been applied; a comparative historical method, allowing us to trace the dynamics of the development of higher medical education and the training of relevant personnel in the Republic, has been employed.

The Research Results. The documents from the Central State Archives of the Republic of Dagestan and monographs on the socio-cultural development of Dagestan, which, to varying degrees, examined the development of higher medical education in Dagestan in the 1930s were the primary sources of information.

Discussion and Conclusion. Studying the issues associated with the training of highly qualified medical personnel in the Republic in 1930s, the author concluded that their formation was consistent with the overall development of higher medical education in the Soviet Union.

Keywords: Dagestan, history of the Dagestan Medical Institute, medical personnel training, physician, higher medical education

Acknowledgements. The research was completed within the framework of the state assignment “Economic, Political, Socio-Cultural Processes and Changes in the Northeast Caucasus in Modern Times” (FMSW-2025-0023).

For citation: Nagieva M.K. State policy for training senior medical personnel in Dagestan in the 1930s. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 35–46. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-35-46>

Введение. В современном обществе системе высшего образования уделяется серьезное внимание со стороны государства, внедряются совершенно новые и многоплановые изменения. Формирование образовательной системы, происходившее в течение многих десятилетий, сегодня уже не может рассматриваться как окончательно завершённый процесс и тем более совершенный. Напротив, сегодня образование продолжает активно развиваться, трансформироваться и адаптироваться к новым реалиям. Стремительное развитие научных технологий, а также ускорение научно-технического прогресса в современном мире предъявляют все более высокие и разнообразные требования к системе высшего образования. Эти процессы формируют новые общественные запросы и ставят перед ней более сложные и ответственные задачи, в том числе в области подготовки высококвалифицированных медицинских кадров.

Период активного становления и развития системы здравоохранения в Дагестане можно отнести к концу XIX века, поскольку именно в это время на территории региона начали появляться первые лечебные учреждения, а также фельдшерские и акушерские пункты, функционировавшие в окружных и районных центрах. Они заложили основу для дальнейшего развития здравоохранения в Дагестане.

Первые мероприятия, которым уделяло молодое Советское государство после установления советской власти в Дагестане, были вопросы здравоохранения и организации медицинского обслуживания населения. Для решения многочисленных проблем, связанных с тяжелыми условиями жизни, низким уровнем состояния здоровья населения в республику уже в 1920-е гг. была направлена делегация во главе с Народным комиссаром здравоохранения РСФСР Н.А. Семашко. В делегацию входили известные ученые-профессора и специалисты: А.Е. Сысин, Е.И. Марциновский и А.В. Мольков и др.

[1, с. 12]. Приезд делегации, в составе которой были крупные ученые и их всестороннее обследование состояния системы здравоохранения сыграли важную роль в ее дальнейшем развитии и совершенствовании, способствовавшее активизации мероприятий, направленных на улучшение медицинского обслуживания населения и укрепление материально-технической базы отрасли. В последующие годы в республике активно открывались больницы, диспансеры, фельдшерско-акушерские школы и другие медицинские учреждения различного профиля.

Несмотря на проводимые государством значительные мероприятия по развитию системы здравоохранения, республика продолжала испытывать острую нехватку медицинских кадров, как среднего медицинского персонала, так и врачей, имеющих высшее медицинское образование, что, естественным образом, затрудняло развитие отрасли и повышение качества медицинской помощи населению.

Обзор литературы. Дагестанская историография располагает рядом монографических исследований, в которых рассматриваются вопросы развития здравоохранения и подготовки высших медицинских кадров в Дагестане в 1930-е гг. и в последующие годы. Необходимо отметить, что указанные проблемы, как правило, освещались в общем контексте изучения социально-культурного развития республики. Так, в монографиях известных дагестанских ученых: А.А. Абилова [2], Г.Ш. Каймаразова [3], А.И. Эфендиева [4], М.Я. Мирзабекова [5] и других исследователей при рассмотрении вопросов социально-культурного строительства республики, проблемам развития медицинского обслуживания населения и организации высшего медицинского образовательного учреждения, как правило, уделялось небольшое внимание.

В монографиях Р.Ш. Аликишиева [6] и Р.П. Аскерханова [7], посвященных истории развития здравоохранения в Да-

гестане, определенное внимание уделяется также вопросам создания высшего медицинского учебного заведения в республике и формированию системы подготовки врачебных кадров. Отдельные аспекты, связанные с организацией и становлением медицинского института, нашли отражение и в научном труде М.И. Ибрагимова [8], в котором рассматриваются некоторые вопросы формирования структуры и деятельности данного учебного заведения.

Материалы и методы исследования. Методологической основой работы стали историко-системный, проблемно-хронологический методы, а также методы анализа и обработки статистической информации.

Результаты исследования. После победы Октябрьской революции 1917 г., система подготовки высших медицинских кадров стала кардинально преобразовываться, затронув фундаментальные основы системы здравоохранения.

Проведение масштабных реформ в стране должно было соответствовать новым социально-экономическим и политическим условиям сложившимся в стране. В систему обучения стали внедряться новые формы и методы обучения, менялись сроки обучения в вузах. Получение как высшего, так и среднего специального образования должно было стать доступным для всех слоев населения.

В начале 1930-х гг. XX в. многие города Советского Союза стали открывать у себя новые медицинские факультеты при университетах и медицинские институты, что было обусловлено возрастающей потребностью государства в квалифицированных врачебных кадрах и необходимостью укрепления системы здравоохранения. Расширение сети медицинских учебных заведений явилось важным этапом в формировании кадрового потенциала медицинской отрасли.

Процессы, связанные с укреплением медицинской сети и открытия высших учебных заведений, проходили и в республике, где в 1931 г. было открыто первое

высшее учебное заведение – Дагестанский государственный педагогический институт в г. Махачкала. Его создание стало значимым событием в истории региона, положившим начало развитию системы высшего образования и подготовке специалистов различного профиля.

История развития высшего медицинского образования в Дагестане берет свое начало с открытия в 1932 г. Дагестанского государственного медицинского института, что явилось важнейшим этапом в формировании региональной системы подготовки медицинских кадров.

14 апреля 1932 г. на заседании Совнаркома ДАССР было принято решение об организации медицинского института, заложившее основу для дальнейшего развития медицинского образования в республике. В протоколе № 15 данного заседания отмечалось: «...Для организации мединститута и разрешения задач, связанных с этим, создать Оргбюро в составе: тов. Нахибашева (председатель), профессора Байрашевского, Абассалиева, Гафурова, Омаркадиева, Шанавазова и Данильян, обязав его немедленно развернуть свою работу с таким расчетом, чтобы обеспечить открытие института и набор учащихся к 1 сентября 1942 г. ...» [1, с. 12]. Данное решение показывало, что государственные органы власти уделяют этому вопросу серьезное внимание и придают особую значимость открытию медицинского высшего учебного заведения.

Торжественное открытие медицинского института состоялось 8 ноября 1932 г., которое явилось знаковым событием в истории республики. Медицинский институт возглавил Муслим Юсупович Нахибашев, занимавший с 1930 г. пост Народного комиссара здравоохранения ДАССР¹. Он считался одной из значимых фигур в становлении медицинского образования в регионе. М.Ю. Нахибашев был одним из первых представителей Дагестана,

¹ ЦГА РД. Ф. р-512. Оп 16. Д. 1. Л. 1.

получивших медицинское образование в Тбилисской фельдшерской школе, после окончания которой в 1905 г. он был направлен на работу в Дагестан и назначен заведующим Гунибской окружной больницы, где проявил себя как инициативный и компетентный специалист. С 1923 по 1927 гг. г. М. Нахибашев учится в Москве на медицинском факультете II Московского государственного университета, после его завершения, он возвращается в Дагестан, где его поставили на должность руководителя фельдшерско-акушерской школы* [10]. Острая нехватка специалистов высшей квалификации, отсутствие учебных помещений и жилищно-бытовых условий для приезжих преподавателей и студентов, учебной литературы, все это объективно осложняло процесс становления высших учебных заведений в республике в 1930-е гг.

Тем не менее, несмотря на сложности, молодой вуз республики, последовательно решая стоящие перед ним сложные задачи, постепенно укреплял свои позиции и авторитет. Со временем он сформировался как один из крупных медицинских центров по подготовке высококвалифицированных кадров не только для самой республики, но и для всего Северо-Кавказского региона, играя важную роль в развитии системы здравоохранения.

Значительную роль в организации и становлении медицинского института сыграли приглашенные специалисты, которые своим самоотверженным трудом внесли весомый вклад в подготовку высших медицинских кадров и формирование научно-педагогической базы учреждения. Среди них особое место занимал белорусский татарин Омар Алиевич Байрашевский, занимавший должность заместителя директора института, доктор медицинских наук, а также член Махачкалинского городского

совета. Он был опытным научным сотрудником с большим стажем работы, получившим фундаментальное образование: еще в 1897 г. он окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге².

В 1922 г. О.А. Байрашевский был избран приват-доцентом Крымского университета, а уже в 1925 г. стал профессором кафедры гигиены того же университета, что свидетельствует о признании его научных заслуг. В период с 1926 по 1932 гг. он возглавлял кафедру гигиены в Азербайджанском медицинском институте, где приобрел значительный опыт научно-организационной и педагогической деятельности³.

В 1932 г. он был приглашен правительством Дагестана для участия в организации Дагестанского медицинского института и последующей работы в нем в качестве заместителя директора по научно-учебной части, а также профессора кафедры гигиены.

В начале октября 1932 г., после завершения приемных экзаменов, на первый курс лечебно-профилактического факультета было зачислено 172 абитуриента, что стало первым значительным набором студентов нового учебного заведения. С 15 октября начались занятия в институте, что свидетельствовало о готовности института к образовательной деятельности.

С первого семестра институт был полностью укомплектован профессорско-преподавательским составом, приглашенным из различных научных и учебных образовательных регионов. Так, профессор Белорусского медицинского института П.А. Мавродиadi возглавил кафедру биологии и гистологии; профессор Ростовского медицинского института В.С. Попов был назначен заведующим кафедрой анатомии; профессор Р.М. Гвоздев, прибывший из Ашхабадского института, возглавил кафедру химии; а кафедру ме-

* Фельдшерско-акушерская школа – первое специализированное медицинское учебное заведение в Дагестане.

² Дагестанская правда. 1936. 16 мая.

³ Дагестанская правда. 1936. 16 мая.

дицинской физики возглавил профессор Смирнов, ранее работавший в Северо-Кавказском медицинском институте⁴. Это говорило о высоком уровне кадрового обеспечения образовательного процесса в мединституте.

Правительство республики оказывало медицинскому институту всестороннюю поддержку, предпринимая меры, направленные на создание благоприятных условий для его функционирования и дальнейшего развития. Осознавая всю важность подготовки медицинских кадров для региона внутри республики, государственные органы стремились оперативно решать возникающие проблемы. Так, для организации учебных занятий и размещения интерната на 100 чел. было выделено помещение в крупном четырехэтажном здании «Вузовского городка», расположенного примерно в 2,5 км к северо-западу от города. Весной 1933 г. в распоряжение Дагестанского медицинского института был передан еще один объект – двухэтажный особняк «Дом горца», находившийся примерно в полукилометре от вузовского городка по направлению к городу⁵.

В феврале 1933 г. правительством Дагестана было направлено соответствующее обращение в Совнарком РСФСР, в котором подчеркивалась необходимость включения Дагестанского мединститута в общую сеть медицинских вузов РСФСР, это имело принципиальное значение, так как должно было обеспечить стабильное финансирование института за счет средств из государственного бюджета. Ответ со стороны СНК РСФСР оказался положительным, и уже 14 марта 1933 г. Дагестанский медицинский институт был официально включен в сеть высших учебных заведений, финансируемых из государственного бюджета. Это событие стало важным этапом в институциональном становлении вуза и обеспе-

чило ему дополнительные возможности для развития.

Создание Дагестанского медицинского института в первую очередь должно было решать проблему нехватки медицинских кадров высшей квалификации из числа представителей дагестанских и других народов Северного Кавказа, что соответствовало задачам государственной политики в области здравоохранения и образования. Однако уже с первых лет деятельности института стало очевидным, что из местной молодежи еще нет достаточного количества абитуриентов, которые имели бы необходимый уровень общеобразовательной подготовки, для дальнейшего поступления и успешного обучения в медицинском институте.

Для разрешения этой проблемы при институте был образован медицинский рабочий факультет (рабфака), основная задача которого заключалась в подготовке молодежи к поступлению в медицинский институт. Предполагалось, что в течение 2–3 лет обучения на рабфаке будущие студенты смогут получить необходимый уровень знаний, позволяющий им успешно продолжить обучение в вузе. В то же время уже существовавший в Дербенте вечерний медицинский рабочий факультет, обучение на котором велось на тюркском языке, не смог в полной мере решить вопрос с подготовкой кадров для института⁶, что еще раз подтвердило о необходимости создания собственной системы довузовской подготовки при институте.

В 1933 г. были проведены мероприятия по улучшению материально-бытовых условий профессорско-преподавательского состава и студентов. Преподаватели института были обеспечены квартирами, а выплата заработной платы стала осуществляться регулярно и без задержек, что способствовало стабилизации кадрового состава. Для студентов при институте была организована столовая. Кроме того,

⁴ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 1793. Л. 67.

⁵ ЦГА РД. Ф. р-512. Оп. 16. Д. 7. Л. 20.

⁶ ЦГА РД. Ф. 1-р. Оп. 1. Д. 1793. Л. 68.

Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР были утверждены учебные планы, которые оставались неизменными и действовали в течение трех лет. Это обеспечивало стабильность образовательного процесса и позволяло составлять календарные планы учебного года без необходимости внесения постоянных корректировок [12, с. 28].

Таким образом, учебный процесс в медицинском институте был перестроен и приведен в соответствие с новыми требованиями времени. В качестве основных форм и методов обучения утвердились лекции, просеминары, а также учебная практика, проводимая на базе института. Производственная практика начиналась у студентов только с третьего курса, когда обучающиеся уже имели определенный багаж теоретических знаний и который могли применить его на практике.

В 1933–1934 учебном году для улучшения материального положения студентов размер стипендии был увеличен на 15 руб., ее выплата осуществлялась по дифференцированной системе. Так, студенты первого курса стали получать 70 руб. вместо прежних 55 руб., а студенты второго курса 80 руб. вместо 65 руб.⁷ Такое повышение оказало социальную поддержку студентам, столь необходимую во время прохождения учебы и еще больше стимулировало для улучшения показателей в учебном процессе.

К 1935 г. профессорско-преподавательский состав медицинского института насчитывал 65 чел., по национальному составу преподаватели распределялись: 44 были русскоязычными специалистами, 6 представляли коренные народы Дагестана, 1 из Северо-Кавказского края, а 14 относились к другим национальностям. В институте преподавали две женщины – одна представительница Дагестана и одна из Северо-Кавказского края⁸, это отражало

постепенное вовлечение женщин в сферу высшего медицинского образования и научно-педагогической деятельности. В 1934 г. в институте были созданы новые кафедры – микробиологии, патологической анатомии, патологической физиологии и гигиены и к 1936 г. всего в мединституте было 24 кафедры.

К концу 1930-х гг. институт располагал серьезным научным потенциалом, здесь работали семь профессоров, имевших ученую степень доктора медицинских наук, среди них уже хорошо знакомые в республике известные профессора: как Омар Алиевич Байрашевский, Михаил Сергеевич Доброхотов, Абрам Борисович Френкель, Владимир Григорьевич Божовский, Александр Алексеевич Хрусталева, Георгий Павлович Руднев, Хаджи Омар Булач и другие.

Динамика приема студентов в последующие годы ярко свидетельствовала о постепенном расширении количества обучающихся из представителей коренных народов Дагестана. Так, в 1937 г. медицинский институт принял 224 чел., из которых 37 являлись представителями дагестанских народов. В 1938 г. из 241 принятых в институт только 19 чел. были из местных народов, но уже в следующем 1939 г. наблюдалось заметное увеличение показателей. Так, из 233 поступивших студентов 98 были представителями коренных народов Дагестана⁹, это наглядно говорило о постепенном повышении доступности высшего медицинского образования для местных народов.

Выпускники медицинского института получали распределение через Наркомздрав РСФСР, вследствие чего в республике оставляли небольшое количество выпускников. Эта система распределения позволяла обеспечивать медицинскими кадрами разные регионы страны, но сама республика не могла восполнить существ-

⁷ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 2194. Л. 38.

⁸ ЦГА РД. Ф. р-512. Оп. 16. Д. 21. Л. 14.

⁹ Работа в медицинском институте // Дагестанская правда. 1936. 16 мая.

вующую кадровую проблему. К примеру, из 122 выпускников 1939 г., 47 молодых врачей по распределению остались в Дагестане. В следующем 1940 г. из подготовленных 170 врачей, 56 получили распределение в медицинских учреждениях республики [13].

Как уже было отмечено, существенный вклад в развитие медицинского института внесли приезжие высококвалифицированные специалисты. Профессором Г.П. Рудневым в институте были организованы две терапевтические кафедры и кафедру инфекционных болезней, которую он впоследствии возглавил, что способствовало развитию клинического направления подготовки студентов. Профессор М.С. Доброхотов сыграл важную роль в расширении учебной структуры института, организовав и возглавив две новые кафедры для студентов старших курсов – кафедры нервных и психиатрических болезней. Одни из старейших сотрудников мединститута профессора Н.И. Одноралов и Э.Л. Россель внесли значительный вклад в организацию и развитие двух крупнейших теоретических кафедр, обеспечивая высокий уровень преподавания фундаментальных дисциплин. При этом Э.Л. Россель совмещал работу в мединституте с активным участием в общественной жизни, являясь членом Махачкалинского городского совета¹⁰.

Выпускник Петербургской фельдшерской школы и Ростовского медицинского института Я.Г. Савицкий, являлся первым заведующим кафедрой общей хирургии, которая была развернута в хирургическом отделении Центральной больницы в сентябре 1934 г. Его деятельность сыграла важную роль в становлении клинической базы медицинского института и развитии хирургического образования в республике. До начала своей профессиональной деятельности в Дагестанском медицинском

институте он работал в Северо-Кавказском онкологическом научно-исследовательском институте. Помимо преподавательской деятельности в медицинском институте с 1935 г. Я.Г. Савицкий возглавляет работу Дагестанского филиала Центрального института переливания крови, тем самым способствуя развитию одного из важнейших направлений медицинской науки и практики в регионе. В 1936 г. он успешно защитил докторскую диссертацию [7, с. 75]. Профессор Х.О. Булач, возглавлявший кафедру глазных болезней и гистологии, активно участвовал в организации и проведении медицинских экспедиций, направленных на оказание практической помощи населению отдаленных горных районов республики, в том числе в диагностике и лечении глазных заболеваний. Кафедру патологической физиологии возглавил доцент А.В. Абрамов, ранее работавший в Кубанском медицинском институте. В последующие годы, с 1939 по 1940 гг., руководство кафедрой осуществлял Т.М. Лукин [14, с. 102].

Профессор В.А. Рожановский в 1936 г. был специально приглашен из Баку для чтения лекций по судебной медицине. В этот же период на должность ассистента кафедры судебной медицины, а также на должность республиканского судебно-медицинского эксперта Наркомздрава ДАССР из Саратовского медицинского института был переведен Н.Ф. Живодеров. Его деятельность имела большое значение для становления судебно-медицинской службы в республике. В дальнейшем он возглавлял кафедру судебной медицины мединститута вплоть до 1947 г. [14, с. 103], обеспечивая ее стабильное развитие и подготовку специалистов в данной области.

Большую роль в организации и налаживании полноценной работы лечебного факультета сыграл его первый декан – профессор А.В. Россов, командированный в республику из Кубанского медицинского института, где приобрел большой препода-

¹⁰ Работа в медицинском институте // Дагестанская правда. 1936. 16 мая.

давательский опыт и проявил себя как высококвалифицированный специалист. Здесь он организовал и возглавил кафедру дерматовенерологии [9], это было важным шагом в формировании клинической базы института. Талантливый и требовательный педагог, обладавший высоким уровнем профессионализма, А.В. Россов пользовался заслуженным авторитетом и глубоким уважением, как среди студентов, так и среди сотрудников института, оказывая значительное влияние на становление учебного процесса. С 1936 г. руководство медицинским институтом было поручено профессору Феодосию Романовичу Бородулину, который внес значительный вклад в дальнейшее развитие высшего учебного заведения. Одновременно он занимал должность заведующего кафедрой госпитальной хирургии, совмещая административную и научно-педагогическую деятельность [9].

В 1937 г. состоялся первый выпуск студентов медицинского института, который явился важным этапом в истории развития высшего медицинского образования в Дагестане. Выпускники сдавали шесть государственных экзаменов, охватывающие основные медицинские дисциплины – по педиатрии, хирургическим болезням, акушерству и гинекологии, внутренним болезням с включением инфекционных заболеваний, патологической анатомии, а также по патологической физиологии и гигиене. Государственная итоговая аттестация обеспечивала всестороннюю проверку знаний выпускников.

Из 161 студента, поступившие на первый курс мединститута 83 завершили обучение, это было показателем, что учебный процесс был довольно сложным и высокие требования, которые предъявлялись к студентам не все проходили успешно. Многие были отчислены или выбыли из института по различным причинам, включая академическую неуспеваемость и сложные жизненные обстоятельства [9].

В 1937 г. общее количество студентов, обучавшихся в институте, составляло 772 чел., из которых 27% приходилось на представителей коренных народов Дагестана [1]. Этот показатель считается важным достижением для республики, учитывая, что в 1930-е гг. система среднего образования в Дагестане еще находилась в стадии становления, и соответственно количество выпускников средних школ оставалось относительно небольшим, что еще более подчеркивало важность деятельности мединститута в подготовке квалифицированных медицинских кадров для республики.

Обсуждение и заключение. В первые годы своего существования Дагестанский государственный медицинский институт претерпел значительные изменения и прошел важный, во многом определяющий этап своего становления и развития. За сравнительно короткий период времени была проделана большая работа по созданию структуры учебного заведения. Так, были открыты новые кафедры, сформирована учебная и материально-техническая база, обеспечивавшая проведение занятий и научных исследований, а также налажена систематическая подготовка медицинских кадров. Все это позволило институту занять прочное место в системе высшего образования региона. За 1930-е гг. медицинский институт выпустил около 850 врачей, из которых более 100 были представителями народов Дагестана, из которых было около 30 жен.¹¹

В институте активно развивалась научно-исследовательская работа, ориентированная на решение актуальных проблем здравоохранения республики. Среди приоритетных направлений научных исследований особое внимание уделялось изучению таких вопросов, как малярия, бруцеллез, различные санитарно-бытовые болезни, а также проблемы развития курортного. Важным результатом научной деятельности явилась подготовка

¹¹ ЦГА РД. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 4317. Л. 19.

к изданию трех томов научных трудов сотрудников медицинского института.

В 1938 г. был издан первый том научных трудов, включавший 61 научную работу. Тематика представленных исследований отличалась широтой и разнообразием, охватывая как теоретические, так и практические аспекты медицины. Изучению проблемы малярии в республике, ввиду ее сильной распространенности, уделялось особое внимание. В научных исследованиях Руднева, Мешалкина, Подварко, изучавших практическое распространение малярии в Дагестане, были описаны тяжелые формы поражения кожных покровов, которые наблюдались у заболевших, что позволило улучшить диагностику и лечение малярии. Уже к 1940 г. сотрудники мединститута подготовили и сдали в печать второй том научных трудов, а также была завершена подготовка материалов

для третьего и четвертого томов, включающие около 80 научных трудов¹².

К началу 1940-х гг. медицинский институт наметил множество планов, включая открытие новых корпусов до подготовки новых научных исследований.

Однако начавшаяся в 1941 г. Великая Отечественная война кардинальным образом сменила намеченные планы и мединститут начал работать в соответствии с условиями военного времени. Помимо своей основной деятельности, заключавшейся в подготовке медицинских кадров, была также оказана самая существенная помощь, это помощь в организации и осуществлении лечения раненых в эвакуационных госпиталях, размещенных на территории республики.

¹² Научно-исследовательская работа Дагмединститута // Дагестанская правда. 1940. 2 июня.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Дагестанская государственная медицинская академия: 70 лет / сост. Р.С. Гаджиев, Ф.М. Османова. Махачкала: Даггосмедакадемия, 2002. 284 с.
2. Абилов А.А. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. 267 с.
3. Каймаразов Г.Ш. Очерки истории культуры народов Дагестана: От времени присоединения к России до наших дней. М.: Наука, 1971. 475 с.; Его же. Формирование социалистической интеллигенции на Северном Кавказе: по материалам Дагестанской, Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. М.: Наука, 1988. 334 с.; Его же. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2007. 463 с.
4. Эфендиев А.И. Формирование советской интеллигенции в Дагестане (1920–1940 гг.). // Ученые записки Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. Т. 8. Махачкала: ДагФАН СССР, 1960. 155 с.
5. Мирзабеков М.Я., Ананьева Е.С., Юнаева В.Д. Культура дагестанского города. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. 383 с.
6. Аликишиев Р.Ш. Очерки по истории здравоохранения Дагестана. М.: Медгиз, 1958. 176 с.
7. Аскерханов Р.П. Очерки по истории хирургии в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 217 с.
8. Ибрагимов М.И. Становление и развитие системы здравоохранения Дагестана. Махачкала: СПРИНТ, 2012. 173 с.

9. Дагестанскому государственному медицинскому университету в 2017 году исполнилось 85 лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://youstudynew.com/obrazovatelnye-uchrezhdeniya-v-mahachkale/dgmu-dagestanskiy-gosudarstvennyi-medicinskiy-universitet.html>.

10. Директора и ректоры Дагестанской государственной медицинской академии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20130315153728/http://www.dgma.ru/academy/history/3.php>.

11. Максимчик А.Н. Уроженцы Беларуси в формировании образовательных центров городов Северного Кавказа // Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога (к 300-летию г. Нальчика): материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. Нальчик, 2023. С. 206-212.

12. Нагиева М.К. К вопросу об истории становления Дагестанского медицинского института в 30-е гг. XX в. // Вестник Дагестанского государственного университета. 2013. Вып. 4. С. 26-32.

13. История развития здравоохранения в Дагестане в XX в. Т. I. (1900 – июнь 1941 гг.). Документы и материалы / сост. Нагиева М.К. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015. 284 с.

14. Нагиева М.К. Роль русской интеллигенции в социально-экономическом и культурном развитии Дагестана в 20–30-е гг. XX в. (история и опыт деятельности). Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2010. 287 с.

REFERENCES

1. Dagestan State Medical Academy: 70 Years / compiled by R.S. Gadzhiev, F.M. Osmanova. Makhachkala: Daggosmedakademiya, 2002. 284 p. [In Russ.]

2. Abilov, A.A. Essays on the Soviet Culture of the Peoples of Dagestan. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1959. 267 p. [In Russ.]

3. Kaimarazov, G.Sh. Essays on the Cultural History of the Peoples of Dagestan: from the time of annexation to Russia to the present day. Moscow: Nauka, 1971. 475 p.; Ditto. The Formation of the Socialist Intelligentsia in the North Caucasus: based on the materials from the Dagestan, the Kabardino-Balkarian, the North Ossetian, and the Chechen-Ingush ASSRs. Moscow: Nauka, 1988. 334 p.; Ditto. Education and Science in Dagestan in the 20th Century. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2007. 463 p. [In Russ.]

4. Efendiev, A.I. Formation of the Soviet Intelligentsia in Dagestan (1920–1940). // Scientific Notes of the G. Tsadasa Institute of History, Language and Literature. Vol. 8. Makhachkala: DagFAN SSSR, 1960. 155 p. [In Russ.]

5. Mirzabekov, M.Ya., Ananyeva, E.S., Yunaeva, V.D. Culture of the Dagestani City. Makhachkala: Institute of Historical and Ethnographic Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2007. 383 p. [In Russ.]

6. Alikishiev, R.Sh. Essays on the History of Healthcare in Dagestan. Moscow: Medgiz, 1958. 176 p. [In Russ.]

7. Askerkhanov, R.P. Essays on the History of Surgery in Dagestan. Makhachkala: Dagknigoizdat, 1960. 217 p. [In Russ.]

8. Ibragimov, M.I. Formation and Development of the Healthcare System in Dagestan. Makhachkala: SPRINT, 2012. 173 p. [In Russ.]

9. Dagestan State Medical University Celebrated its 85th Anniversary in 2017 [Electronic Resource]. Available at: <http://youstudynew.com/obrazovatelnye-uchrezhdeniya-v-mahachkale/dgmu-dagestanskiy-gosudarstvennyi-medicinskiy-universitet.html>. [In Russ.]

10. Directors and Rectors of the Dagestan State Medical Academy [Electronic Resource]. Access mode: <https://web.archive.org/web/20130315153728/http://www.dgma.ru/academy/history/3.php>. [In Russ.]

11. Maksimchik, A.N. The Natives of Belarus in the formation of educational centers in the cities of the North Caucasus // The North Caucasian city as a space of socio-economic development and

intercultural dialogue (on the 300th Anniversary of Nalchik): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Part 2. Nalchik, 2023. P. 206-212. [In Russ.]

12. Nagieva, M.K. On the history of the formation of the Dagestan Medical Institute in 1930s // Bulletin of the Dagestan State University. 2013. Issue 4. P. 26-32. [In Russ.]

13. History of the Development of Healthcare in Dagestan in the 20th Century. Volume I (1900 – June 1941). Documents and Materials / compiled by M.K. Nagieva. Makhachkala: Institute of Historical and Ethnographic Ethnography, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 2015. 284 p. [In Russ.]

14. Nagieva, M.K. The Role of the Russian Intelligentsia in the Socioeconomic and Cultural Development of Dagestan in 1920s and 1930s (History and Experience). Makhachkala: Institute of Historical and Ethnographic Ethnography, Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, 2010. 287 p. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Мадина Курбанисмаиловна Нагиева, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского Федерального исследовательского центра РАН (ДФИЦ РАН), Российская Федерация, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75, e-mail: nagieva-73@mail.ru

Madina K. Nagieva, PhD (History), Senior researcher, the Institute of History, Archeology and Ethnography, the Dagestan Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, the Russian Federation, Makhachkala, e-mail: nagieva-73@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 14.03.2026

Поступила после рецензирования 12.04.2026

Принята к публикации 12.04.2026

Received 14.03.2026

Revised 12.04.2026

Accepted 12.04.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-47-64>
УДК 947.084.6

Первые пятилетки индустриализации СССР: цели и результаты

Н.М. Суетина

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
na-ri@bk.ru*

Аннотация. Введение. В статье рассмотрены основные цели и результаты индустриализации, проводимой в СССР в 20–40 годах XX века. Целью статьи является ретроспективный анализ целей и результатов первых трех пятилеток индустриализации СССР и их влияния на социально-экономическую жизнь советского государства. Также в статье обосновывается необходимость изучения исторического опыта прорывного промышленного развития СССР для его применения в современных условиях РФ.

Материалы и методы исследования. Эмпирическую базу статьи составили исследования отечественных и зарубежных историков в сфере государственного управления и строительства, а также нормативные правовые акты СССР периода индустриализации. В процессе написания статьи использовался исторический метод, общенаучные (анализ, сравнение, обобщение, синтез).

Результаты исследования. В результате реализации первых трех пятилетних планов, СССР вошел в четверку промышленно развитых стран своего времени. Основная цель реализации пятилеток посредством административно-командного метода была достигнута – Советский Союз стал одной из ведущих держав своего времени. Особенностью достижения целей и результатов первых пятилеток индустриализации была опора на внутренние ресурсы страны. Полученный исторический опыт форсированной индустриализации подвергался и до сих пор подвергается оценке.

Обсуждение и заключение. Исторический опыт, как положительный, так и отрицательный, развития СССР в период первых пятилеток индустриализации может быть положен в основу развития российской промышленности в современных условиях геополитических потрясений.

Ключевые слова: индустриализация, промышленное производство, хозяйственный план, пятилетка, промышленный суверенитет

Для цитирования: Суетина Н.М. Первые пятилетки индустриализации СССР: цели и результаты. *Вестник Майкопского государственного технологического университета.* 2026; 18(2): 47–64. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-47-64>

The first five-year plans of industrialization of the USSR: objectives and results

N.M. Suetina

*Maykop State Technological University, Maikop, the Russian Federation
na-ri@bk.ru*

Abstract. Introduction. The main goals and results of industrialization carried out in the USSR from 1920s to 1940s were examined in the research. The goal of the research was to analyze the goals and results of the first three five-year plans of industrialization in the USSR and their impact on the socioeconomic life of the Soviet state. The article also substantiates the need to study the historical experience of the USSR breakthrough industrial development for its application in the modern context of the Russian Federation.

The research materials and methods. The empirical base of the research consisted of studies by domestic and foreign historians in the field of public administration and construction, as well as regulatory legal acts of the USSR during the industrialization period. The historical method and general scientific methods (analysis, comparison, generalization, and synthesis) were used.

The research results. As a result of the implementation of the first three five-year plans, the USSR became one of the four most industrially developed countries of its time. The main goal of implementing the five-year plans through the administrative-command method was achieved – the Soviet Union became one of the leading powers of its time. A distinctive feature of achieving the goals and results of the first five-year plans of industrialization was reliance on the state domestic resources. The historical experience of accelerated industrialization has been evaluated.

Discussion and Conclusion. The historical experience, both positive and negative, of the USSR development during the first five-year plans of industrialization can serve as a foundation for the development of Russian industry in the current context of geopolitical upheaval.

Keywords: industrialization, industrial production, economic plan, five-year plan, industrial sovereignty

For citation: Suetina N.M. The first five-year plans of industrialization of the USSR: objectives and results. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 47–64. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-47-64>

Введение. В 1920-е годы Советский Союз начинает новый масштабный этап своего экономического и промышленного строительства – индустриализацию. Данный этап проходил в 1920–1940 годы. Грандиозные по масштабам исторические события тех лет могут стать примером успешной новой индустриализации, так необходимой России в современных условиях. Исследование исторического опыта в отношении поставленных целей и задач индустриализации СССР, первых ее пятилеток, а также полученных результатов необходимо для дальнейшего понимания дальнейшего развития РФ, формирования ее промышленного суверенитета. Изуче-

ние исторических уроков под углом представлений об успешных или неуспешных индустриализациях представляют основу для дальнейшего развития государства.

Действительно, в политической, в научной и в профессиональной сферах российского общества не вызывает сомнения необходимость проведения промышленного прорыва государства, так называемая «новая индустриализация страны». Данная необходимость продиктована ужасающими результатами приватизации промышленных предприятий в постсоветский период – потерей советского промышленного потенциала и значительным снижением промышленного производства.

Обзор литературы. Индустриализация СССР была предметом исследования как советских, так и российских ученых. Интерес к опыту индустриализации, проводимой И. В. Сталиным, появился еще в период Великой Отечественной войны, связанный, прежде всего, с исследованием преимуществ экономики первого социалистического государства (Е.Л. Грановский, Г.М. Сорокин и др.).

В последующие десятилетия исследования истории индустриализации обобщали результаты индустриализации, исследовался человеческий фактор в государственном социалистическом строительстве (В.С. Лельчук, В.А. Козлов, О.В. Хлевнюк и др.).

Современная историография об индустриализации СССР характеризуется детальным анализом причин, основных целей и задач, которые стояли перед советским государством, а также исследованием проблем ее реализации. Большое внимание российские исследователи уделяют изучению исторического опыта индустриализации и возможностей его использования в России. Среди современных исследователей, следует назвать П.Г. Щедровицкого, Н.А. Юдину, В.А. Гордеева, А.А. Гордеева, Г.И. Ханина и др. Так, П.Г. Щедровицкий в своих научных работах сделал вывод о том, что: «Россия в настоящее время стоит на пороге новой промышленной революции – перед третьей догоняющей индустриализацией» [26]. Автор обращает особое внимание на то, что «... тот вызов, который испытывают российские отрасли производства в нынешних условиях не меньше, а может быть даже больше того вызова, который возник в середине 19 века, а до этого в конце 17 начале 18 века» [26]. П. Г. Щедровицкий считает, что было бы исторически недальновидно повторять те ошибки, с которыми столкнулись предшественники в проведении промышленных изменений.

В 2014 году в совместной монографии В.А. Гордеев и А.А. Гордеев предприняли

попытку по-новому дать оценку результатам советской индустриализации и выявить возможности для проведения новой индустриализации в России. Основной проблемой проведения современной индустриализации авторы видят в национализации природных ресурсов, всеобъемлющему вовлечению частного бизнеса к решению проблемы [13].

Анализ зарубежной историографии в отношении периода первых пятилеток в СССР показал, что основной упор в исследованиях западных ученых был сделан на противостоянии советского государства и общества, где государство рассматривалось только в качестве диктатуры, которая отрицательным образом действовала на общество. Например, в работах указывалось о насильственной коллективизации, ужесточении норм трудового права, преследовании представителей старой имперской интеллигенции, внедрении тотального контроля в сфере культуры и науки. Например, А. Ноув, изучая время индустриализации СССР, рассматривал его исключительно как время сталинизма. Предметом его исследований было влияние личности руководителя социалистического государства на общество. Он писал, что сталинизм был «триумфом полуграмотности» и делал акцент на том, что полуграмотные люди, пришедшие из низов особенно активно преследовали представителей интеллигенции, а заняв более высокое положение в обществе, еще с особым рвением отправляли в лагеря и тюрьмы рабочих и крестьян [32]. В 30-е годы результаты первого пятилетия индустриализации критиковал У. Г. Чемберлин, который писал, что реализация политики индустриализации СССР предрешила «чрезмерно напряженные темпы и ненужные жертвы» [30]. Также автор делал акцент на том, что успешное выполнение хозяйственного плана было сопряжено с принудительным трудом и всеобщей трудовой повинностью граждан [30]. Особенности индустриализации и ее влияние

на поражение советской экономической и промышленной систем в долгосрочной перспективе были предметом исследования такого зарубежного исследователя, как П. Грегори [31].

Материалы и методы. Объектом исследования является индустриализация, проводимая СССР в 1920–1940-е годы. Источниковую базу составили советская и современная научная литература в сфере государственного управления и строительства, а также исторические правовые документы. В процессе написания статьи использовался исторический метод, общенаучные методы (анализ, сравнение, обобщение, синтез).

Результаты исследования. Советская индустриализация основывалась на централизованном государственном управлении и директивном пятилетнем планировании с опорой на собственные ресурсы, целью которой было форсированное становление СССР индустриально развитым государством. В результате реализации трех пятилеток Советский Союз вошел в число четырех самых промышленно развитых стран мира.

Индустриализация представляет собой переход государства или социальной общности от экономики, основанной на сельском хозяйстве, к экономике, где развитие промышленности становится ключевым элементом валового внутреннего продукта и основным источником занятости населения.

В декабре 1925 года в Москве проходил XIV съезд ВКП (б) – Всесоюзной коммунистической партии большевиков. Именно на этом съезде, который в дальнейшем стали называть «съездом индустриализации», была определена политика Советского Союза в отношении дальнейшего промышленного развития государства. В литературных источниках утверждается, что «Индустриализация была признана сердцевиной социалистического строительства, генеральной линией экономического развития СССР. Съезд при-

нял решение о превращении Советского Союза из страны, ввозящей машины, в страну, производящую их» [19]. Как пишут Е.В. Туфанов и Н.Н. Карпенко: «Именно на партийных форумах была поставлена задача индустриализации народного хозяйства СССР и внедрение планового хозяйства, таким образом, именно партийные съезды и конференции определяли не только вектор развития политической жизни, но и вектор экономического развития Советского государства» [24]. Подчеркнем, что основным методом реализации индустриализации был административно-командный метод. Таким образом, на съезде определялся курс на создание сильного советского государства.

Основная цель индустриализации состояла в том, чтобы преодолеть экономическое и техническое отставание государства от развитых стран Запада и трансформировать Советский Союз в одну из ведущих держав мира. Основными причинами постановки такой цели, по мнению П.А. Ореховского и И.С. Букиной была «экономическая катастрофа в России, связанная с первой мировой и гражданскими войнами» [20]. Так, выступая на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года, И.В. Сталин сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [23].

В соответствии с данной целью ставились грандиозные задачи: создать первое в мире социалистическое государство; превратить СССР из аграрной страны в страну индустриальную; создать государственную тяжелую промышленность; достигнуть промышленной независимости и роста промышленного производства; расширить товарооборот с мировым сообществом; повысить обороноспособность страны за счет создания военно-промышленного комплекса; повысить значимость аграрного сектора, снабдив его необхо-

димой техникой. Согласимся с тем, что данные задачи являлись амбициозными, впрочем, они актуальны и для современной России.

Исследователи периода индустриализации СССР отмечают, что данный период развития общества характеризуется следующим рядом важнейших процессов.

Во-первых, рост промышленного производства должен был обеспечиваться за счет строительства соответствующей инфраструктуры (фабрик, заводов, железных и автомобильных дорог, аэропортов, портов и т. п.), развития добывающей и обрабатывающей промышленности.

Во-вторых, требовалось внедрение на производстве технологических инноваций за счет развития науки и техники, повышения производительности труда.

В-третьих, была необходимость проведения урбанизации – перемещения трудовых ресурсов из сельской местности в города.

В-четвертых, начиналась социальная трансформация общества, характеризующаяся появлением многочисленного рабочего класса.

Период индустриализации в СССР имел следующие особенности: ускоренное развитие промышленности, короткий исторический период проведения индустриализации, наибольшее внимание становлению тяжелой промышленности. Главенствующей особенностью было то, что индустриализация должна была проводиться за счет внутренних ресурсов государства как экономических, так и трудовых. Именно опора на внутренние ресурсы лежала в основе индустриализации советского государства. Подтверждением этому являются слова из речи И.В. Сталина на пленуме ЦК ВКП (б) 9 июля 1928 года: «Остается одно: развивать промышленность, индустриализовать страну за счет внутреннего накопления... Но где главные источники этого накопления? Их, этих источников, как я уже говорил, два: во-первых, рабочий класс, создающий

ценности идвигающий вперед промышленность; во-вторых – крестьянство» [23].

Проведение индустриализации в СССР сопровождалось многочисленными проблемами, связанными с отсутствием квалифицированного кадрового потенциала, нехваткой материалов и оборудования, отсутствием технологий производства, а зачастую и трудностей с обеспечением продовольствием трудовых ресурсов. В связи с этим СССР закупал у развитых промышленных стран оборудование и технологии, приглашал иностранных специалистов для передачи опыта советским рабочим. Все строилось благодаря подвижничеству миллионов советских граждан. Отсутствие необходимой техники и оборудования требовало масштабного количества ручного труда.

Выделяют четыре основные этапа индустриализации в СССР: подготовка (1926–1928), первая пятилетка (1928–1932), вторая пятилетка (1933–1937), третья пятилетка (1938–1942). В истории СССР и далее принимались как пятилетние, так и семилетние планы развития государства, но именно первые три пятилетки заложили основу будущего развития СССР. Отметим, что пятилетка – «это пятилетний план экономического и социального развития СССР. Он представляет собой комплексную программу развития народного хозяйства союзных республик, а также всех производственных и непроизводственных отраслей для более эффективного решения государственных задач» [22].

Пятилетки разрабатывались специальным государственным органом – Государственной Общеплановой комиссией (Госплан), который был образован 22 февраля 1921 года. Основные задачи, которые стояли перед Госпланом: во-первых, подготовка единого (государственного) хозяйственного плана, разработка способов и порядка его выполнения. Во-вторых, принятие к рассмотрению и согласованию с единым хозяйственным планом всех производственных программ и предложений,

поступивших от различных ведомств и организаций [2].

Важнейшим этапом реализации пятилетних хозяйственных планов был период их подготовки, определение основных целей, задач, ресурсов государства, методов и порядка выполнения основных целей. Отметим, что постановка цели советского государства на индустриализацию была провозглашена 31 декабря 1925 г. резолюцией XIV съезда ВКП (б) [17]. Данный период истории СССР характеризовался тем, что в государстве проводилась новая экономическая политика (НЭП), которая была нацелена на восстановление страны после гражданской войны в сфере хозяйства, а также в сфере материально-технической и социально-культурной основы государства. Особенность НЭПа заключалась в том, что применялись различные способы для решения поставленных задач, например, использовались рыночные отношения в товарообороте, различные формы собственности, привлекался иностранный капитал и т. п. На XIV съезде ВКП (б) было резюмировано, что новая экономическая политика была успешной, но появились проблемы, требующие поиска новых подходов к достижению государственных целей [17]. К таким проблемам были отнесены, например, абсолютный рост частного капитала, рост буржуазии в городах, появление кулацких хозяйств в деревне. Решением данных проблем на новом этапе развития в сфере экономической политики должны появиться новые ориентиры для советского государства. Одними из них на съезде были обозначены следующие. Во-первых, именно государственные формы собственности должны стать всеобъемлющими; монополия внешней торговли должна перейти государству; рост государственной промышленности. Во-вторых, индустриализация государства, которая обеспечила бы СССР экономическую самостоятельность, а также возможность производить

собственные средства производства, а также сформировать различные резервы для экономического развития.

Ниже рассмотрим основные задачи и результаты пятилеток.

Основной задачей первого пятилетнего плана (1928–1932) было превращение Советского Союза в индустриальную страну. Создание соответствующей индустрии должно было преобразовать не только промышленность, но и транспорт, сельское хозяйство, создать необходимые предпосылки для максимального усовершенствования обороноспособности страны. В основе осуществления первой пятилетки было создание тяжелой промышленности, которая должна была стать катализатором развития других отраслей хозяйства. Так, Г.И. Ханин отмечает, что руководство СССР «сталкивалось с огромными трудностями, вызванными, наряду с собственными ошибками, катастрофическим положением с кадрами рабочих ИТР и руководителей. Ответом на кризис с производительностью труда и финансированием капитальных вложений явились коллективизация сельского хозяйства и ускоренная подготовка квалифицированных кадров рабочего происхождения, привлечение иностранной технической помощи людьми, проектами и оборудованием» [25].

Первый пятилетний план развития народного хозяйства был одобрен на V съезде Советов СССР 28 мая 1929 года [4]. Данный план на съезде представляли Кржижановский Г.М. и Куйбышев В.В. Отметим, что Кржижановский Г.М. был председателем Госплана в этот период времени, а Куйбышев В.В. – председатель Высшего совета народного хозяйства СССР, фактически в его руках находилось все руководство промышленностью СССР. С 1930 по 1934 именно В.В. Куйбышев станет председателем Государственной Общеплановой комиссии. С 1934 по 1937 годы этот пост будет занимать В.И. Межлаук.

Отметим, что реализация хозяйственного плана первой пятилетки и анализ ее

результатов имели важнейшее значение для развития государства, так как это был первый опыт грандиозных изменений не только в сфере экономики, промышленности, сельского хозяйства, но и в сфере всего государственного строительства.

Результаты первой пятилетки были оглашены на Объединенном пленуме Центрального Комитета и Центральной Контрольной комиссии ВКП (б) 7 января 1933 года в Москве [6].

Так в информационном сообщении Пленума констатировалось, что благодаря непрерывному процессу индустриализации в СССР трудящиеся выполнили поставленные задачи первого пятилетнего плана с успехом. Цель была достигнута – создана собственная промышленная база, которая будет в дальнейшем основой модернизации всего хозяйственного комплекса СССР. Также в документе подчеркивалось, что «Выполнение пятилетки в СССР не в пять, а в четыре года и три месяца, есть факт, наиболее выдающийся в современной истории.... Из отсталой, мелкокрестьянской страны, которой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран» [6]. Перечислим некоторые широко известные предприятия отрасли тяжелой промышленности, построенные или модернизированные в период первой пятилетки: металлургические заводы в городах Магнитогорск, Челябинск, Липецк, Керчь; тракторные заводы в городах Харьков, Сталинград, Челябинск, Горьковский автозавод и т.д.

Итак, представим результаты первого хозяйственного плана по основным показателям. Итог результатов первого пятилетнего плана был озвучен на Объединенном пленуме Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), который проходил в Москве 7–12 января 1933 г. Было публично сказано, что: «СССР из аграрной страны превратился в страну индустриальную, что укрепило экономическую

независимость страны, ибо СССР получил возможность решающую часть необходимого оборудования производить на собственных предприятиях» [6].

Во-первых, все машиностроение в целом выросло в сравнении с 1927–1928 годами в 4,5 раза (с превышением наметок последнего года пятилетки на 54%), а по сравнению с 1913 годом машиностроение увеличилось в 10 раз [6]. К 1931 году СССР занял первое место в Европе и второе в мире по производству машин. Также результатами пятилетки стал запуск угольно-металлургической базы Урал-Кузбасс, Беломоро-Балтийского канала и Туркестано-Сибирской железной дороги. За первую пятилетку в связи с прорывным промышленным строительством произошел бурный рост городов: Караганды, Магнитогорска, Ленинска-Кузнецкого, Кемерово, Новосибирска, Свердловска, Челябинска, Перми, Нижнего Тагила и многих других. Численность рабочего класса увеличилась почти в два раза: с 11,6 млн человек в 1928 г. до 22,9 млн человек в 1932 году. Пятилетка охарактеризовалась коренным переломом в структуре производства: удельный вес промышленности в 1932 году составил 70% (в 1927–1928 годах – соответственно 48%). Программа пятилетки по объему промышленной продукции к четвертому году ее реализации была выполнена на 93,7%, а по объему тяжелой промышленности – на 108% [6].

Во-вторых, коллективные хозяйства – колхозы стали фундаментом формирования советского сельского хозяйства. За первую пятилетку, согласно статистическим данным в стране появилось более 200 тысяч колхозов и 5 тысяч совхозов (советских хозяйств). Общий объем от всех посевных площадей государства, которые стали занимать колхозы и совхозы составил 80%. Поражает показатель по увеличению посевных площадей в данный период: они увеличились на 21 млн га. Достижением реализации задач первого пятилетнего хозяйственного плана

стало достижение исторической задачи для СССР – появилось крупное земледелие вместо мелкого, индивидуально-раздробленного крестьянского хозяйства. Также произошел переход от ручного труда к механизированному: в колхозы и совхозы промышленностью СССР было поставлено более 120 тысяч новых тракторов [6].

В-третьих, материальное положение и жизненный уровень граждан улучшился за счет двух факторов. Во-первых, была ликвидирована безработица среди рабочих. Включение всех крестьян в колхозы и совхозы ликвидировал безработицу в деревне [6].

В-четвертых, произошел переход промышленности на 7-часовой рабочий день. Отметим, что до этого на территории страны действовал Декрет Совета Народных Комиссаров «О восьмичасовом рабочем дне», в котором указывалось, что нормальная продолжительность рабочего времени не должна превышать 8 часов в

сутки и 48 часов в неделю [1]. Помимо этого на предприятиях и учреждениях страны введена новая организационная форма производства – непрерывное производство (четыре дня работы и один день отдыха) [5]. Таким образом, советский гражданин в среднем трудился примерно 7,5 часов в день или чуть больше 37 часов в неделю (если пересчитать на современные требования трудового законодательства о пятидневной рабочей неделе).

В-пятых, произошли важнейшие изменения в структуре образования СССР: в несколько раз увеличилась численность граждан, обучающихся в начальной школе, общеобразовательных учреждениях, техникумах, рабочих в фабриках, высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах. Основным результатом в сфере образования – это повышение грамотности населения с 67% в 1930 до 90% в 1932 г. [6]. В таблице 1 представлено количество учащихся в учебных заведениях за 1928 и 1932 годы.

Таблица 1. Количество учащихся в учебных заведениях в 1928 и 1932 годах

Table 1. Number of schoolchildren in educational institutions in 1928 and 1932

Учебные заведения	Число учащихся, чел. 1928 год	Число учащихся, чел. 1932 год
начальная школа	10 млн	19 млн
общеобразовательные средние школы	1600 тыс.	4350 тыс.
техникумы и рабочие фабрики	264 тыс.	1437 тыс.
высшие учебные заведения	166 тыс.	500 тыс.
научно-исследовательские институты	224	770

Отметим, что не все удалось реализовать за данный период времени: не выполнены планы по росту производительности труда, не достигнуты цели, поставленные для развития животноводства и легкой промышленности и другие.

Итоги первой пятилетки были грандиозными: появилась черная металлургия, тракторная, автомобильная, авиационная, химическая промышленность, станкостроение, гидро– и электростанции. Статистические данные показывают, что за данный

период в СССР было введено в строй более 1500 предприятий. Также результатом пятилетки было искоренение безработицы среди рабочего класса. На территории Советского Союза появилось 50 городов с населением от 50 до 250 тысяч человек.

Вторая пятилетка (1933–1937) – это пятилетка освоения новых предприятий и новой техники, что повлечет за собой поднятие квалификации рабочих, инженерного персонала, приобретение новых навыков и появления новой техники.

Отметим, что итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 года – первого года пятилетки были представлены в резолюции Объединенного Пленума ЦК ЦКК ВКП (б) 7–12 января 1933 г. [6]. Полностью второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1933–1937 годы был утвержден Постановлением ЦИК и СНК СССР 17 ноября 1934 г. [7].

Подчеркнем, что исследования советской историографии периода второй пятилетки свидетельствовали о том, что перед государством стоял непростой выбор подходов и инструментов к дальнейшей модернизации народного хозяйства и экономики. Помимо несомненных успехов первой пятилетки существовали и значительные проблемы. К таким проблемам в период реализации второй пятилетки относились значительные масштабы незавершенного строительства предприятий; невыполненные показатели по производительности труда, низкий уровень качества производимой продукции.

Каковы были основные задачи второй пятилетки? Во-первых, главной политической задачей данного периода времени была «ликвидация капиталистических элементов и классов в обществе». Предполагалось, что все трудящееся население станет основой построения бесклассового социалистического общества. Во-вторых, предполагалось значительное увеличение уровня благосостояния населения. В-третьих, ставилась задача окончания технической реконструкции всего хозяйственного комплекса СССР. Это были укрупненные задачи второй пятилетки. Причем третья

задача должна была достичь своей цели путем освоения новой техники и новых производств, поднятием производительности труда и значительным сокращением себестоимости выпускаемой продукции, а также резким улучшением качества и ассортимента выпускаемой продукции во всех отраслях народного хозяйства [7].

Акцентируем внимание на том, что второй пятилетний план отличался от первого хозяйственного плана более детальным установлением количественных и качественных показателей, которых должна была достичь страна. Например, во втором хозяйственном плане устанавливалось, что производство продукции должно основываться с помощью усовершенствованных технологических и производственных процессов, ручной труд должен был быть механизирован, также производство, в том числе мелкое, должно было переходить на новые источники энергии и топлива [7].

Резолюцией XVIII съезда ВКП (б) от 20 марта 1939 года были подведены итоги второго пятилетнего плана [9]. Во-первых, особо подчеркивалось, что в данный период времени была достигнута важная цель для государства: «В СССР разрешена основная историческая задача второй пятилетки: окончательно ликвидированы все эксплуатационные классы, полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком и разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых» [9]. Важнейшим итогом стало изменение классовой структуры общества, которая стала состоять из крестьян и рабочих (табл. 2).

Таблица 2. Структура населения СССР в период второй пятилетки

Table 2. Population structure of the USSR during the Second Five-Year Plan

Население	Удельный вес в структуре населения, в %
рабочие и служащие	34,7
колхозное крестьянство	55,55
армия, учащиеся, пенсионеры и др.	9,75

Во-вторых, уровень народного потребления и заработная плата граждан выросли в более чем 2 раза [9].

В-третьих, кардинально изменился производственно-технический аппарат страны, который заключался в том, что более 80% всей промышленной продукции к концу второй пятилетки было получено с новых или прошедших полную реконструкцию за предшествующие периоды предприятий. Поставленные планы второй пятилетки в сфере промышленности и транспорта были выполнены досрочно. В Резолюции подчеркивалось, что: «Вторая пятилетка промышленностью выполнена в четыре года и три месяца» [9]. Таким образом, был сделан вывод о том, что в основном главная задача, стоящая перед государством в сфере народного хозяйства была выполнена, а именно, произошла техническая реконструкция всего народного хозяйства.

В-четвертых, важнейшим итогом стало завершение коллективизации сельского хозяйства. Государственная собственность во всех производственных фондах СССР составила 98,7% [9].

В-пятых, важнейшим достижением в период второй пятилетки стало появление во всех отраслях народного хозяйства подготовленных кадров, в том числе интеллигенции. Также было подтверждено о реализации во время второй пятилетки культурной революции, результаты которой заключались в увеличении количества учащихся начальной и средней школы до 29,4 млн человек [9].

Отметим, что важнейшее значение в повышении производительности труда на всех предприятиях государства был рекорд, поставленный 31 августа 1935 года донбасским шахтером Алексеем Стахановым, который превысил суточную норму добычи угля в 14 раз. При норме вырубki угля – 7 тонн, он добыл 102 тонны угля. Этот трудовой пример стал масштабно популяризироваться государством среди населения, а также положил начало ста-

хановскому движению. А уже 25 декабря 1935 года пленумом ЦК ВКП (б) было рекомендовано распространить стахановское движение в тяжелой промышленности (во всех добывающих отраслях, машиностроении, электроэнергетике, перерабатывающих отраслях и т. д.) [8]. Одновременно ставилась задача по пересмотру норм выработки продукции в сторону увеличения во всех отраслях тяжелой промышленности. Особо подчеркнем, что были пересмотрены технические пособия, учебники, справочники и иная техническая литература в соответствии с новыми техническими нормами [12].

Плановые показатели данной пятилетки были выполнены. В 1937 году более 80% продукции было получено с новых промышленных предприятий; было произведено более 50% всех станков имеющихся в народном хозяйстве на предприятиях страны; 90% всех тракторов и комбайнов аграрного сектора были произведены в данную пятилетку; практически завершилась электрификация всей тяжелой промышленности; завершена коллективизация сельского хозяйства; изменилась классовая структура общества (увеличилась численность рабочего класса) [12].

Третья пятилетка началась в 1938 году и должна была завершиться в 1942 году. Третий пятилетний хозяйственный план был принят на XVIII съезде ВКП (б) 20 марта 1939 г. [9] В третьем пятилетии государство вступило в новый этап развития – завершения строительства бесклассового социалистического общества. Резолюцией XVIII съезда ВКП (б) было констатировано: «СССР практически закончил техническую реконструкцию народного хозяйства и лидирует по уровню техники производства в промышленном и сельском хозяйстве над любой страной Европы» [9]. По мнению партийных руководителей того времени, третий пятилетний план значительно отличался от двух предыдущих. Если в планах первых двух пятилеток ставилась задача построения

социалистического общества с соответствующей формой хозяйствования, то в третьей пятилетке социалистическое общество должно было быть сформировано.

Основной поставленной задачей в сфере хозяйственного комплекса государства теперь являлось: «догнать и перегнать по уровню производства продукции на душу населения развитые капиталистические страны» [9]. Основным инструментом достижения данной цели третьей пятилетки было повышение производительности труда за счет внедрения новейшей техники во все отрасли народного хозяйства, механизация всех трудоемких работ, а также масштабное внедрение социалистического соревнования и стахановского движения и изменения трудового законодательства.

Однако переход от второй к реализации третьей пятилетки был сопряжен с объективными проблемами. Так, в связи с увеличением производственных мощностей в государстве стала ощущаться нехватка квалифицированных рабочих кадров, а также недостигнутый уровень производительности труда во второй пятилетке; система образования не смогла в полной мере обеспечить потребность советской страны в квалифицированных работниках.

Также значительные материальные ресурсы были переориентированы на производство, связанное с военными нуждами.

С целью повышения производительности труда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. была увеличена продолжительность рабочего дня с 7 до 8 часов, произошел переход на семидневную рабочую неделю, где седьмой день недели – воскресенье считался днем отдыха [10]. Также был введен запрет на самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Также запрещался самовольный переход с одного предприятия на другое. Уход с предприятия или переход на другое предприятие разрешался только с согласия директора предприятия. Также была

предусмотрена санкция за нарушение данного правила – тюремное заключение сроком от 2 до 4 месяцев. В случае прогула сотрудникам по приговору народного суда назначалось наказание в виде исправительно-трудовых работ по месту работы на срок до 6 месяцев и удержанием до 25% заработной платы [10]. Подчеркнем, что данным правовым документом судебной ответственности могли быть подвергнуты директора предприятий, если они уклонялись от предания суду лиц, совершивших самовольный уход с предприятия или прогул, а также, если они приняли на работу таких лиц [10]. Введение данного Указа в действие оказало значительное воздействие на увеличение выпуска продукции, что подтверждалось докладами народных комиссаров на заседаниях ВКП (б).

Важнейшим решением для государства в третью пятилетку стала организация государственных трудовых резервов СССР. Решение об их создании было принято Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 года [11]. В Указе констатировалось, что для дальнейшего успешного развития промышленности государства необходимо на постоянной основе пополнять ее новой рабочей силой. Указом была поставлена задача ежегодно вести профессиональную подготовку от 800 до 1 миллиона человек и трудоустраивать их на государственные предприятия и учреждения [11].

Для подготовки квалифицированных рабочих для металлургической, химической, угольной, нефтяной, горнорудной промышленности, морского, речного транспорта и предприятий связи образовывались ремесленные училища с двухгодичным сроком обучения. Для подготовки квалифицированных рабочих железнодорожного транспорта организовывались железнодорожные училища с двухгодичным сроком обучения. Для подготовки рабочих массовых профессий создавались школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). Для обучения в ремесленных и железнодорож-

ных училищах привлекалась молодежь в возрасте 14–15 лет. Для получения образования в школах ФЗО – лица 16–17 лет [11].

Таким образом, государство бесплатно давало профессию молодым людям с обязательным их трудоустройством на предприятия промышленности, на которых они должны были проработать 4 года. При этом молодежи предоставлялась отсрочка от срочной службы в армии. Результат принятия решения о создании трудовых резервов был впечатляющий. Уже за 1940 год было создано более 1,5 тысячи соответствующих учебных заведений, профессию в которых получали 600 тысяч человек: 622 ремесленных и 122 железнодорожных училища, 806 школ ФЗО. Еще 500 школ ФЗО, открытых в начале 1941 года, обеспечивали необходимую подготовку более чем 100 тысячам своих учеников [29].

Можно констатировать, что решения вышеназванного Указа заложили основу системы профессионально-технического образования в СССР. А динамично развивающаяся экономика государства в короткий срок получила молодые квалифицированные кадры. Именно эти профессиональные молодые кадры стали основой работы тыла во время Великой Отечественной войны.

Отметим, что 1938–1940 годы производственные объемы увеличились более чем на треть, то есть приблизились к плановым показателям. На долю Советского Союза к этому времени доводилась примерно десятая часть всего мирового объема производства в промышленности [21].

Исходя из того, что в 1938 году уже было понятно, что войны в Европе не избежать, это было только вопросом времени, преимущества в третьем пятилетнем плане были отданы отраслям, которые работали на военную промышленность, развивающуюся семимильными шагами.

В первые два года третьей пятилетки были образованы народные комиссариаты авиационной промышленности, воору-

жения, боеприпасов, судостроительной отрасли [21].

В течение третьей пятилетки увеличивается значение восточных районов государства: появляются новые фабрики и заводы по добыче и переработке природных ресурсов и т. п. То есть одним из направлений развития промышленности СССР в данную пятилетку является размещение промышленности по всей стране с целью вовлечения природных ресурсов всех регионов государства для использования в промышленности.

Следующей важнейшей задачей было повышение роста дохода населения и развитие товарооборота. Ставилась цель поднять народное потребление в 1,5–2 раза [21]. Особое внимание третьей пятилетки должно было быть уделено повышению культурно-технического уровня рабочих до уровня инженеров. Всего на январь 1939 года численность персонала промышленности составила 10735356 чел. [14].

Также в связи с существующей на тот момент геополитической обстановкой – возможности войны, особое внимание было уделено формированию масштабных государственных резервов. Данные резервы предполагалось создать в топливной, энергетической сфере, в оборонном производстве. Также данная пятилетка характеризовалась тем, что были выделены дополнительные средства на укрепление обороноспособности страны в связи с начавшейся в сентябре 1939 года мировой войной. В третьей пятилетке доля государственных расходов на оборону составила 25,4% бюджета (для сравнения во второй пятилетке она составляла 12,7%) [21]. Большое внимание уделялось строительству заводов оборонной промышленности на востоке СССР. Ускоренными темпами шло строительство оборонных заводов-дублеров на Урале, в Сибири и Поволжье. Можно констатировать, что в СССР к третьей пятилетке появились новые промышленные районы в Поволжье, Сибири, Казахстане.

Стало осваиваться Заполярье, Северный морской путь. Отметим, что к 1937 году численность городского населения согласно переписи составила 51,9 млн чел. (в 1926 г. насчитывалось 26,3 млн человек) [21]. Удельный вес городского населения достиг 31,2% в общей численности населения. Также увеличилось количество городов с населением численностью свыше 50 тыс. человек, их стало 159 (в 1926 году – 86) [21]. Ход третьей пятилетки был прерван 22 июня 1941 г., когда гитлеровская Германия и ее союзники напали на СССР.

Современные исследователи уверены, что учет уроков индустриализации в СССР может стать фактором успешной новой индустриализации в России, которая необходима стране в силу развала промышленного производства в 90-е и 2000-е годы, а также с введением в отношении нашей страны санкций в настоящее время. Так, Е.Е. Николаева пишет: «Известно, что индустриализация предполагает создание и опережающий рост крупного машинного производства во всех отраслях экономики и играет решающую роль в процессе модернизации экономики. Наша страна имеет опыт успешной индустриализации, проведенной в СССР в условиях плановой экономики. Полезно изучать этот опыт, адаптируя его к новым политическим и социально-экономическим условиям в

России» [6]. Необходимо отметить, что процесс индустриализации в СССР, показавший столь выдающиеся результаты, помимо успехов сопровождался и неудачами.

Обсуждение и заключение. Результаты индустриализации СССР были колоссальны. Была создана мощнейшая промышленная база. СССР стал одним из сильнейших индустриальных стран мира, укрепив свой международный авторитет. Воздействие индустриализации первого в мире советского государства оставило значительный вклад в дальнейшую историю развития страны на многие десятилетия вперед. Был построен экономический, промышленный и социальный фундамент государства. Советский Союз вошел в четверку самых промышленно развитых государств мира, наряду с США, Германией и Великобританией. СССР упрочил свое положение на мировой арене.

Таким образом, современные геополитические условия, в которых оказалась Российская Федерация во многом имеют много общего с положением, в котором находился СССР в период проведения первых пятилеток. Мы можем говорить, что причины проведения индустриализации в СССР являются такими же и для России. Это дает повод учитывать уроки советской индустриализации в современном промышленном развитии государства.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. О восьмичасовом рабочем дне [Электронный ресурс]: Декрет Совета Народных Комиссаров от 29 октября 1917 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сборник докладов за 50 лет. Т. 1. 1917–1928 гг. М.: Политиздат, 1967. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354690> (дата обращения: 01.12.2025).
2. Декрет Совета Народных Комиссаров. Положение о Государственной Общеплановой Комиссии. 22 февраля 1921 года [Электронный ресурс] // Собрание указаний и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 2021 г. М., 1944. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350197> (дата обращения: 01.12.2025).

3. О пятилетнем плане развития народного хозяйства [Электронный ресурс]: Резолюция XVI конференции ВКП (б), апрель 1929 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сборник докладов за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354519> (дата обращения: 01.12.2025).

4. О пятилетнем плане развития народного хозяйства [Электронный ресурс]: Постановление V съезда Советов СССР, 28 мая 1929 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сборник докладов за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354525>

5. О переходе на непрерывное производство в предприятиях и учреждениях Союза ССР. 26 августа 1929 г. [Электронный ресурс]: Постановление Совета Народных Комиссаров // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1929 г. № 40-76. Отдел первый. М., б.г. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/377126> (дата обращения: 01.12.2025).

6. Объединенный пленум Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии ВКП (б). Москва. 7-12 января 1933 г. Резолюции Пленума. Итоги первой пятилетки и народнохозяйственный план 1933 года – первого года второй пятилетки [Электронный ресурс] // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 6. 1933–1937. М.: Политиздат, 1985. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/445959#mode/inspect/page/1/zoom/4> (дата обращения: 01.12.2025).

7. О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства Союза ССР (1933–1937) [Электронный ресурс]: Постановление ЦИК и СНК СССР, 17 ноября 1934 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сборник докладов за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354619> (дата обращения: 01.12.2025).

8. Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением [Электронный ресурс]: Резолюция пленума ЦК ВКП(б), 25 декабря 1935 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т.: сборник докладов за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354631> (дата обращения: 01.12.2025).

9. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.) [Электронный ресурс]: Резолюция XVIII съезда ВКП (б), 20 марта 1939 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5-ти т.: сборник докладов за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. М.: Политиздат, 1967. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354662> (дата обращения: 01.12.2025).

10. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений [Электронный ресурс]: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. URL: <https://www.prilib.ru/item/1318920?mode=archive> (дата обращения: 01.12.2025).

11. О государственных трудовых резервах СССР [Электронный ресурс]: Указ от 2 октября 1940 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945.]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131140-o-gosudarstvennyh-trudovyh-rezervah-sssr-ukaz-ot-2-oktyabrya-1940-g> (дата обращения: 01.12.2025).

12. Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР [Электронный ресурс]. М.: Госпланиздат, 1939. 149 с. URL: https://istmat.org/files/uploads/32068/itogi_vypolneniya_vtorogo_pyatiletnego_plana_0.pdf (дата обращения: 01.12.2025).

13. Гордеев В.А., Гордеев А.А. Индустриализация СССР: актуальные и неактуальные для РФ аспекты. Ярославль: ЯГТУ, 2014. 231 с.

14. История индустриализации СССР 1938–1941 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/9335> (дата обращения: 01.12.2025).

15. Козлов В.А., Хлевнюк О.В. Начинается с человека. Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х годов. М., 1988. 256 с.

-
16. Корнеев С. XIV съезд ВКП(б). Курс на индустриализацию [Электронный ресурс] // Коммунисты. URL: <https://comstol.info/2012/12/obshhestvo/5384> (дата обращения: 01.12.2025).
17. Курс коммунистической партии на социалистическую индустриализацию [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/6162> (дата обращения: 01.12.2025).
18. Лельчук В.С. Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы. М.: Политиздат, 1984. 304 с.
19. Николаева Е.Е. Задачи новой индустриализации в России в свете опыта индустриализации в СССР // Теоретическая экономика. 2015. № 1. С. 69-72.
20. Ореховский П.А., Букина И.С. Индустриализация в СССР 1923–1960. Структуралистский подход [Электронный ресурс] // JIS. 2025. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrializatsiya-v-sssr-1923-1960-strukturalistskiy-podhod> (дата обращения: 01.12.2025).
21. План и результаты третьей пятилетки (1938–1942 гг.) [Электронный ресурс]. URL: https://spravochnikvs.com/plan_i_rezul_taty_tret_ej_pyatiletki_1938_1942_gg (дата обращения: 01.12.2025).
22. Рослякова Н.В. Первая пятилетка (1928–1932 гг.): успехи и неудачи // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: материалы XXV юбилейной ежегодной Международной научной конференции: в 4-х т. Т. 4. (Санкт-Петербург, 22 марта 2019 г.). СПб.: СПбГУПТД, 2019. С. 122-124.
23. Сталин И.В. Об индустриализации и хлебной проблеме: речь на пленуме ЦК ВКП (б) 9 июля 1928 г. Сочинения. Т. 11. [Электронный ресурс]. М.: ОГИЗ, 1949. С. 157-187. URL: https://grachev62.narod.ru/stalin/t11/t11_16.htm (дата обращения: 01.12.2025).
24. Туфанов Е.В., Карпенко Н.Н. К вопросу становления и развития советской промышленности в 1920–1930-е гг. (на материалах партийных съездов, конференций и пленумов [Электронный ресурс] // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2024. № 3 (63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-stanovleniya-i-razvitiya-sovetskoj-promyshlennosti-v-1920-1930-e-gg-na-materialah-partiynyh-sezdov-konferentsiy-i> (дата обращения: 01.12.2025).
25. Ханин Г.И. Три варианта пятилетнего плана развития экономики СССР (от реализма к утопии на фоне экономического и политического развития СССР в 1928–1929 годах) [Электронный ресурс] // JER. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-varianta-pervogo-pyatiletneho-plana-razvitiya-ekonomiki-sssr-ot-realizma-k-utopii-na-fone-ekonomicheskogo-i-politicheskogo> (дата обращения: 01.12.2025).
26. Щедровицкий П.Г. Три догоняющие индустриализации России: доклад на 257-м заседании семинара Центра экономической истории исторического факультета МГУ, 15 мая 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://shchedrovitskiy.com/tri-dogonyayushchih-industrializacii-rossii/> (дата обращения: 01.12.2025).
27. Щедровицкий П.Г. Три индустриализации России. М.: TerraFantastica, 2018. 157 с.
28. Юдина Н.А. Индустриализация в СССР. Первые пятилетки [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrializatsiya-v-sssr-pervye-pyatiletki> (дата обращения: 01.12.2025).
29. 85 лет дате. 2 октября 1940 вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР» [Электронный ресурс]. URL: <https://1kommunist.ru/2025/10/02/85-let-date-2-oktyabrya-1940-vyshel-ukaz-prezidiuma-verhovnogo-soveta-sssr-o-gosudarstvennykh-trudovykh-rezervakh-sssr/> (дата обращения: 01.12.2025).
30. Chamberlin W.H. Russia's Iron Age. Boston: Little, Brown and Company, 1934. 389 p.
31. Gregory P.R. The political economy of Stalinism: evidence from the Sov. secret arch. Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. 308 p.
32. Nove A. Review R.Conquest «The Great Terror» // Soviet Studies. 1969. Vol. 20, iss. 4. P. 540.

REFERENCES

1. Decree of the Council of People's Commissars, October 29, 1917. On the Eight-Hour Working Day // Decisions of the Party and Government on Economic Issues. Vol. 5: Coll. Doc. Over 50 Years. Vol. 1. 1917–1928. Moscow: Politizdat, 1967. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354690> (date of access: December 1, 2025). [In Russ.]
2. Decree of the Council of People's Commissars. Regulations on the State General Planning Commission. February 22, 1921 // Collection of Legislations and Orders of the Workers' and Peasants' Government for 2021. Moscow, 1944. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/350197> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
3. Resolution of the XVI Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), April 1929. On the Five-Year Plan for the Development of the National Economy // Decisions of the Party and Government on Economic Issues. Vol. 5: Coll. Doc. Over 50 Years. Vol. 2. 1929–1940. – Moscow: Politizdat, 1967. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354519> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
4. Resolution of the Fifth Congress of Soviets of the USSR, May 28, 1929. On the Five-Year Plan for the Development of the National Economy // Decisions of the Party and Government on Economic Issues. Vol. 5: Coll. Doc. For 50 years. V. 2. 1929–1940. – Moscow: Politizdat, 1967. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354525> [In Russ.]
5. Resolution of the Council of People's Commissars. On the transition to continuous production in enterprises and institutions of the USSR. August 26, 1929 // Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1929. No. 40-76. Section One. Moscow, no. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/377126> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
6. Joint Plenum of the Central Committee and the Central Control Commission of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Moscow. January 7-12, 1933. Resolutions of the Plenum. Results of the First Five-Year Plan and the National Economic Plan for 1933 – the First Year of the Second Five-Year Plan // Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenums of the Central Committee (1898–1986). Vol. 6. 1933–1937. Moscow: Politizdat, 1985. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/445959#mode/inspect/page/1/zoom/4> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
7. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR, November 17, 1934. On the Second Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1933–1937) // Decisions of the Party and Government on Economic Issues. In 5 volumes: Coll. doc. Over 50 years. Vol. 2. 1929–1940. Moscow: Politizdat, 1967. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354619> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
8. Resolution of the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), December 25, 1935. Questions of Industry and Transport in Connection with the Stakhanovite Movement // Decisions of the Party and Government on Economic Issues. In 5 volumes: Coll. doc. Over 50 years. Vol. 2. 1929–1940. Moscow: Politizdat, 1967. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354631> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
9. Resolution of the 18th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), March 20, 1939. The Third Five-Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR (1938–1942) // Decisions of the Party and Government on Economic Issues. Vol. 5: Collection of documents. Over 50 years. Vol. 2. 1929–1940. Moscow: Politizdat, 1967. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/354662> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
10. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “On the transition to an eight-hour workday, a seven-day workweek, and on the prohibition of unauthorized departure of workers and employees from enterprises and institutions,” June 26, 1940. [Electronic resource]. URL: <https://www.prilib.ru/item/1318920?mode=archive> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]

-
11. On state labor reserves of the USSR (Decree of October 2, 1940) // Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938–1944. – Moscow: Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR, 1945. [Electronic resource]. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/131140-o-gosudarstvennyh-trudovyh-rezervah-sssr-ukaz-ot-2-oktyabrya-1940-g> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
 12. The results of the implementation of the second five-year plan for the development of the national economy of the USSR. Moscow: Gosplanizdat, 1939. 149 p. [Electronic resource]. URL: https://istmat.org/files/uploads/32068/itogi_vypolneniya_vtorogo_pyatiletnego_plana_0.pdf (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
 13. Gordeev, V.A., Gordeev, A.A. Industrialization of the USSR: aspects that are relevant and irrelevant for the Russian Federation. Yaroslavl: Yaroslavl State Technical University Publishing House, 2014. 231 p. [In Russ.]
 14. History of Industrialization of the USSR 1938–1941 [Electronic resource]. URL: <https://istmat.org/node/9335> (accessed: 01.12.2025). [In Russ.]
 15. Kozlov, V.A., Khlevnyuk, O.V. It Begins with Man. The Human Factor in Socialist Construction: Results and Lessons of the 1930s. Moscow: Political Literature Publishing House, 1988. 256 p. [In Russ.]
 16. Korneenko, S. XIV Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Course towards Industrialization // Communists. [Electronic resource]. URL: <https://comstol.info/2012/12/obshchestvo/5384> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
 17. The Communist Party's Course Towards Socialist Industrialization [Electronic resource]. URL: <https://istmat.org/node/6162> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
 18. Lelechuk, V.S. Industrialization of the USSR: History, Experience, Problems. Moscow: Politizdat, 1984. 304 p. [In Russ.]
 19. Nikolaeva, E.E. Tasks of the New Industrialization in Russia in Light of the Experience of Industrialization in the USSR // Theoretical Economics. 2015. No. 1. P. 69-72. [In Russ.]
 20. Orekhovsky, P.A., Bukina, I.S. Industrialization in the USSR 1923–1960. Structuralist Approach // JIS. 2025. No. 1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrializatsiya-v-sssr-1923-1960-strukturalistskiy-podhod> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
 21. Plan and results of the third five-year plan (1938–1942) [Electronic resource]. URL: https://spravochnikvs.com/plan_i_rezul_taty_tret_ej_pyatiletki_1938_1942_gg (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
 22. Roslyakova, N.V. The First Five-Year Plan (1928–1932): Successes and Failures // Russia and the World in Modern and Contemporary Times – From the Past to the Future: Proceedings of the XXV Anniversary Annual International Scientific Conference: in 4 volumes, St. Petersburg, March 22, 2019. Vol. 4. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, 2019. P. 122-124. [In Russ.]
 23. Stalin, I.V. On Industrialization and the Grain Problem: Speech at the Plenum of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on July 9, 1928: Works. Vol. 11. Moscow: OGIZ; State Publishing House of Political Literature, 1949. P. 157-187. [Electronic resource]. URL: https://grachev62.narod.ru/stalin/t11/t11_16.htm (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
 24. Tufanov, E.V., Karpenko, N. N. On the Formation and Development of Soviet Industry in the 1920s-1930s. (based on the materials of party congresses, conferences, and plenary sessions // Vestnik of KalmGU. 2024. No. 3 (63). [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-stanovleniya-i-razvitiya-sovetskoy-promyshlennosti-v-1920-1930-e-gg-na-materialah-partiynyh-sezdov-konferentsiy-i> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]
 25. Khanin, G.I. Three options for a five-year plan for the development of the USSR economy (from realism to utopia against the background of the economic and political development of the USSR in 1928–1929) // JER. 2023. No. 1. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tri-varianta-pervogo-pyatiletnego-plana-razvitiya-ekonomiki-sssr-ot-realizma-k-utopii-na-fone-ekonomicheskogo-i-politicheskogo> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]

26. Shchedrovitsky, P.G. Three Catch-Up Industrializations of Russia: Report at the 257th Meeting of the Seminar of the Center for Economic History, Faculty of History, Moscow State University, May 15, 2019. [Electronic resource]. URL: <https://shchedrovitskiy.com/tri-dogonyayushchih-industrializacii-rossii/> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]

27. Shchedrovitsky, P. G. Three Industrializations of Russia. Moscow: TerraFantastica, 2018. 157 p. [In Russ.]

28. Yudina, N.A. Industrialization in the USSR. The First Five-Year Plans. Current Issues in the Humanities and Natural Sciences. 2017, No. 4-3. [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/industrializatsiya-v-sssr-pervye-pyatiletki> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]

29. 85 years to the date. October 2, 1940 – Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR «On State Labor Reserves of the USSR» was issued. [Electronic resource]. URL: <https://1kommunist.ru/2025/10/02/85-let-date-2-oktyabrya-1940-vyshel-ukaz-prezidiuma-verxovnog-soveta-sssr-o-gosudarstvennyx-trudovykh-rezervax-sssr/> (date of access: 01.12.2025). [In Russ.]

30. Chamberlin W.H. Russia's Iron Age. Boston: Little, Brown and Company, 1934. 389 p.

31. Gregory P. R. The political economy of Stalinism: evidence from the Sov. secret arch. Cambridge [etc.]: Cambridge univ. press, 2004. 308 p.

32. Nove A. Review R.Conquest «The Great Terror» // Soviet Studies. 1969. Vol. 20. Is. 4. 3.540.

Информация об авторе / Information about the author

Наталья Михайловна Суетина, доцент кафедры административного и уголовного права. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет». 385000, Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д.191, e-mail: na-ri@bk.ru

Natalya M. Suetina, PhD, Associate Professor, the Department of Administrative and Criminal Law, Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya str., e-mail: na-ri@bk.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 10.12.2025

Поступила после рецензирования 17.01.2026

Принята к публикации 17.01.2026

Received 10.12.2025

Revised 17.01.2026

Accepted 17.01.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-65-77>
УДК 94(477.75)+02©

Н.К. Крупская и библиотечное дело в Крымской АССР в 1930-х годах: по материалам Государственного архива Российской Федерации

И.С. Сунцов

*Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова,
Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь
seri@crimeaedu.ru*

Аннотация. Введение. Статья раскрывает роль Н.К. Крупской в развитии библиотечного дела в Крымской АССР в 1930-х годах – впервые изучаемый в крымской историографии аспект истории библиотечного строительства. Цель исследования – осветить крымское направление библиотечной деятельности Н.К. Крупской и продемонстрировать региональный аспект библиотечной политики РСФСР.

Материалы и методы. Исследование основано на архивных документах из Государственного архива Российской Федерации (в т. ч. фонд А-2306 Министерства просвещения РСФСР) и материалах крымской периодической печати из фондов Отдела газет Российской государственной библиотеки. В работе применены историко-генетический, хронологический, просопографический и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования. В публикации изучен региональный аспект деятельности Н.К. Крупской как куратора библиотечного направления; продемонстрированы линии государственных коммуникаций «провинция – центр», раскрыты проблемы библиотечного строительства в Крыму, показано влияние Н.К. Крупской на принятие решений в сфере библиотечной политики региона, в т. ч. ее противодействие сокращению штата инспекторов Наркомпроса.

Обсуждение и заключение. Выявленные материалы углубляют понимание механизмов формирования и реализации советской библиотечной политики на региональном уровне в деятельности Н.К. Крупской. Практическая значимость работы состоит в расширении научных знаний о культурном строительстве в Крымской АССР.

Ключевые слова: Н.К. Крупская, библиотечное дело, Крымская АССР, библиотечная политика РСФСР, культурное строительство, архивные источники, Наркомпрос Крымской АССР, Центральная областная библиотека Крыма, история культуры

Для цитирования: Сунцов И.С. Н.К. Крупская и библиотечное дело в Крымской АССР в 1930-х годах: по материалам Государственного архива Российской Федерации. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 65–77. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-65-77>

N.K. Krupskaya and library activities in the Crimean ASSR in the 1930s: based on the materials from the State Archive of the Russian Federation

I.S. Suntsov

*Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov
Simferopol, the Crimean Republic, the Russian Federation
cepu@crimeaedu.ru*

Abstract. Introduction. The article reveals the role of N.K. Krupskaya in the development of library services in the Crimean ASSR in the 1930s – an aspect of the history of library development that has not previously been studied in the Crimean historiography. The goal of the research is to shed light on the Crimean direction of N. K. Krupskaya's library activities and to demonstrate the regional aspect of the library policy of the RSFSR.

The Materials and methods. The research is based on the archival documents from the State Archive of the Russian Federation (including Fond A-2306 of the Ministry of Education of the RSFSR) and materials from the Crimean periodicals held in the Newspaper Department of the Russian State Library. The research employs the historical-genetic, chronological, prosopographic, and comparative-historical methods.

The Research results. The research examines the regional dimension of N.K. Krupskaya's activities as a curator of library development; it demonstrates the lines of state communications between the "province and the centre", identifies the challenges of library development in Crimea, and shows the influence of N.K. Krupskaya on decision-making in the field of regional library policy, including her opposition to cuts in the number of inspectors at the People's Commissariat of Education (Narkompros).

Discussion and conclusion. The materials identified deepen the understanding of the mechanisms of formation and implementation of Soviet library policy at the regional level through the activities of N.K. Krupskaya. The practical significance of the work lies in expanding scholarly knowledge about cultural development in the Crimean ASSR.

Keywords: N.K. Krupskaya, library services, the Crimean ASSR (Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic), library policy of the RSFSR (Russian Soviet Federative Socialist Republic), cultural development, archival sources, People's Commissariat of Education (Narkompros) of the Crimean ASSR, the Central Regional Library of Crimea, cultural history

For citation: Suntsov I.S. N.K. Krupskaya and library activities in the Crimean ASSR in the 1930s: based on the materials from the State Archive of the Russian Federation. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 65–77. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-65-77>

Введение. История библиотечного дела привлекает внимание специалистов библиотечной отрасли, историков и краеведов. Однако многие аспекты проблематики остаются нераскрытыми, в том числе роль Надежды Константиновны Крупской (1869–1939) в развитии регионального библиотечного строительства в РСФСР.

В крымской историографии до сих пор не было очерчено ее влияние на культурную жизнь региона. Публикация впервые в научной литературе поднимает вопрос о роли Н.К. Крупской – заместителя народного комиссара просвещения РСФСР и руководителя библиотечного направления в Наркомпросе – в реализации культур-

но-просветительской работы в Крыму в 1930-х гг.

Обзор литературы. История изучения библиотечного дела в Крымской АССР в межвоенный период (1920–1930-е гг.) включает в себя ряд опубликованных трудов различных авторов, однако на текущем этапе особую актуальность приобретает исследование данной проблематики. Первыми исследованиями библиотечного дела в Крыму считаются публикации Р.И. Ушатов. Автор анализирует становление библиотечной сети в Крымской АССР, представляет общую характеристику развития отрасли в исследуемый период, однако привлечение новых материалов столичных архивов позволяет уточнить ранее сформулированные положения и осветить новые аспекты библиотечного строительства [6, с. 120–125].

Особое место в истории библиотечного дела Крыма занимает Центральная областная библиотека. Попытку осветить историю становления ведущего библиотечного учреждения предприняли ее сотрудники – Т.И. Пужановская, Л.В. Манжосова, О.И. Портунова. В работах раскрываются отдельные эпизоды деятельности учреждения с акцентом на книговедческих и библиотековедческих аспектах. Однако раскрытие истории одного учреждения не дает целостного представления о состоянии отрасли в регионе [6, с. 14–29; 14, с. 138–145; 15, с. 62–67].

В работах В.М. Брошевана, Б.В. Змерзлого и Т.В. Пирожковой библиотечное дело рассматривается как часть культурного строительства в Крыму, но не выделяется в качестве самостоятельного предмета исследования [1, с. 34–37; 4, с. 80–82; 13, с. 69–83]. Общие вопросы истории Крыма освещаются в фундаментальных публикациях Г.Н. Кондратюка, В.П. Петрова, А.А. Форманчука. История библиотек Крыма упоминается исключительно в контексте социально-политических процессов

без углубленного анализа библиотечной политики [5, с. 162–169; 11, с. 173–211; 12, с. 268–287; 17].

Отдельно необходимо выделить труды профессора, доктора исторических наук А.А. Непомнящего – в его работах раскрываются этапы реализации крымоведческих проектов (становление библиографии на полуострове, создание Крымской советской энциклопедии, деятельность отдельных представителей краеведческого движения). Из исследований следует вывод о том, что библиотеки играли роль научного фундамента для реализации этих научных направлений [8; 9, с. 80–87; 10]. Наиболее детальные исследования библиотечного дела в РСФСР межвоенного периода 1920–1930-х годов были продемонстрированы в трудах М.Н. Глазкова. Автор дает оценку деятельности Н.К. Крупской в контексте библиотечной политики РСФСР, анализирует общесоюзные тенденции: нормативно-правовую базу, финансирование, кадровую политику, роль библиотек в ликвидации неграмотности. При этом региональный аспект освещен фрагментарно, вклад Н.К. Крупской в развитие библиотечного дела Крыма не выделяется [2; 3, с. 20–25].

Однако ни в одной из вышеперечисленных публикациях крымской исторической тематики не поднимается вопрос о влиянии Н.К. Крупской на становление библиотечной отрасли в Крыму в межвоенный период 20–30-х годов XX века. Существующие работы фокусируются на локальных аспектах, либо рассматривают библиотечное дело в широком контексте, не уделяя внимания роли центральных фигур советской библиотечной политики. Региональный характер исследуемого вопроса также определил отсутствие зарубежных исследований, в которых был бы раскрыт данный аспект. Это определяет актуальность настоящего исследования, направленного на восполнение данного пробела.

Материалы и методы. Цель исследования – осветить крымское направление библиотечной деятельности Н.К. Крупской для демонстрации регионального аспекта библиотечной политики в РСФСР. Задача – ввести в научный оборот новые источники по библиотечному строительству общесоюзного и регионального уровня в Крыму. Выявленные в Государственном архиве Российской Федерации документы позволяют очертить линии государственных коммуникаций «провинция – центр» между Н.К. Крупской и местными организаторами: народным комиссаром просвещения Р.М. Александровичем (1900–1938) и директором Центральной областной библиотеки Крыма Р.Е. Лукомским. В публикации используются методы исторических исследований: 1. Историко-сравнительный: выявленные документы затрагивают как общесоюзные тенденции библиотечной политики (постановление ЦИК СССР 1934 г.), так и их аспекты реализации в Крыму. 2. Систематический анализ содержания источников – документы содержат прямые оценки состояния библиотечного дела в республике, помогают реконструировать приоритеты библиотечной политики и реальные трудности на местах. 3. Историко-документальный (архивный) метод – в исследовании активно используются неопубликованные архивные материалы, раскрывающие региональную историю библиотечного дела в СССР.

Результаты исследования. Надежда Константиновна Крупская родилась в Санкт-Петербурге в дворянской семье. Получила фундаментальное образование: окончила гимназию княгини А.А. Оболенской с золотой медалью и Бестужевские высшие женские курсы. В 1890-х гг. включилась в революционное движение, в 1898 году стала членом РСДРП. После ареста и ссылки вышла замуж за В.И. Ленина и вместе с ним находилась в эмиграции (1901–1917), занимаясь организационной и пропагандистской работой. С

1917 года занимала ключевые посты в системе народного просвещения, став одним из идеологов советской образовательной политики и организатором библиотечного дела в стране [2, с. 6–98].

В межвоенный период 20–30-х годов Н.К. Крупская совмещала роль ведущего теоретика и организатора советского просвещения – заместителя наркома просвещения РСФСР – с должностью заведующего Главным управлением научными, музейными и научно-библиотечными учреждениями (Главнаука) Наркомпроса (рис 1). В этом качестве она вела обширную работу с местными региональными представителями органов народного образования. Особое внимание Крупская уделяла интеграции библиотек в систему политпросвета: они становились центрами массовой агитации, ликвидации неграмотности и распространения партийной литературы. Ее деятельность заложила основы централизованной библиотечной политики СССР, определив ключевые направления развития библиотечного дела на десятилетия вперед¹.

В 1930-е гг. в общесоюзном библиотечном деле заметно выросла государственная поддержка, что связано с постановлением ЦИК СССР «О библиотечном деле в Союзе ССР» (27 марта 1934 года). Это привело к росту финансирования, расширению сети и фондов библиотек, строительству помещений и улучшению оборудования, а также к увеличению числа читателей [1, с. 228]. Такая политика была обусловлена внешними и внутривнутриполитическими обстоятельствами, включая угрозу войны с нацистской Германией. Ключевыми задачами библиотек в 1930 – мае 1941 г. стали ликбез, всеобщее образование, содействие индустриализации и коллективизации, а также укрепление идеологических постулатов. Благодаря

¹ Н.К. Крупская о библиотечном деле / Под ред. Г.А. Горша, Н.П. Скрыпнева, Н.Г. Чагиной. Ленинград: Главполиграфпром, 1964. С. 5–25.

Рис. 1. Н.К. Крупская в 1930-х годах (Изображение в свободном доступе)

Fig. 1. N.K. Krupskaya in 1930s (Image in the public domain)

созданному материальному фундаменту их деятельность стала более результативной. При этом в регионах состояние большинства библиотечных фондов и помещений оставалось плачевным. Н.К. Крупская на XV съезде ВКП(б) отметила нехватку и моральный износ фондов сельских библиотек, где «старья никто не хочет читать, а в статистических сводках создается лишь видимость наличия литературы». Из-за отсутствия финансирования библиотекари были вынуждены получать литературу в порядке благотворительности [2, с. 33, 228]. Подобная ситуация наблюдалась и в Крыму.

В этой связи интересно письмо Надежды Константиновны Крупской народному комиссару просвещения Крымской АССР Рамазану Мустафаевичу Александровичу (1900–1938), в котором она подвела краткие итоги проводимой в крымском аспекте политики (рис. 2, 3): «Конференция по Бибделу при Наркомпросе РСФСР в конце 1934 г. выявила, что в Крыму наметился значительный сдвиг в библиотечной работе: есть достижения в развертывании сети, в деле охраны и упорядочения книжного имущества, проведена в последние месяцы большая работа по подготовке и переподготовке кадров. Главную причину этого успеха мы видим в основном Вашем

достижении – в том, что Вам удалось подобрать и укрепить руководящий аппарат – библиотечную инспектуру в Наркомпросе и в районах»².

Вместе с тем, Н.К. Крупская сообщала и о проблемах, известных ей по сообщениям местных кадров организации библиотечного дела: «Но имеется в Крыму еще очень много невыполненного по постановлению ЦИКа СССР по бибделу: – прорывы в реализации бюджета, незакреплены помещения за библиотеками, неудовлетворительно оборудование библиотек, есть большие недостатки в комплектовании библиотек, необходим биб-коллектор. Данные переписи свидетельствуют о наличии в Крыму развернутой сети библиотек, в отношении которой потребуется осуществлять госконтроль, пока еще слабо поставленный. Между тем, до нас дошли сведения, что в 1935 году, Вы предполагаете реорганизовать бибсекцию Наркомпроса в бибгруппу и сократить штат инспекторов с 3-х до 2-х. Такая реорганизация структуру аппарата по примеру КрайОНО [Краевой отдел народного образования – *И.С.*] вовсе необязательная

² Доклад Н. Крупской тов. Александровичу (Наркомпрос Крымской АССР) // ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 771. 9 февраля – 25 ноября 1935. Л. 4–4об.

для автономной республики, несомненно повлечет за собой ослабление так успешно начатой работы по подтягиванию этого столь отставшего участка культурного.

Поэтому прошу Вас пересмотреть проектируемую реорганизацию и не отказывать уведомить нас о принятом Вами решении. Замнаркомпроса (Крупская)»³.

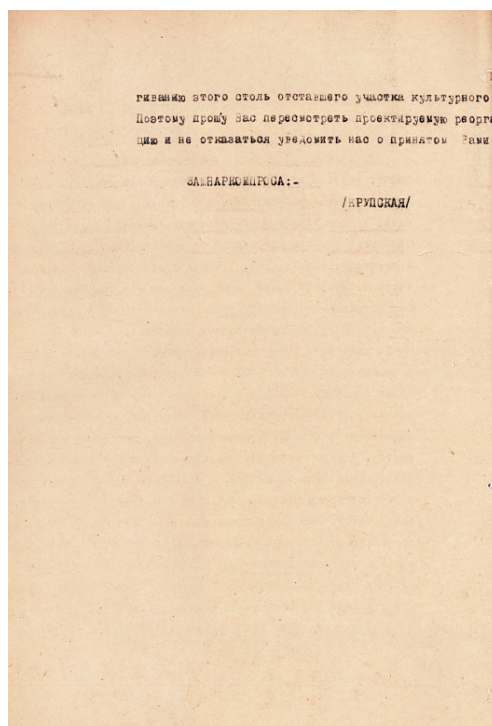
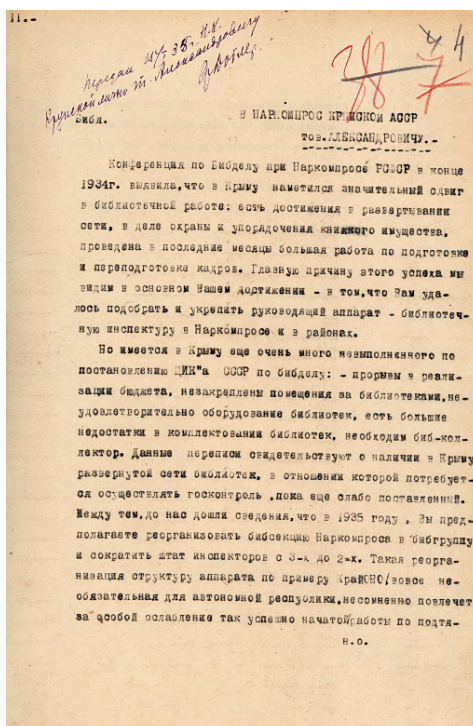

Рис. 2, 3. Доклад Н. Крупской тов. Александровичу (Наркомпрос Крымской АССР) (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 771. 9 февраля – 25 ноября 1935. Л. 4–4об.)

Fig. 2, 3. Report by N. Krupskaya to Comrade Alexandrovich (People's Commissar of Education of the Crimean ASSR) (State Archive of the Russian Federation [GARF], fond A-2306, inventory 70, file 771. 9 February – 25 November 1935. Sheets 4–4 verso)

В связи с тезисами, изложенными Н.К. Крупской наркомпросу Р.Н. Александровичу, сюжет дополняет письмо директора Центральной областной библиотеки Крыма в 30-х годах Роберта Евсеевича Лукомского, в котором он докладывал Н.К. Крупской о проблемах, существующих в главном библиотечном учреждении Крыма (рис. 4, 5): «Срочно [рукописная маргиналия – И.С.]. Многоуважаемая Надежда Константиновна. Центральная Областная Библиотека Крыма попала в безвыходное положение. Три месяца дрались мы за включение в титульный список капитального ремонта. С мая месяца мы дрались за включение капитального ремонта библиотеки в план финанси-

рования. В результате добились ассигнования 25 тысяч на окончание начатого в прошлом году капитального ремонта и переоборудования единственной в Крыму библиотеки, имеющей книжный фонд, в несколько сот тысяч книг и получающий обязательный экземпляр Книжной Палаты, и включения в план финансирования с июля месяца⁴.

Было обещано всемерное содействие в обеспечении ремонта стройматериалами Наркомом Просвещения тов[арищем

³ То же.

⁴ Докладная записка Директора Центральной областной библиотеки Крымской АССР Лукомского // ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 771. 9 февраля – 25 ноября 1935. Л. 13–13об.

Рамазаном Мустафаевичем] Александровичем и Зам[естителем] Пред[седателя] Госпланом тов[арищем] Мининым. Основываясь на этом, Областная библиотека с 1 августа стала на ремонт с расчетом закончить его к I–IX [1 сентября – И. С.], т. е. к началу нового учебного года. Основными работами в ремонте являются малярные работы, для выполнения которых нужны белила (250 кгр.) и олифа (200 кгр.). До сих пор к этим работам не приступлено в виду отказа в отпуске стройматериалов НКПросом Крыма, мотивирующим отсутствием фондов для библиотек. Таким образом, мы стоим перед срывом ремонта Центральной Областной

Библиотеки и находимся в полной неизвестности в отношении возобновления работы библиотеки в нормальной минимально-культурной обстановке⁵.

В связи с подготовкой к 15-летию советизации Крыма, когда будут подытожены культурные достижения Крым. АССР за 15 лет, создавшееся в библиотеке положение приобретает особую остроту. Вот почему требуется Ваше вмешательство и содействие в ликвидации создавшейся обстановки, на которые я очень надеюсь [Рукописная пометка Р. Е. Лукомского – И. С.]»⁶.

⁵ То же.

⁶ То же.

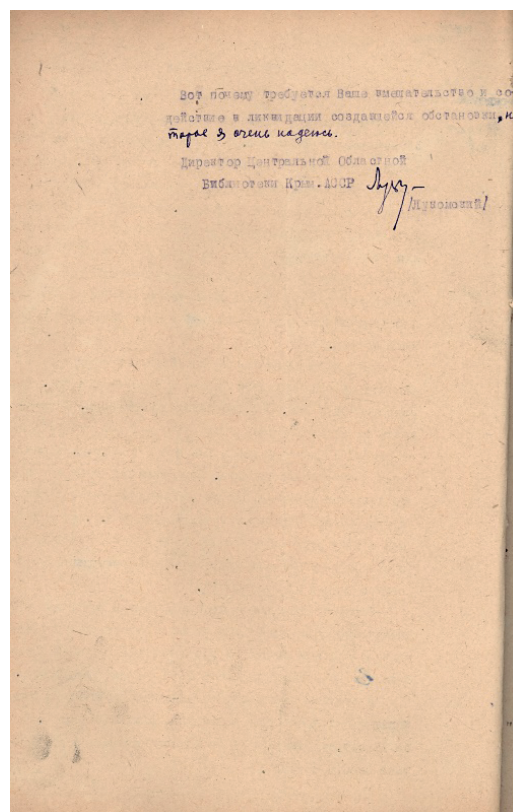
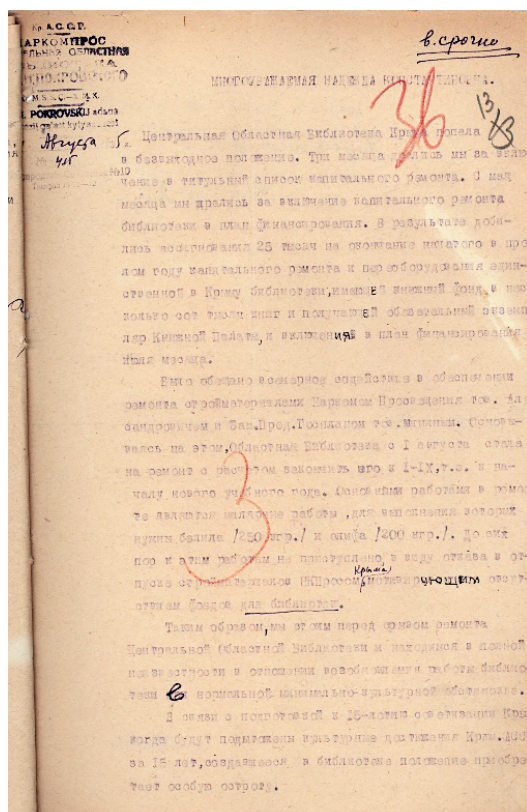

Рис. 4, 5. Докладная записка Директора Центральной областной библиотеки Крымской АССР Р.Е. Лукомского Н.К. Крупской (ГАРФ, ф. А-2306, оп. 70, д. 771. 9 февраля – 25 ноября 1935. Л. 13–13об.)

Fig. 4, 5. Memorandum from R.E. Lukomsky, Director of the Central Regional Library of the Crimean ASSR, to N.K. Krupskaya (State Archive of the Russian Federation [GARF], fond A-2306, inventory 70, file 771. 9 February – 25 November 1935. Sheets 13–13 verso)

Как видим, источники достаточно информативны с точки зрения характеристики связей между руководящими звеньями библиотечного строительства. Н.К. Крупская знала о проблемах в региональном аспекте библиотечной отрасли и требовала от Р.М. Александровича (репрессированного в 1938 году) пересмотра принимаемых решений.

В 1930-е годы Надежда Константиновна Крупская обладала рядом высоких формальных должностей, что создавало впечатление ее значительного влияния на сферу просвещения. В этот период она была избрана почетным академиком АН СССР (1931), регулярно входила в состав ЦК ВКП(б), являлась депутатом Верховного Совета СССР и членом его Президиума. В 1933 году Крупская была удостоена ордена Ленина за заслуги в области коммунистического просвещения, а в 1936-м получила степень доктора педагогических наук без защиты диссертации [3, с. 25].

Однако анализ ее реальной роли показывает иную картину. После ликвидации Главполитпросвета в 1930 году Крупская утратила возможность напрямую инициировать масштабные преобразования в сфере политико-просветительской работы, включая библиотечное дело. Должность заместителя наркома просвещения РСФСР (которую она занимала с 1929 года) фактически не давала самостоятельности – решения определялись наркомом, а Крупская выполняла роль исполнителя [3, с. 25].

К середине 1930-х годов формальный авторитет Н.К. Крупской контрастировал с ограниченными возможностями реального воздействия на библиотечную политику. Ее рекомендации, хотя и оставались значимыми, уже не определяли ключевые решения на местах. Одним из немногих сохранившихся рычагов влияния стали письма с одобрением или критикой конкретных действий, направляемые напрямую наркомпросам – что наглядно демонстрирует

выявленное письмо Н.К. Крупской народному комиссару просвещения Крымской АССР Р.М. Александровичу.

В 1930-е гг. в СССР началось становление системы массового профессионального библиотечного образования: были созданы высшие и средние профильные учебные заведения, велась переподготовка библиотекарей, организовывались всесоюзные конференции. Однако полностью обеспечить растущую библиотечную сеть квалифицированными кадрами не удалось из-за низкой зарплаты, малопрестижности профессии, излишней идеологизации обучения, кадровых чисток и цензуры [2, с. 230]. Подготовленные кадры представляли большую ценность, поэтому Н.К. Крупская не поддержала идею сокращения штата инспекторов и реорганизации библиотечного сектора Наркомпроса Крыма в библиотечную группу. Ее также возмутили самовольно принятые решения в Наркомпросе Крыма, о чем свидетельствует письмо Р.М. Александровичу. Это возмущение было связано с тем, что государство выделяло финансы для повышения квалификации и командирования библиотечных сотрудников различных категорий.

Отечественное библиотечное дело в 1930-е гг. развивалось по преимуществу экстенсивно. Исходя из конкретно-исторических обстоятельств исследованного периода политика экстенсивного развития библиотечного дела была актуальной для Советского государства, только вступавшего на путь всеобщего обязательного образования, создания новой, массовой социалистической интеллигенции. Необходимо было создать фундамент для последующей интенсификации деятельности библиотек, а не сокращения числа инспекторов. Эти идеи активно отстаивала Надежда Константиновна Крупская [2, с. 230].

Для характеристики многогранной организаторской деятельности Н.К. Круп-

ской также примечательны публикации низовых представителей местного библиотечного сообщества на страницах крымской периодики (рис 6, 7). Так, регулярно командировавшийся в Москву заведующий избой-читальней Села Кринички Старо-Крымского района Аванесов опубликовал статью «Моя встреча с Н.К. Крупской». В публикации речь шла о посещении им курсов политпросветработников в Москве в 1937 году: «Тов[арищ] Крупская сделала двухчасовой доклад о задачах культурно-просветительной работы на селе. После доклада выступили деревенские культурники, в том числе и я, рассказывали, как мы работаем на селе... Надежда Константиновна желает со мной побеседовать. Она ласково встретила меня и, видя мое волнение, ободрила меня и просила рассказать, как я работаю. Тов. Крупская внимательно выслушала мой рассказ и дала ряд советов. На прощание она подарила мне библиотечку из 30 книг. Эти книги я храню как самый дорогой подарок. Памятуя советы Надежды Константиновны, я отдаю все свои силы политическому просвещению трудящихся села. За хорошую работу избы-читальни я в прошлом году был утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки и в этом году моя кандидатура представлена на выставку 1940 года»⁷.

Не менее информативной в деле характеристики работы Надежды Константиновны Крупской является объемная публикация Серафимы Владимировны Поляковской, сменившей Рамазана Мустафаевича Александровича на должности народного комиссара просвещения Крымской АССР в 1938 году. Статья

«Неутомимый борец за коммунизм...» представляет собой некролог, посвященный Н.К. Крупской: «Надежда Константиновна всю свою жизнь, такую прекрасную и наполненную самоотверженным трудом, помогала советской школе расти и укрепляться. Я храню несколько записок Надежды Константиновны, в которых она давала мне то служебные указания, то товарищеские советы. Всегда они были конкретны и ясны, и всегда хотелось выполнять ее любое поручение быстро и хорошо... Характерной чертой Надежды Константиновны Крупской является то, что она умела запоминать низовых работников, помогать им. С глубоким вниманием читала она письма учителей, библиотекарей, работников клубов, детей. Известна роль Надежды Константиновны в таком большом государственном деле, как политико-просветительная работа, в частности, ликвидация неграмотности. В Наркомпросе Крыма хранится письмо т. Крупской, в котором она, одобряя инициативу нашей республики по соревнованию за быстрейшее завершение ликвидации неграмотности, давала целый ряд указаний, как нужно эту работу двигать дальше... прибавила: Загляните в любой уголок нашей страны и всюду вы найдете новую, социалистическую культуру. Константиновны не стало. Лучшим памятником этому чудесному человеку, большевику-педагогу, верной спутнице Владимира Ильича Ленина будет изучение ее богатого педагогического наследия, осуществление ее указаний в практике работы наших школ, всего советского учительства»⁸.

⁷ Аванесов А. Моя встреча с Н. К. Крупской // Красный Крым. 1940. № 46 (5755). 27 февр.

⁸ Поляковская С. Неутомимый борец за коммунизм // Красный Крым. 1940. № 46 (5756). 27 февр.

Рис. 6, 7. Публикации организаторов библиотечной работы в Крыму С.В. Поляковской и Аванесова о деятельности Н.К. Крупской (фрагменты)

Fig. 6, 7. Publications by S.V. Polyakovskaya and Avanesov, organisers of library work in Crimea, on the activities of N.K. Krupskaya (excerpts)

Обсуждение и заключение. К концу 1930-х годов в библиотечном деле РСФСР сложились тенденции, связанные с подготовкой к предстоящей Великой Отечественной войне. Так, в процессе всеобщего военного обучения интернационально-большевистские идеологемы заменялись на государственно-охранительные. Это отражалось на прикладных формах и методах библиотечной работы с читателями [2, с. 228]. Постепенное сокращение бюджетов, перевод экономики страны на военные рельсы накануне грядущей войны, а также смерть Н.К. Крупской в 1939 году привели к снижению темпов библиотечной работы. Центральная областная библиотека, за которую выступал Роберт Евсеевич Лукомский в письме

Надежде Константиновне Крупской, так и осталась без новых помещений, в которых библиотека так нуждалась [6, с. 19].

В исследовании нам удалось на основе выявленных источников раскрыть ранее неизвестные аспекты региональной работы Н.К. Крупской в библиотечном строительстве в РСФСР. Выявленные архивные документы, а также публикации из аутентичных крымских газет способствуют развитию научных знаний о библиотечной сфере РСФСР в целом, а также в Крымской АССР в частности. Данный эпизод отражает вклад представителя советского партийного и государственного управления в систему библиотечного строительства Крымской АССР в 20-30-е годы XX века.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Брошеван В.М. «Для изъятия вредных и макулатурных материалов создать...» (к истории вопроса о деятельности в Крыму органа политической цензуры – КрымЛИТО). КрымЛИТО и фонды библиотеки областного краеведческого музея // IV Таврические научные чтения: сборник

материалов конференции (Симферополь, 23 мая 2003 г.) / гл. ред. Е.Б. Вишневская. Симферополь: Тритон, 2004. С. 34-37.

2. Глазков М.Н. Государственная библиотечная политика в Советской России в контексте истории массовых библиотек (1925 – май 1941). М.: Пашков дом, 2016. 272 с. (Отечественная история библиотечного дела).

3. Глазков М.Н. Н.К. Крупская как руководитель советского библиотечного дела: к 150-летию со дня рождения // Библиотечное дело. 2019. № 21 (351). С. 20-25.

4. Змерзлый Б.В. Деятельность городских и районных библиотек Крымской АССР по обеспечению культурных потребностей крымских татар // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 80-82.

5. Кондратюк Г.Н. Коренизация в промышленности Крымской АССР – как одно из направлений национальной политики (20–30-е годы XX века) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2022. № 13. С. 162-169.

6. Манжосова Л.В. История библиотеки в документах и лицах // Публичная библиотека – интеллектуальный и культурный потенциал региона: сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции (Симферополь, 14 окт. 2020 г.) / Крымская респ. универсал. науч. б-ка им. И.Я. Франко; сост. О.О. Кондратенко. Симферополь: Лидер, 2020. С. 14-29.

7. Некрасов С.Н. В.И. Ленин и библиотека: концепция Н.К. Крупской // Актуальные вопросы современных научных исследований: сборник статей XI Международной научно-практической конференции (Пенза, 05 мая 2024 г.). Пенза: Наука и Просвещение, 2024. С. 116-120.

8. Непомнящий А.А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921–1945). Симферополь: Антиква, 2015. 935 с. (Биобиблиография крымоведения. Крым в истории, культуре, экономике России).

9. Непомнящий А.А. Неизвестные проекты крымоведческих справочных изданий 30-х гг. XX в. // Библиография и книговедение. 2016. № 6 (407). С. 80-87.

10. Непомнящий А.А. Рукописный библиографический текст в крымоведческих исследованиях: малоизвестный информативный источник [Электронный ресурс] // Альманах Пространство и Время. 2015. Т. 10, вып. 1. Пространство и время текста. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25432460>.

11. Петров В.П. Крымская АССР в годы первых пятилеток // Форпост Союза на юге...: очерки истории Крымской АССР (1921–1945 гг.). Симферополь: Антиква, 2024. С. 173-211.

12. Петров В.П., Форманчук А.А. Крымская АССР в период Большого террора // Форпост Союза на юге...: очерки истории Крымской АССР (1921–1945 гг.). Симферополь: Антиква, 2024. С. 268-287.

13. Пирожкова Т.В. «Фокус, в котором скрещиваются интересы и запросы крестьянства»: избы-читальни Крымской АССР в 1920-е годы // Сфера культуры. 2023. № 1 (11). С. 69-83.

14. Портунова О.И. Из истории фондов и коллекций отдела редкой книги Центральной библиотеки Крыма // Памятники книжной культуры: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Рязань, 24 мая 2023 г.). Рязань, 2023. С. 138-145.

15. Пужановская Т.И., Манжосова Л.В. Легендарные здания Центральной библиотеки Крыма: к 100-летию юбилею библиотеки // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2020. № 3. С. 62-67.

16. Ушатая Р.И. Библиотечное дело в Крыму в 20-30-е годы XX в. // III Таврические научные чтения: сборник материалов конференции (Симферополь, 24 мая 2002 г.). Симферополь, 2003. С. 120-125.

17. Форпост Союза на юге...: очерки истории Крымской АССР (1921–1945 гг.). Симферополь: Антиква, 2024. 496 с.

REFERENCES

1. Broshevan, V.M. "To create... for the removal of harmful and waste materials" (On the History of the Activities of the Political Censorship Body in Crimea – KrymLITO). KrymLITO and the Collections of the Regional Museum of Local Lore Library // IV Taurida Scientific Readings: Collection of Conference Materials (Simferopol, May 23, 2003) / Chief Editor E. B. Vishnevskaya.– Simferopol: Triton, 2004.– P. 34–37. [In Russ.]
2. Glazkov, M.N. State Library Policy in Soviet Russia in the Context of the History of Public Libraries (1925 – May 1941).– Moscow: Pashkov Dom, 2016.– 272 p.– (Series: "The History of Librarianship in Russia"). [In Russ.]
3. Glazkov, M.N. N.K. Krupskaya as the Leader of Soviet Librarianship: On the 150th Anniversary of Her Birth // Librarianship.– 2019.– № 21(351).– P. 20–25. [In Russ.]
4. Zmerzliy, B.V. The Activities of City and District Libraries of the Crimean ASSR in Meeting the cultural Needs of the Crimean Tatars / B.V. Zmerzliy // Culture of the Peoples of the Black Sea Region.– 2006.– № 79.– P. 80–82. [In Russ.]
5. Kondratyuk, G.N. Indigenization in Industry of the Crimean ASSR as One of the Directions of National Policy (1920s–1930s) // Issues of the Crimean Tatar Philology, History and Culture.– 2022.– № 13.– P. 162–169. [In Russ.]
6. Manzhosova L.V. Library History in Documents and People // Public Library – the Intellectual and cultural Potential of the Region: Collection of Materials from the Interregional Scientific and Practical Conference (Simferopol, October 14, 2020) / Crimean Republican Universal Scientific Library named after I. Ya. Franko; Compiled by O.O. Kondratenko.– Simferopol: Lider, 2020.– P. 14–29. [In Russ.]
7. Nekrasov, S.N. V.I. Lenin and the Library: N. K. Krupskaya's Concept // Topical Issues of Modern Scientific Research: Collection of Articles from the XI International Scientific and Practical Conference (Penza, May 5, 2024).– Penza: Nauka i Prosveshchenie, 2024.– P. 116–120. [In Russ.]
8. Nepomnyashchy, A. A. History and Ethnography of the Peoples of Crimea: Bibliography and Archives (1921–1945).– Simferopol: Antikva, 2015.– 935 p.– (Series: "Biobibliography of Crimean Studies", Issue 25; "Crimea in the History, Culture, and Economy of Russia"). [In Russ.]
9. Nepomnyashchy, A.A. Unknown Projects of Crimean Reference Publications of the 1930s // Bibliography and Book Science.– 2016. – № 6(407).– P. 80–87. [In Russ.]
10. Nepomnyashchy, A.A. Handwritten Bibliographic Text in Crimean Studies: A Little-Known Informative Source: [Electronic Resource] // Electronic Scientific Publication Almanac Space and Time.– 2015.– Vol. 10.– Issue 1: Space and Time of the Text. [In Russ.]
11. Petrov, V. P. The Crimean ASSR During the First Five-Year Plans // Outpost of the Union in the South...: Essays on the History of the Crimean ASSR (1921–1945).– Simferopol: Antikva, 2024.– P. 173–211. [In Russ.]
12. Petrov, V.P., Formanchuk, A.A. The Crimean ASSR During the Great Terror // Outpost of the Union in the South...: Essays on the History of the Crimean ASSR (1921–1945).– Simferopol: Antikva, 2024.– P. 268–287. [In Russ.]
13. Pirozhkova, T.V. A Focus Where the Interests and Needs of the Peasantry Intersect: Reading Huts of the Crimean ASSR in 1920s // Sfera Kultury (Cultural Sphere). – 2023.– № 1(11).– P. 69–83. [In Russ.]
14. Portunova, O.I. From the History of Collections and Holdings of the Rare Book Department of the Central Library of Crimea // Monuments of Book Culture: Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ryazan, May 24, 2023) / Ryazan Regional Universal Scientific Library named after M. Gorky.– Ryazan, 2023.– P. 138–145. [In Russ.]
15. Puzhanovskaya, T.I., Manzhosova, L.V. Legendary Buildings of the Central Library of Crimea: On the Library's 100th Anniversary // Bulletin of the Library Assembly of Eurasia.– 2020.– № 3.– P. 62–67. [In Russ.]

16. Ushataya, R.I. Library activities in Crimea in 1920s–1930s // III Taurida Scientific Readings: Collection of Conference Materials (Simferopol, May 24, 2002) / Central Museum of Taurida; Edited by E.B. Vishnevskaya.– Simferopol, 2003.– P. 120–125. [In Russ.]

17. Outpost of the Union in the South...: Essays on the History of the Crimean ASSR (1921–1945).– Simferopol: Antikva, 2024.– 496 p. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Илья Сергеевич Сунцов, аспирант кафедры истории. Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова». 295015, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, д. 8, e-mail: seru@crimeaedu.ru

Ilya S. Suntsov, Postgraduate student, the Department of History, Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov. 295015, the Russian Federation, the Republic of Crimea, Simferopol, 8 Uchebny Lane, e-mail: seru@crimeaedu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 14.04.2026

Поступила после рецензирования 27.04.2026

Принята к публикации 27.04.2026

Received 14.04.2026

Revised 27.04.2026

Accepted 27.04.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-78-90>
УДК 930.271:691.419

Арабографичные закладные плиты Солхата: строительная история города по данным эпиграфики

М.А. Усеинов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация
memedulla@list.ru*

Аннотация. Введение. Золотоордынский период в Крыму характеризовался активным культовым и мемориальным строительством, центром которого был город Солхат. Непременным атрибутом монументальных сооружений (мечетей, медресе, мавзолеев) являлись закладные плиты (китабе) с информацией о датировке, заказчиках и мастерах. Научная проблема заключается в крайне плохой сохранности оригинальных эпиграфических памятников, большинство из которых утрачено. Цель исследования – сбор разрозненных сведений о посвяtitельных надписях Солхата, их систематизация и анализ содержания.

Материалы и методы. Основным источником, вследствие утраты большинства артефактов, выступают записи путешественника Эвлии Челеби (XVII в.), а также труды отечественных исследователей кон. XVIII – пер. четв. XX в. Дополнительно учтен сохранившийся эпиграфический материал. Методология базируется на историко-филологическом анализе текстов, сравнительном изучении нарративных источников и эпиграфики.

Результаты и обсуждение. В работе проанализирован весь корпус эпиграфического материала Солхата, включающий 12 посвяtitельных надписей. Показано, что записи Эвлии Челеби, несмотря на преувеличения в количественных оценках, в части датировок и имен достоверны. Анализ надписей показывает, что город продолжал существовать и в XV веке, а угасание жизни носило постепенный, а не одномоментный, катастрофический характер.

Заключение. Практическая значимость работы заключается в реконструкции строительной истории и социальной топографии Солхата на основе эпиграфики. Установлена важная роль женской благотворительности, что свидетельствует о высоком статусе женщин в среде крымско-ордынской городской элиты. Перспективы исследования связаны с дальнейшим выявлением и атрибуцией новых эпиграфических памятников, а также с углубленным изучением культурных связей Крыма с соседними регионами в золотоордынский период.

Ключевые слова: Золотая Орда, Улус Джучи, Старый Крым, Солхат, арабографичная эпиграфика, мусульманские закладные памятники, Эвлия Челеби

Для цитирования: Усеинов М.А. Арабографичные закладные плиты Солхата: строительная история города по данным эпиграфики. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 78–90. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-78-90>

Arabic-script inset slabs of Solkhat: the construction history of the city according to epigraphic data

M.A. Useinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, the Russian Federation
memedulla@list.ru*

Abstract. Introduction. The Golden Horde period in Crimea was characterized by active religious and memorial construction, the center of which was the city of Solkhat. An indispensable attribute of monumental structures (mosques, madrassas, mausoleums) were foundation slabs (kitabe) with information about dating, customers and craftsmen. The scientific problem lies in the extremely poor preservation of the original epigraphic monuments, most of which have been lost. The goal of the research is to collect scattered information about the dedicatory inscriptions of Solkhat, their systematization and content analysis.

The Materials and Methods. Due to the loss of most artifacts, the primary source is the account of the traveler Evliya Çelebi (17th century), along with works by Russian and Crimean researchers of the 19th – early 20th centuries. Additionally, surviving epigraphic material and archaeological data have been taken into account. The methodology is based on the historical-philological analysis of the texts, a comparative study of narrative sources and epigraphy.

The Results. The research analyzes the entire corpus of epigraphic material from Solkhat, including 12 dedicatory inscriptions. It has been shown that the records of Evliya Çelebi, despite exaggerations in quantitative estimates, are reliable in terms of dating and names. Analysis of the inscriptions shows that the city continued to exist in the 15th century, and the extinction of life was gradual, and not instantaneous, catastrophic.

Discussion and Conclusion. The practical significance of the research lies in the reconstruction of the construction history and social topography of Solkhat based on epigraphy. The important role of women's charity has been established, which indicates the high status of women among the Crimean Horde urban elite. The prospects for the research are related to the further identification and attribution of new epigraphic monuments, as well as an in-depth study of the cultural ties of Crimea with neighboring regions during the Golden Horde period.

Keywords: Golden Horde, Ulus of Jochi, Old Crimea, Solkhat, Arabic-script epigraphy, Muslim foundation monuments, Evliya Çelebi

For citation: Useinov M.A. Arabic-script inset slabs of Solkhat: the construction history of the city according to epigraphic data. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 78–90. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-78-90>

Введение. Город Солхат/Кырым¹, являвшийся в золотоордынский период

¹ В статье используются оба названия города – Солхат и Кырым. Тюркоязычное население в основном использовало название Кырым (Qırım, один из вариантов трактовки слова – «мой холм»). Название Солхат (итал. Solcati – «борозда, ров», либо от тюркского – «левая сторона») упоминается прежде всего в генуэзских, армянских и иудейских источниках».

одним из ключевых административных и культурных центров Крымского улуса, обладал значительным количеством культовых и общественных сооружений, снабженных эпиграфическими памятниками – *посвятительными и закладными надписями (китебе)*. Наличие многочисленных культовых комплексов – мечетей, медресе, текие, дюрбе – с подобными надписями зафиксировано в трудах как

средневековых, так и более поздних путешественников и исследователей. Ранние упоминания об эпиграфических памятниках мы находим у путешественника Эвлии Челеби. В 1666–1667 гг. при посещении Крыма он записал девять старокрымских надписей (тарихов) с мечетей, медресе, текие и фонтана, указав также на их бесцельное количество на развалинах города: «...если я стану описывать все тарихи бесцельных постоянных дворов, мечетей соборных и квартальных, бань, текке, медресе и многих сот тысяч прочих зданий, которые не под силу сотворить роду Адама, то получится сборник тарихов. Теперь много сот тысяч огромных зданий являются крепкими и стоят, как новые <...>. Но они стали гнездовьями сов, воронов, птиц масаса и летучих мышей. Этот великий город – город развалин» [18, с. 168–169].

Это свидетельство, несмотря на преувеличенные числительные, подчеркивает не только масштаб строительной активности в Солхате в предшествующие эпохи, но и процесс его последующего упадка, приведший к превращению многих построек в руины.

Польский дипломат Мартин Броневский (XVI в.), отмечал широкое распространение в городе практики украшения зданий резными каллиграфическими памятниками: «...ибо видны еще храмы и святилища магомётанские не только в самом городе, но и вне города, украшенные халдейскими надписями, высеченными на больших камнях. <...> в нем процветали науки и искусства» [3, с. 346].

Обзор литературы. Надписи на закладных плитах Старого Крыма, помимо путешественника Эвлии Челеби упоминают в своих работах многие отечественные исследователи кон. XVIII – пер. четв. XX в.: П.-С. Паллас, Н.Н. Мурзакевич, Г. Спасский, В.Д. Смирнов, А.И. Маркевич, О.-Н. Акчокраклы, Я. Кемаль. Помимо исследования надписи на портале

мечети Узбека, на которую обратили внимание практически все, кто посещал город в этот период, исследователи фиксировали отдельные, показавшиеся им особо интересными эпиграфические памятники, многие из которых не сохранились до наших дней. П.-С. Паллас привел надпись на дюрбе из тесанного камня, с именем Хыяс-эд-дин-султана [12, с. 46], датированный серединой XV века. Об этом же памятнике упоминал Г. Караулов при посещении города в 1883 году, но, уже В.Д. Смирнов в 1886 году писал, что никаких следов памятника нет, и даже никто из местных жителей не знает о нем [14, с. 278]. Н.Н. Мурзакевич в своей работе приводит прочтение и перевод надписи на портале мечети хана Узбека [10, с. 529–531], Г.И. Спасский дополнительно отметил позолоту на этих надписях [16, с. 89–90]. В.Д. Смирновым было предложено наиболее точное прочтение данной надписи на портале [14, с. 280–281]. Значительный массив эпиграфического материала, в том числе посвятельные надписи, был собран археологическими экспедициями 20-х годов XX века [2].

Материалы и методы. К сожалению, большинство упомянутых средневековыми авторами архитектурных объектов, а также закладные камни с них, к настоящему времени утрачены. Основным корпусом источников для исследования солхатских закладных камней зачастую являются не сами материальные носители, а их упоминания и публикации в трудах путешественников и ученых XVII–XIX веков. На сегодняшний день известны тексты 12 посвятельных надписей, происходящих из Старого Крыма. Основным источником сведений является османский путешественник Эвлия Челеби, посетивший город в 1666–1667 гг. и упомянувший в своем сочинении «Сейяхатнаме» девять из них. Также учтена надпись упоминавшаяся П.-С. Палласом и два сохранившихся эпиграфических памятника.

Методология включает историко-филологический анализ текстов, сравнительно-критическое сопоставление данных нарративных источников, принципы эпиграфической атрибуции и датировки, а также элементы просопографического анализа для реконструкции социального статуса заказчиков.

Результаты исследования. Закладные плиты золотоордынского периода отличаются строгостью оформления и полным отсутствием декора, что кардинально отличает их от надмогильных памятников и архитектурных фрагментов Солхата/Кырыма, которые часто богато украшены орнаментами и розетками различных типов. Обычно такие плиты представляли собой близкие к прямоугольной форме известняковые или мраморные блоки с плоско-рельефной надписью, выполненной почерками *сульс* или *насх*. Несколько иначе выглядит надпись на мечети хана Узбека, которая расположена в одну строку на трех плоскостях портала над входным проемом. Это композиционное решение выделяет памятник на фоне остальных закладных плит золотоордынского времени, оставаясь при этом в рамках единой стилистической традиции.

Османский путешественник Эвлия Челеби, посетивший город в 1666–1667 гг. в своем сочинении «Сейяхатнаме» приводит тексты девяти старокрымских посвячительных надписей с мечетей, медресе, текие и фонтана. Среди записанных Эвлией текстов особый интерес представляет надпись над дверью мечети, располагавшейся вблизи средневекового городского рынка: «*Приказал построить эту мечеть слабый раб Бей Хаджи Умар аль-Бухари, в месяце Зуль-када в году 661 (сентябрь-октябрь 1263 г.)*» [18, с. 168]. Данная надпись является древнейшей из известных на сегодняшний день арабо-

графических эпиграфических памятников в Крыму. Ее существование в 1263 году, то есть за несколько лет до прибытия в Крым султана Изз-эд-дина Кейкавуса II, с чьим именем часто связывают активное распространение ислама и сельджукских традиций [15, с. 56–64], указывает на более ранние и параллельные процессы формирования мусульманской общины и примерное время образования города. Как отмечает М.Г. Крамаровский, появление этой мечети, основанной выходцем из Бухары, является прямым следствием влияния политики принявшего ислам золотоордынского хана Берке [7, с. 123, 129].

Следующей по хронологии среди посвячительных надписей является мраморная плита неправильной формы с надписями на двух сторонах, введенная в научный оборот А.И. Маркевичем [9, с. 128–129]. Данный артефакт представляет собой пример вторичного использования эпиграфического памятника, а также демонстрирует сложные историко-культурные взаимодействия в средневековом Крыму. На одной стороне плиты нанесена надпись на арабском языке (рис. 1а), а на другой – караимская эпитафия. Арабская надпись представляет собой тарих, фиксирующий возобновление (реставрацию) мечети в 709 г. х. (1309/10 г.): «*Хаджи Бешит. Повелел возобновить эту чистую и благословенную мечеть Шемс-эд-дин сын Рамаза, да увеличит Бог благотворительность его, в семьсот девятом году*» [18, с. 128].

Эта дата является важным свидетельством существования в Солхате культовых сооружений, которые к началу XIV века уже требовали обновления, что указывает на их более раннее происхождение. Караимская надпись идентифицирует плиту как надгробие «почтенного старца Мардохея» с датой 5277 г. от Сотворения мира (1417 г. н. э.) (рис. 1б).

Рис. 1. а) Мраморная плита с надписью фиксирующей возобновление (реставрацию) мечети в 709 г. х. (1309/10 г.). Фото 2021 г.; б) Обратная сторона мраморной плиты с караимской надписью. Фото 2021 г.

Fig. 1. a) Marble slab with an inscription recording the renovation (restoration) of the mosque in 709 AH (1309/10 CE). Photo 2021; b) Reverse side of the marble slab with a Karaite inscription. Photo 2021.

Как отмечал академик И.Ю. Крачковский, недостаточно проработанные, слабо углубленные буквы арабской надписи наводят на мысль, что данная плита являлась забракованной или незавершенной заготовкой (черновиком) [8, с. 662–670]. Низкий уровень графического исполнения арабской вязи, допущенные неточности в тексте могли стать причиной того, что заказчики или мастера отказались от ее использования по первоначальному назначению [11, с. 130–140]. Факт вторичного использования плиты в качестве караимского надгробия спустя столетие (около 1417 г.) демонстрирует практику утилизации

строительных и эпиграфических материалов. В настоящее время данный памятник хранится в фондах Центрального музея Тавриды в Симферополе (Инв. № КП-16558, А-20770), и даже будучи «забракованной заготовкой», остается важным источником для реконструкции религиозной и повседневной жизни средневекового Солхата, показывая точную датировку ремонтных работ в одной из солхатских мечетей.

В сочинении путешественника Эвлия Челеби приведен текст надписи на портале мечети хана Узбека, являющийся единственной сохранившейся до наших дней *in situ* надписью на территории города. Эвлия

дает ей следующее описание: «...Лучший из них – тарих над дверью Улу-джами, написанный четким почерком: “Слава Богу, и да благословит Бог Мухаммеда, и творение, и халифов. Построил это здание благословенной мечети в дни правления великого хана Мухаммеда Узбек Герай-хана” <...>» [18, с. 168].

Каллиграфическая композиция этой надписи, датированной 714 г. х. (1314 г. н.э.) (рис. 2), размещена горизонтально на трех плоскостях в нижней части богато украшенного портала, симметрично над входным проемом. Памятник неоднократно привлекал внимание исследователей. В XIX веке его впервые опубликовал Н. Мурзакевич [10, с. 529], а В.Д. Смирнов предложил прочтение, которое на сегодняшний

день в отечественной историографии утвердилась и является общепринятым:

الحمد لله على الاله وصلى الله على محمد وخلفائه امر
بعمارة هذا المسجد المبارك فى ايام دولت الخان الاعظم
محمد ازبك خان خلد الله ملكه العبد الضعيف المحتاج
الراجى رحمة ربه وغفرانه عبد العزيز بن ابراهيم الاربلى
فى سنة اربع عشر و سبعمائة الهلالية

«Слава Богу за Его благодеяния, и да благословит Бог Мухаммеда и преемников его! Повелено было воздвигнуть эту благословенную мечеть в дни царствования великого хана, Мухаммед-Узбек-хана – да продлит Бог владычество его! – рабу ничтожному, нуждающемуся, уповающему на милосердие Господа своего и на всепрощение Его, Абду-ль-Азиз-бен-Ибрагиму Аль-Арбели, в год 714 лунный» [14, с. 281].

Рис. 2. Портал мечети хана Узбека с посвяtitельной надписью (1314 г.). Фото 2026 г.

Fig. 2. Portal of the Khan Uzbek Mosque with a dedicatory inscription (1314). Photo 2026.

Члены археологической экспедиции работавшей в городе в 1925–1926 году, также уделили этому памятнику пристальное внимание. Вариант прочтения текста, выполненный О. Акчокраклы [2, с. 16] мало отличается от варианта прочтения В.Д. Смирнова. Подробно в своей работе рассмотрел эту надпись и Якуб Кемаль, отметив, что наиболее правильный перевод привел профессор В.Д. Смирнов. Он

все же привел свой уточняющий вариант перевода [19, с. 202–204], помимо прочего отметив, что в фразе *امر بعمارة* – глагол следует читать в страдательной форме «умире би имарети...», тогда получается, что «Абдуль Азис выполнял веление по созданию мечети, по окончании работ сделал надпись на портале, констатирующую факт приказания хана и исполнения им приказания» [19, с. 204].

Различия между всеми вариантами прочтения главным образом касаются трех аспектов. Во-первых, Эвлия Челеби, вероятно, сознательно вводит в текст имя «Герай-хан», отсутствующее в оригинальной надписи. Эта вставка, по-видимому, была данью политической конъюнктуре с целью угодить правящей династии Гераев и удревнить их родословную. Во-вторых, по-разному трактуется, кто приказал построить мечеть, сам Абдуль-Азиз или он исполнял приказание хана. В наиболее точной версии прочтения, к которой склоняется большинство исследователей считается, что Абдуль-Азизу, сыну Ибрагима, было приказано ханом Узбеком строительство мечети. И в-третьих, разночтения наблюдаются в имени и нисбе мастера в

заключительной части надписи: Эвлия Челеби зафиксировал – *Абдуль-Гази-Юсуф Езбели*, Н. Мурзакевич – *Абдуль-Гази-Юсуф сын Ибраима Елбали*, а В. Смирнов, О. Акчокраклы, Я. Кемаль предлагают вариант *Абдуль-Азиз сын Ибраима Аль-Ирбили (Эрбили)* (рис. 3). Эти расхождения обусловлены тем, что слова надписи расположены в несколько строк, что допускает вариативность прочтения. В.Д. Смирнов отметил, если учесть, что верхняя часть буквы *ا* в нисбе утрачена, возможно прочтение *الازبكي* «аль-Узбеки», но посчитал такой вариант прочтения сомнительным [14, с. 281]. Он отметил, что этого прочтения нисбы придерживался местный мулла Абдуль-Керим, преуспевший в прочтении подобных надписей.

Рис. 3. Фрагмент надписи на портале мечети хана Узбека, содержащий дату – 714 г. х. (1314 г.) и нисбу аль-Арбели. Фото 2026 г.

Fig 3. Fragment of the inscription on the portal of the Khan Uzbek Mosque, containing the date – 714 AH (1314 CE) and the nisba al-Arbeli. Photo 2026.

Помимо основного тариха на портале, Эвлия Челеби упоминает в своем сочинении еще одну эпиграфическую надпись, располагавшуюся в интерьере мечети хана Узбека: «Над минбаром этой мечети читается другой тарих: “Приказал построить этот минбар благородный потомок султанов Менгли Герай-хан, сын Хаджи Герай-хана, да сделает вечным Бог его правление, год 918 (= 1512/13 г.)”. <...>

Минбар ее старой формы и украшен так, что это явное волшебство» [18, с. 169].

Это сообщение фиксирует факт ремонта и благоустройства культового сооружения в начале XVI столетия, в период правления крымского хана Менгли I Герая. Данная надпись, датированная 918 г. хиджры (1512/13 гг.), являлась свидетельством продолжающейся жизни мечети, а значит и города, и заботы о ней со стороны правя-

щей династии. К сожалению, в отличие от порталной надписи, этот эпиграфический памятник не сохранился до наших дней.

В корпусе эпиграфических материалов, зафиксированных Эвлией Челеби в Солхате, присутствует также несохранившаяся эпиграфическая надпись, располагавшаяся на портале медресе, находившегося в непосредственной близости от мечети хана Узбека. Сообщение путешественника гласит: «...над дверью медресе Инджи-бей-хатун написан следующий тарих: “Приказала построить это благословенное медресе во время султана справедливого Мухаммед Герай-хана, да продлится его счастливое правление, о, Благий, Повелитель мира здешнего и Податель благополучия, Инджи-бей-хатун, дочь бей Кылбуруна, эмира эмиров, покойного, да освятит Бог его могилу, в году 733 (= 1332/33 г.)”» [18, с. 168].

Данное свидетельство является ценным источником по истории градостроительства, указывая на активное участие женщин знатного происхождения в актах благотворительности. Однако как и в случае с надписью мечети Узбека, в прочтении Эвлия Челеби вызывает серьезные сомнения присутствие в оригинальном тексте имени «Герай-хан» применительно к 1332/33 году.

К XV веку относятся приведенные в сочинении Эвлия Челеби два взаимосвязанных тариха, проливающих свет на историю религиозной архитектуры Солхата. Первый из них располагался над сводом двери текке Тахир-бея и содержал следующее посвящение: «Во имя Бога, Всемилостивого, Всемилосердного! Построила это здание с именем султана, величайшего из султанов арабов и неаравов ... -хана, сына Тахир-бей-хана, да будет его правление благословенно и увеличено в мирах, Бай Буглы-хатун, величественная особа и ничтожная рабыня Бога, дочь Тонкатая, сына Кутлуга, сына Тимура, сына Буга Бая» [18, с. 168].

Попытка связать эти имена с конкретными историческими персонажами,

по мнению И.В. Зайцева показывает, что Бай-Буглы-хатун – внучка Кутлуг-Тимура. Упоминание «султана... сына Тахир-бей-хана», имя которого у Эвлия Челеби утрачено, указывает на возможную связь комплекса с Тимур-Кутлугом (ханом Золотой Орды в 1398–1400 годах), сыном Тимур-бека и внуком Кутлук-Тимура [4, с. 104].

Непосредственно рядом с текке, по словам путешественника, располагалась квартальная мечеть, на белой мраморной плите которой был начертан второй тарих: «Построил здание этого храма с Божией помощью шейх по имени Али, Али эль-Бекри, да освятит Бог покровительствующее ему созвездие. Было это в году восемьсот двадцать пятом, в дни месяца джумада уль-ахыра» [18, с. 168] (июнь 1422 г.). Эвлия Челеби особо отмечает каллиграфическое исполнение этой надписи «тонким почерком мустасими» и дает краткое архитектурное описание мечети: «Она достойна стать большой соборной мечетью. Эта большая мечеть крыта рубиново-красной черепицей, выложена из камня и обладает огромным куполом» [18, с. 168]. В.П. Кирилко отметил, что описание может быть обоснованно ассоциировано с мечетью, известной ныне под названием «Куршун-джами» (Свинцовая мечеть) [6, с. 91–92]. Данная атрибуция является логичной, поскольку из всех сохранившихся руин культовых сооружений Старого Крыма лишь это здание имеет купольное перекрытие, что делает его единственным известным объектом, соответствующим описанию Эвлия Челеби.

У городского рынка Эвлия Челеби фиксирует группу из трех мечетей. Помимо упомянутой вначале древнейшей мечети Бей Хаджи Умар аль-Бухари (1263 г.), путешественник приводит эпиграфические надписи еще двух сооружений: «Построил эту благословенную мечеть в дни правления великого султана и щедрого хакана Шади Герай-хана, да продлит Бог его правление в семи мирах, слабый, нуждающийся и просящий милости Господней раб Мухаммед,

сын Эль-Хаджи Байрам-ходжа, в месяце Реджебе, года 807 (=1404/05 г.)» [18, с. 168]. Упоминание правителя по имени Шади позволяет идентифицировать его с Шадибеком, сыном Кутлу-бека, ханом Золотой Орды (1399–1407 гг.), который взошел на престол после смерти Тимур-Кутлуга. Данная надпись является важным историческим источником, подтверждающим сохранение политического влияния Золотой Орды в Крыму в начале XV века и демонстрирующим лояльность местной элиты ордынскому хану. Еще одна надпись, приведенная путешественником, располагалась: «На рынке, над высоким сводом мечети Паша-хатун, был помещен тарих следующего содержания: «Это здание – творение благочестивого шехида и покойной прощенной Паша-хатун, высшее вращение луны» [18, с. 168].

В переводе на русский Е.В. Бахревского последняя фраза интерпретируется как хронограмма, скрывающая дату 763 г. х. (1361/62 г.) [18, с. 168]. Однако, анализ различных списков сочинения Эвлии Челеби выявляет как минимум два варианта написания фразы – «*alâü'd-devri 'l-kameriyye*» [19, с. 664], которые могут давать различные числовые значения (абджад), отличные от числа 763.

Вместе с тем, следует предложить альтернативную трактовку, согласно которой это выражение не является хронограммой, а представляет собой образный похвальный эпитет. Выражение «*Ālâü'd-devri 'l-kameriyye*» может быть представлено как «[Паша-хатун] – высшая степень лунного цикла», или «великолепная, как полная Луна». Эта интерпретация находит параллели в тюркской поэтической традиции, в частности, в крымскотатарском языке существует устойчивое сравнение «*айнынъ он дертю киби дюльбер*» – («красивая, как луна четырнадцатого [дня] (полная луна)»). Таким образом, фраза, возможно, является риторическим прославлением добродетелей основательницы мечети – Паша-хатун. Нельзя исключить зашиф-

ровку в этой фразе даты, хотя точную дату установить не представляется возможным, из-за вариативности дошедших до нас списков «Сейяхатнаме».

Самый поздний из зафиксированных в Солхате путешественником эпиграфических надписей датируется уже серединой XVII столетия – периодом, когда, по словам самого путешественника, город находился в глубоком упадке и запустении. Эвлия Челеби записал: «Затем, опять же на рынке, возле благородной могилы святого Кемаль Ата-султана, тарих на источнике живой воды: “Из воды – все живое”, а также: “Для души Кемаль Ата – Фатиха, год 1057(= 1647 г.)”» [18, с. 168].

Первая часть надписи: «Из воды – все живое» – это цитата из Корана (21:30), которая выполняет символическую функцию, подчеркивая житнетворную сущность родника. Вторая часть представляет собой классическую мольбу к Всевышнему, указывающую на то, что благоустройство источника было актом благочестия, совершенным для поминания души праведника. Надпись на фонтане относится ко времени, отстоящему на три столетия от периода расцвета города в XIV веке. И несмотря на то, что даже со слов самого путешественника город лежал в руинах и пребывал в упадке, жизнь в городе не прекращалась полностью. В этот период масштабное монументальное строительство сменяется единичными актами благоустройства, связанными с религиозными культами.

Сравнительный анализ записей путешественника с сохранившимися данными эпиграфики показывает, что, несмотря на свойственные его эпохе неизбежные преувеличения в количественных оценках, информация о персоналиях и датах, в его сообщениях обладает достаточной степенью достоверности. Приведенные Эвлией Челеби имена правителей и даты на эпиграфических надписях демонстрируют относительно точное соответствие с независимыми историческими источниками. Это касается золотоордынских ханов (Шадибек,

правивший в 1399–1407 гг., упоминается в тарихе 807 г. х./1404–05 г.; Узбек, правивший в 1313–1341 гг., упоминается в тарихе 714 г. х./ 1314 г. и др.) Такая точность в передаче хронологических привязок и имен исторических персонажей, действовавших за столетия до его визита, свидетельствует о том, что Эвлия Челеби добросовестно копировал тексты с каменных плит. В области эпиграфической фиксации Эвлия выступает как скрупулезный регистратор, чьи данные подтверждаются другими источниками. В области нарративных описаний (оценки размеров города, количества зданий) он следует литературной традиции, для которой были характерны преувеличения, призванные подчеркнуть масштабы увиденного. Это противоречие позволяет нам дифференцированно подходить к разным типам информации, содержащейся в его сочинении. Систематическое добавление имени «Герай-хан» в те надписи, где оно изначально отсутствовало является не ошибкой, а осознанной вставкой, отражающей политическую и социальную конъюнктуру эпохи. Эта практика была направлена на легитимизацию правящей династии, удревнение рода Гераев и вписывание их в непрерывную традицию правления в Крыму.

Таким образом, сообщения путешественника остаются важным источником, по хронологии культовых строений Солхата. Несмотря на фиксируемый в нарративных источниках процесс угасания жизни в городе, данные эпиграфики показывают, что в городе все же продолжались строительные и ремонтные работы, ориентированные на поддержку культовых сооружений. Это подтверждает и анализ датированных надписей на надмогильных памятниках с территории города. Количество датированного материала на протяжении XV века постепенно уменьшается, что отражает тенденцию к сокращению численности населения (или его благосостояния), но сам факт наличия таких памятников указывает на продолжение жизни в городе [17, с. 343–345].

В труде академика П.-С. Палласа содержится ценное описание еще одной эпиграфической надписи на мавзолее, располагавшемся, скорее всего, между городом Солхат/Кырым и селением Карагез (совр. Первомайское). Согласно данным П.-С. Палласа, эпиграфический текст на памятнике содержал надпись: «... В этой местности находят остатки памятника, построенного из тесаного камня с готическим сводом и татарской надписью /868/ 1454, указывающей, что это мавзолей Гиасс-эд-дин Султана, сына хана Килай-Темира» [12, с. 116]. Архитектурный облик сооружения, реконструируемый по описанию П.-С. Палласа, как «памятник, построенный из тесаного камня с готическим сводом», что в терминологии его эпохи соответствовало стрельчатым формам, позволяет идентифицировать его как типичное мусульманское дюрбе золотоордынского периода.

Многие исследователи отмечают хронологическую неточность в переводе даты [5, с. 496]: указанный П.-С. Палласом 1454 год соответствует 858 г. хиджры, тогда как в тексте надписи, судя по его же сообщению, 868 г. х. соответствует (1463/64 г.). Эта разночтенность может быть следствием опечатки в издании, или ошибки при первичной фиксации.

По мнению И.В. Зайцева, данное захоронение принадлежит отцу Хаджи I Герая [5, с. 495]. И хотя это мнение, противоречит свидетельству Абдулгаффара Кырыми, который указывает, что отец Хаджи Герая, Гияс-эд-дин, «скончался в Крыму, и могила его находится в Крыму, в местности Саладжык» [1, с. 85]. Как отмечал В.Д. Смирнов, смерть Гияс-эд-дина наступила задолго до переноса столицы, когда Хаджи-Герай был еще ребенком: «... по единогласному свидетельству всех источников, Хаджи-Герай остался десятилетним сиротой после отца, убитого его ненавистником Сейид-Ахмед-ханом» [15, с. 189]. С учетом этого обстоятельства, более правдоподобной выглядит версия о первоначальном захоронении отца Хаджи

Герая в окрестностях Солхата – резиденции крымской правящей элиты в первой половине XV века, – чем в отдаленном Салачике, куда если и был перенесен прах, то только после переноса столицы.

Несоответствие даты на дюрбе с предположительной датой смерти Гияс-эд-дина, также имеет свое объяснение. По замечанию Р.Ю. Ревы на надписи могла быть дата постройки дюрбе, а не дата смерти [13, с. 582]. Тем более подобный пример есть в Салачике, где на дюрбе построенном Менгли I Гераем своему отцу Хаджи Гераю стоит дата постройки усыпальницы 907 г. х. (1501 г.), отличная от даты смерти Хаджи Герая.

Таким образом, сообщение П.-С. Палласа, несмотря на свою лаконичность, остается важным историческим источником, дополняющим наши представления о погребальной культуре, архитектуре в Крыму в период заката Золотой Орды.

Обсуждение и заключение. Анализ эпиграфического материала позволяет заключить, что процесс упадка города носил не катастрофический, а пролонгированный характер, в ходе которого некоторые сферы жизнедеятельности, в частности религиозная и строительная, сохранялись

на всем протяжении XV века, и даже в начале XVI столетия.

Сведения из работы Эвлии Челеби «Сейяхатнаме» касающиеся датировок сооружений, имен распорядителей и правителей, надежно коррелируют с данными других источников. Научная критика позволяет отделить эти сведения от нарративных преувеличений в количественных оценках, что делает труд Эвлии Челеби важным для реконструкции архитектурной и культурной истории Крыма XIII–XVII веков.

Из надписей на посвяtitельных плитах нам известны даты строительства, имена заказчиков – правителей (Мухаммед Узбек, Шадибек, Менгли Герай-хан) и представителей региональной элиты. Заказчиками культовых строений нередко выступали женщины – жены и дочери представителей крымско-ордынской элиты (Паша-хатун; Инджи-бек-хатун, дочь бея Кылбуруна; Бай Буглы-хатун дочь Тонкатая). Упоминания имен в надписях на культовых сооружениях служило для них символическим инструментом повышения социального статуса в обществе. Подобная благотворительность открывала для них возможность как внести вклад в общественное благо, так и сохранить в истории свое почитаемое имя.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулгaffар Кылыми. Умдет ал-ахбар. Кн. 2. Перевод / пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. Акчокраклы О.А. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь: НПП, 1927. Т. 1 (58). С. 5-17.
3. Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). 1867. Т. VI. С. 333-367.
4. Зайцев И.В. Ислам в Крыму в XIV–XVIII веках // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 103-128.
5. Зайцев И.В. Кырк-Йер / Кырккор (Чуфут-Кале) и ранняя история Крымского ханства // От Онона к Темзе. Чингизиды и их западные соседи. К 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского. М.: Издательский дом Марджани, 2013. С. 494-505.

-
6. Кирилко В.П. Золотоордынская архитектура Крыма (общее и особенное) // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи: материалы II Международного Болгарского форума / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 84-99.
 7. Крамаровский М.Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2012. 496 с.
 8. Крачковский И. Отчет о командировке в Крым летом 1924 года // Известия Российской академии наук. Серия, 6. 1924. Т. 18, ч. 2. № 12-18. С. 662-670.
 9. Маркевич А.И. Старокрымские древности // Известия Таврической Ученой Археологической Комиссии, 1892. № 17. С. 124-129.
 10. Мурзакевич Н.Н. Эски-Крымская арабская надпись // Записки Одесского общества истории и древностей. 1850. Т. 2, отд. 2. С. 529-531.
 11. Непомнящий А.А. Академик Крачковский и крымоведение 20-х гг. XX в.: две малоизвестные командировки // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2015. № 2 (06). С. 130-140.
 12. Паллас П.-С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
 13. Рева Р.Ю. О ханах Гийас ад-Дине сыне Таштимура и Гийас аддине сыне Шадибека // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 3. С. 576-598.
 14. Смирнов В. Археологическая экскурсия в Крым летом 1886 г. // ЗВОИРАО. 1887. Т. 1. С. 273-304.
 15. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты. Т. I. М., 2005. 542 с.
 16. Спасский Г.И. Старый Крым // Записки Одесского общества истории и древностей. 1858. Т. 4, отд. 1. С. 85-102.
 17. Усеинов М.А. Датированные мусульманские эпиграфические памятники города Солхат/Кырым и его окрестностей // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 333-355. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355. EDN: UIYOHM.
 18. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века). Симферополь: Доля, 2008. 272 с.
 19. Якуб-Кемаль Я.М. Надписи на портале «Мечети Узбека» в г. Старый Крым // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. 1927. Т. 1 (28). С. 202-204.
 20. Evliyâ Çelebi. Seyahatnâme. Edincı cilt. İstanbul: Devlet matbuası. 1928. 664 p.

REFERENCES

1. Abdülgaffar Kırmı. Umdat al-akhbar. Book 2: Translation / Transl. from Ottoman by Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general and scientific editing, preface and commentary by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. P. 200. [In Russ.]
2. Akchokrakly, O. [-N.A.] Old Crimean and Otuz Inscriptions of the 13th–15th Centuries. Proceedings of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography. Simferopol, 1927. Vol. 1(58). Pp 5–17. [In Russ.]
3. Bronevsky, M. Description of Crimea. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities (ZOOID). Vol. VI. 1867. Pp. 333–367. [In Russ.]
4. Zaytsev, I.V. Islam in Crimea in the 14th–18th Centuries. Golden Horde Review. 2015. No. 2. P. 103–128. [In Russ.]
5. Zaytsev, I.V. Kyrk-Yer / Kyrkor (Chufut-Kale) and the Early History of the Crimean Khanate. From the Onon to the Thames. Chinggisids and Their Western Neighbors. On the 70th Birthday of Mark Grigorievich Kramarovsky. Moscow: Marjani Publishing House, 2013. P. 494–505. [In Russ.]
6. Kirilko, V.P. Golden Horde Architecture of Crimea (General and Specific). Medieval Eurasia: The Symbiosis of Cities and the Steppe. Proceedings of the 2nd International Bulgar Forum / ed.

by F.Sh. Khuzin. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013. P. 84–99. [In Russ.]

7. Kramarovskiy, M.G. The Man of the Medieval Street. The Golden Horde. Byzantium. Italy. St. Petersburg: EURASIA, 2012. 496 p. [In Russ.]

8. Krachkovskiy, I. Report on a Mission to Crimea in the Summer of 1924. Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Series 6. 1924. Vol. 18, part 2. No. 12–18. P. 662–670. [In Russ.]

9. Markevich, A.I. Old Crimean Antiquities. Proceedings of the Tauride Scientific Archaeological Commission. 1892. No. 17. Pp. 124–129. [In Russ.]

10. Murzakevich, N.N., [Negri A.F.] Eski-Crimean (Old Crimean) Arabic Inscription. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. 1850. Vol. 2, part 2. P. 529–531. [In Russ.]

11. Nepomnyashchy, A.A. Academician Krachkovskiy and Crimean Studies in the 1920s: Two Little Known Missions. Petersburg Historical Journal: Studies in Russian and World History. St. Petersburg, 2015. No. 2(06). P. 130–140. [In Russ.]

12. Pallas, P. S. Observations Made During a Journey through the Southern Viceroyalties of the Russian State in 1793–1794. Moscow: «Nauka» Publishing House, 1999. 246 p. [In Russ.]

13. Reva, R.Yu. On the Khans Ghiyath al-Din son of Tashtimur and Ghiyath al-Din son of Shadibek. Golden Horde Review. 2024. Vol. 12, No. 3. P. 576–598. [In Russ.]

14. Smirnov, V. Archaeological Excursion to Crimea in the Summer of 1886. Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society. Vol. 1. St. Petersburg, 1887. P. 273–304. [In Russ.]

15. Smirnov, V.D. The Crimean Khanate under the Suzerainty of the Ottoman Porte. Vol. I. Moscow, 2005. 542 p. [In Russ.]

16. Spassky, G.I. “Old Crimea”. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. 1858. Vol. 4, part 1. P. 85–102. [In Russ.]

17. Useinov, M.A. Dated Muslim Epigraphic Monuments of the City of Solkhat/Qırım and Its Environs. Golden Horde Review. 2024. Vol. 12, No. 2. P. 333–355. DOI: 10.22378/2313-6197.2024-12-2.333-355. EDN: UIYOXM [In Russ.]

18. Evliya Çelebi. Book of Travels. Crimea and Adjacent Regions. (Extract from the Work of the 17th-Century Turkish Traveler). Simferopol: «Dolya», 2008. 272 p. [In Russ.]

19. Yakub-Kemal Ya. M. Inscriptions on the Portal of the «Mosque of Uzbek» in the Town of Old Crimea. Proceedings of the Tauride Society of History, Archaeology and Ethnography. 1927. Vol. 1 (28). Pp. 202–204. [In Russ.]

20. Evliyâ Çelebi. Seyahatnâme. Sixth Volume. Istanbul: Devlet matbaası, 1928. P. 664. [In Tur.]

Информация об авторе / Information about the author

Мемедулла Адилович Усеинов, младший научный сотрудник. Крымский научный центр, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация, e-mail: memedulla@list.ru

Memedulla A. Useinov, Junior Researcher, the Crimean Scientific Centre, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 7, Baturin Str., Kazan 420111, the Russian Federation, e-mail: memedulla@list.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 14.01.2026

Поступила после рецензирования 12.02.2026

Принята к публикации 12.02.2026

Received 14.01.2026

Revised 12.02.2026

Accepted 12.02.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-91-107>
УДК [947:39](470.621)

Общество и власть в исторической традиции адыгов

Р.В. Чунтыжева

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
M2006A2011@yandex.ru*

Rima V. Chuntyzheva

Аннотация. Введение. В статье рассматривается процесс становления общественных институтов на Северо-Западном Кавказе, обусловленность и характер изменений в адыгском социуме, под влиянием внутренних и внешних факторов.

Целью исследования является анализ взаимодействия общества и власти в исторической традиции адыгов на фоне изменения этнического самосознания, трансформации социально-экономических и общественно-политических факторов, также событий, связанных с усугублением геополитической ситуации в регионе.

Материалы и методы. Последовательность выполнения исследования включала анализ архивных материалов, выявление основных тенденций и проблем, обобщение полученных результатов. Основу материальной базы исследования составили документы различного характера, отражающие функционирование общественного управления в Черкесии. Ключевой источниковедческий арсенал представлен материалами из фондов Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Краснодарского края, архива Адыгейского института гуманитарных исследований. Существенную часть введенных источников обеспечивали документы, ранее не включавшиеся в активный научный оборот.

При написании статьи использовался целый ряд научных методов: проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, ретроспективный, логического анализа.

Результаты исследования. Результаты исследования позволяют расширить, систематизировать и создать комплексное научное исследование о традициях и новациях в общественном управлении адыгов на заданном временном отрезке. Анализ архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот, поддерживает перспективу более глубокого, всестороннего осмысления специфических особенностей изучаемых процессов.

Обсуждение и заключение. Системный анализ данной проблемы позволил определить узловые направления исследования: исторические традиции общественного регулирования в Черкесии и обусловленность концептуальных изменений в системе управления адыгов. В процессе работы установлена опосредованная зависимость общественно-политической эволюции от факторов

© Чунтыжева Р.В., 2026

внутреннего и внешнего происхождения, повлекших возрастание функциональной значимости общественных институтов адыгов.

Ключевые слова. Черкесия, адыги, общественное управление, народное собрание, общественно-демократический переворот, братства, традиции, опыт

Для цитирования: Чунтыжева Р.В. Общество и власть в исторической традиции адыгов.

Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2026; 18(2): 91–107. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-91-107>

Society and Power in the Historical Tradition of the Adyghs

R.V. Chuntyzheva

*Maykop State Technological University, Maikop, Russian Federation
M2006A2011@yandex.ru*

Abstract. Introduction. The article examines the development of public institutions in the Northwest Caucasus, the causes and nature of changes in the Adygh society, and the influence of internal and external factors.

The goal of the research is to analyze the interaction between society and government in the historical tradition of the Adygh people against the backdrop of changing ethnic identity, the transformation of socio-economic and socio-political factors, and events associated with the deteriorating geopolitical situation in the region.

The Materials and Methods. The study included analysis of archival materials, identification of key trends and problems, and summary of the results.

The research material base consisted of various documents reflecting the functioning of public administration in Circassia. Key source materials included materials from the collections of the Russian State Military Historical Archive, the State Archives of the Krasnodar Territory, and the archives of the Adygh Institute of Humanitarian Research. A significant portion of the sources included documents previously not included in active scholarly circulation.

A variety of research methods were used in writing the research: problem-chronological, comparative-historical, retrospective, and logical analysis.

The Research Results. The results of the research allow us to expand, systematize, and create a comprehensive scientific study on the traditions and innovations in the Adygh public administration over a given time period. Analysis of archival materials, introduced into scholarly circulation for the first time, supports the prospect of a deeper, more comprehensive understanding of the specific features of the studied processes.

Discussion and Conclusion. A systematic analysis of the problem allowed us to identify key areas of the research: the historical traditions of public regulation in Circassia and the determinacy of conceptual changes in the Adygh governance system. The study established an indirect dependence of socio-political evolution on internal and external factors, which led to an increase in the functional significance of Adygh public institutions.

Keywords: Circassia, the Adyghs, public administration, people's assembly, social democratic revolution, brotherhoods, traditions, experience

For citation: Chuntyzheva R.V. Society and Power in the Historical Tradition of the Adyghs. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta.* 2026; 18(2): 91–107. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-91-107>

Введение. Поступательное развитие общества закономерно повышает заинтересованность в расширении исторического знания, переоценке стержневых событий мирового цивилизационного процесса, освоении малоизученных источников, внедрении новых исследовательских конструкций. В попытке более глубокого понимания глобальной парадигмы исторического процесса совершенно оправданна перспектива включения в общероссийский исторический концепт региональной составляющей.

В связи с этим безусловный научный интерес представляет проблема общественного управления на Северо-Западном Кавказе, традиционно осуществлявшем регулирование социальных скреп еще в до государственную эпоху.

Комплексная разработка данных аспектов безусловно повысит аргументированность основных выводов и обобщений, сложившихся в историографии, позволит по – новому взглянуть на политический профиль Северного Кавказа, как одного из наиболее значимых социокультурных пространств России.

Такого рода подход, чрезвычайно важен в настоящее время, поскольку отражает процессы глобализации и интернационализации в цивилизационном поле современной России. Общая заинтересованность ученых в исследовании жизненной среды этносов, является необходимым условием национального и духовного возрождения страны. Весомым основанием для такого обновления является необычайно возросший интерес самого народа к своей истории, традициям.

Актуализация традиционного адыгского опыта управления приобретает и прагматический смысл для национальной государственности с учетом все более возрастающей значимости общественных форм власти в современных государственных структурах Республики Адыгея.

Целью данной статьи выступает реконструкция основ традиционного обще-

ственного уклада адыгов, испытавшего определенную трансформацию в условиях существенной социальной подвижности адыгского социума в конце XVIII в., наряду с внешними факторами, изменившими положение Черкесии к первой трети XIX в.

Для реализации поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

- проанализировать историографический уровень проблемы и ввести в научный оборот нереализованный исследовательский потенциал;

- переосмыслить исходные теоретико-методологические установки и повысить информационную отдачу используемых документальных материалов;

- проанализировать традиционный механизм общественного регулирования адыгов путем комплексного применения исследовательских методов;

- определить характер и обусловленность структурных изменений в адыгском социуме под влиянием внутренних и внешних факторов.

Обзор литературы. Опубликованные документы и неопубликованные материалы, извлеченные из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) [1], Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) [2], архива Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (АРИГИ) составили источниковую базу исследования [3].

Обращение к историографическому уровню проблемы, позволяет по достоинству оценить накопленный опыт изучения общественного управления адыгов, выстроить, вместе с тем, траекторию нового исследования. Систематизация большого объема разноплановой литературы предполагает историографический обзор на основе проблемно-тематических характеристик опубликованных работ.

С давних времен адыги управлялись своими мирскими сходками или собраниями народа. Косвенные данные о наиболее древнем периоде народных собраний

адыгов имеются в народном фольклоре. Говорится, что на одном из таких, во втор. пол. VIII – нач. IX вв., верховным князем был избран Инал [4]. По-видимому, на этом этапе и происходило складывание народного собрания.

Следующее чрезвычайно важное для истории народных собраний письменное указание сохранилось в работе голландского ученого Н. Витзена. В главе, посвященной Черкесии, отмечается факт усиления сословных противоречий у адыгов в XVII в., следствием которого явилось «истребление знати и водворение управления во главе с начальниками или вожжами, которые жили в полном согласии с общиной» [5].

Первое, довольно емкое определение демократической формы общественного устройства адыгов дал В.М. Бакунин в 1743 г. Он констатировал, что демократические общества «владельцев не имеют, а правят между ними старики. Закона никакого не содержат, и ни у кого не в подданстве». При отсутствии письменных законов любое административное дело, по его утверждению, передавалось на решение народного собрания, фактически олицетворявшего центральную власть в стране. Никакая другая власть не имела права осуществлять законы и вершить правосудие [6].

В 1784 г., в историко-этнографическом описании кабардинцев, благодаря усилиям графа П.С. Потемкина, сложилась уже более развернутая характеристика собрания. «Общий круг или общий совет между ними, – писал он, – имеет в себе нечто важное и весьма достойное, и которое с лучшим намерением исполняться долженствовало» [7]. Важные сведения о собрании оставил польский ученый и путешественник Я. Потоцкий, побывавший в Черкесии в 1798 г. «Проблемы, составляющие интерес для всей страны, – отмечал он, – обсуждаются на «поках» (собраниях), представляющих собой род собраний выборных» [8].

Существенным вкладом в представления об адыгских собраниях являются материалы известных национальных просветителей Ш.Б. Ногмова и Хан-Гирея. «С течением времени, – отмечал Ш.Б. Ногмов, – завелся для совещания некоторый порядок в общем собрании». Как правило, предложение, рассмотренное старшинами, обсуждалось общим собранием уорков, а уже затем выносилось на народное собрание, где представлялись все подданные владельцев. Решение простого народа имело законодательную силу, в то время как князья были носителями исполнительной власти [9].

Институт «присяжных судей», совет представителей от народа, согласно данным в «Записках о Черкесии» Хан-Гирея, существовал у адыгов издавна, возникнув еще в условиях родового общества. Судьи, будучи подлинными представителями народа, имели непререкаемый авторитет, основанный на свободном и добровольном уважении избравших их общин [10].

О собраниях, как важнейшей форме регулирования общественных отношений, высказывались авторы XIX в. [11]. В это время, с точки зрения историографии, данная проблема приобретает устоявшийся характер, органически вписываясь в актуальные события. Благодаря расширению исследовательских каналов, оценка места и роли народных собраний адыгов получает дальнейшее развитие. Изучение рудиментов народного управления адыгов, адаптируемых к условиям усугубившейся исторической альтернативы обнаруживает новые грани. Предпринимается попытка переосмысления сложных перипетий общественной трансформации не только под углом глубоких внутренних изменений в адыгском социуме, но и в фокусе привносимых форм российской государственно-правовой культуры.

Наметился отход от фрагментарной констатации в пользу более глубокого и последовательного изучения проблемы. Исследователи детализируются в сторону

освещения отдельных аспектов: организации, системы представительства, периодичности созыва, характеру обсуждаемых вопросов, функционально-полномочной составляющей и наконец, влиянию внешних факторов на динамизм управленческих новаций.

Значительное расширение обобщающих кавказоведческих трудов было связано с возросшим интересом Западной Европы, иностранных авторов к изучению истории и этнографии адыгов [12]. Во многом это объяснялось той трагической известностью, которую адыги приобрели в связи с происходившими на Кавказе военно-политическими событиями, став открытой витриной для всего мира.

Высокий научный интерес к традициям общественного управления адыгов получил историческую преемственность в работах советских авторов [13]. Так, Н.Х. Тхамоков, ссылаясь на П.С. Потемкина отмечал, что в XVIII в. народные институты адыгов сохранились как пережиток родоплеменного строя и собрание представителей господствующего класса. Е.Н. Кушева в целом не исключает существование в XVI – первой половине XVII вв. народных собраний с участием «черных людей» через старшин. Ряд новых суждений о кабардинской хасе высказала Е.Д. Налоева, утверждавшая, что хасе трансформировалось с развитием феодальных отношений, не исключая факт существования хасе как народного собрания уже в доклассовую эпоху.

На качественно новый уровень продвинули изучение данной проблемы исследования кабардинских авторов. Общность ранней истории адыгского этноса придает неразрывную связь во многом схожих явлений общественно-политической жизни двух народов. В этом направлении фундаментальный вклад в современное кавказоведение внесла работа В.Х. Кажарова «Адыгская хаса», в которой предлагается наиболее системный подход к освещению

деятельности собраний, месту и роли их в адыгском обществе [14].

В разработку отдельных аспектов общественного управления на Северо-Западном Кавказе: от исторической до общественно-политической трансформации, безусловно достойный вклад внесли исследования современных авторов [15].

В данном контексте, следует отметить, что данная статья представляет собой самостоятельное исследование, основанное на проведенном анализе источников и историографических материалов, направленное на дальнейшее изучение и переосмысление истории становления, механизмов функционирования и обусловленности процессов трансформации общественных институтов Черкесии.

Материалы и методы. Настоящее исследование посвящено истории становления общественного управления адыгов в сложных исторических условиях, как важнейшей составной части социально-политической истории Черкесии. Реализации поставленной цели и решению исследовательских задач в качестве научной методологической основы способствовало использование фундаментальных принципов исторической науки – историзма, научности и объективности.

Принцип историзма позволил проследить и проанализировать генезис институтов власти на Северо-Западном Кавказе, характер и обусловленность общественной трансформации в контексте новой социальной архитектуры. Использование широкого перечня документов и материалов, поддержало благоприятную возможность избежать первоначальной заданности и обеспечить максимальную объективность важнейшим положениям и основным выводам.

Целенаправленное применение научного инструментария через призму проблемно-хронологического, сравнительно-исторического, ретроспективного методов исторического исследования позволило всесторонне переосмыслить данную про-

блему и вывести ее на качественно новый теоретический уровень.

Результаты исследования. Выступая составной частью аналогичных процессов во всемирной истории опыт становления общественных институтов в Черкесии не является уникальным. Исторические параллели не являются случайными, если учесть тот факт, что в мировой практике собрания, будучи источником народовластия отождествляли равнозначную функциональность и существовали как явление переходного характера: от догосударственного состояния к государственному. В деятельности древних общественных институтов Греции, Рима, англосаксонских и первых германских государствах известный алгоритм реализовался в классической форме.

Безусловно, научный интерес представляют особенности вечевой модели древней и средневековой Руси [16]. В традиционном представлении власть народного собрания в Новгороде и Пскове ничем не ограничивалась, простираясь на любые проявления общественной и частной жизни. В собрании опосредованно формировалась общая воля, принимались обязательные к исполнению законы и решения. В нем сосредоточивались законодательная, исполнительная, судебная власти, ценности демократической культуры. Всевластие большинства сочеталось с лояльностью к различным мнениям, свободой слова. Народное собрание находилось под покровительством мудрых и авторитетных людей [17].

Симптоматично отвечая потребностям социумов переходного типа, общественная власть встраивалась в систему управления по-разному. В условиях роста имущественного неравенства граждан и общим падением нравов, у ряда народов, она теряла свое влияние и уступала авторитету монархической власти, выполняя, фактически, роль прообраза государственности. В иных случаях народовластие «оттеняло» нечетко выраженное централизованное на-

чало в раздробленных государствах, либо, поддерживая демократические традиции общества, сосуществовало с политической властью.

Неотъемлемая роль общественных институтов в мировом процессе делает обоснованным обращение к истории и специфике народных собраний у адыгов. Проведенный анализ источников позволяет исследовать становление и смыслообразующие составляющие конструкции управления Черкесии в условиях первых наиболее значимых изменений.

Механизм функционирования собрания: от созыва до принятия решений и их последующей реализации складывался в соответствии с традициями, отработанными веками. При рассмотрении организационной стороны адыгских собраний обнаруживаются некоторые особенные черты. Как правило, местом организации народных собраний являлись долины, освещенные каким-нибудь важным событием или прахом усопших отцов. Проведение собраний вне пышных чертогов, не под крышей зданий, либо храмов, исключало возможность осквернения мест, считавшихся святыми, присутствием преступников и даже убийц, способных оказаться среди потенциальных заседателей.

Как правило, сборным пунктом служили деревья, пользовавшиеся уважением у черкесов. Палата «национального собрания» представляла превосходную дубовую рощу: листва больших деревьев, стволы которых поросли мхом, создавала прохладную сень, в тени которой рассаживались на дерне старейшины [18]. В целом, места размещения собраний не были упорядочены, что могло предопределяться нестабильной обстановкой, когда на повестку дня выносились чрезвычайные вопросы.

Периодичность созыва собраний носила обусловленный временем года характер: обычно избирались начало зимы и весна. Предусматривались и экстренные сборы, в случаях особой важности. Численный состав участников собрания носил гибкий

характер и зависел от значимости повестки. Предусматривались необходимые поправки и в порядке созыва собраний: могли представлять как отдельные народы, так и их союзы [19]. Во время народных собраний запрещалось воевать друг с другом, совершать убийство, т.е. время заседания собрания считалось священным.

Поступательное развитие общественных институтов на Северо-Западном Кавказе обнаруживает связь с дальнейшей феодализацией адыгского общества, повлекшей нарастание социальных антагонизмов между тфокотлями и дворянами в первой половине XVII в. Наступивший диссонанс обусловил значительное ослабление княжеской власти в ряде областей Черкесии, что поставило адыгов перед необходимостью поиска средств к восстановлению порядка [20]. Собственно, для их изыскания стали созываться общественные собрания.

При более высокой социальной однородности в демократических обществах, носителем верховной власти выступало народное собрание. В аристократической общности доминирующая власть князя сосуществовала с институтом народо-властия в зависимости от той или иной конкретной социальной, политической или юридической основы. В данном случае, как правило, предложения в собрании исходили от князей, старшин и представителей простого народа. Собравшиеся на совещание разделялись по сословиям, т.е. внутри общего круга депутатов происходила дифференциация на три круга, отделявшая представителей князей, дворян и крестьян, придавая собранию, таким образом, трехпалатный характер.

В народном собрании был принят довольно демократичный порядок обсуждения повестки дня. Любой полноправный член общества мог быть причастен к управлению, выступая носителем народо-властия. В мирное время в собрании принимали участие все свободные горцы.

Политические права принадлежали только мужчинам: в собрание не допускались женщины, дети, рабы. Определившись с решением в ходе обсуждения, князя выносили его на рассмотрение узденей, затем народа. Традиционно являясь проводниками замыслов князей, уздени согласовывали мнение народа с интересами знати. Право принять или отвергнуть предложение знати отводилось народу, как носителю законодательной власти [21].

Существенно то, что адыгское собрание будучи, прежде всего, важнейшим общественно-политическим институтом, накладывало значимый отпечаток на социокультурный образ народа, его ментальность, нравственные стереотипы. Являясь весомым право регулятором во взаимодействии различных слоев общества, народное собрание у адыгов вырабатывало требования к манере поведения, стилю общения в дискуссии, культивируя язык дипломатии, последовательно реализуя на практике важнейшие ее принципы. Каждый человек в собрании находился в условиях, когда мог обнаруживать не только свое место в обществе, влияние на его жизнь, но и свою истинную сущность, мораль.

Таким образом, в процессе организации адыгских собраний закономерное место получает неукоснительное соблюдение церемониальных предписаний. В споре черкесы отдавали предпочтение не брани и угрозам, а убеждению, на что ясно указывает красноречивый, «сладкий язык», к которому прибегали в собрании. Каждый имел право обратиться к собранию, но далеко не всякий оратор мог рассчитывать на внимание заседателей. Такой прерогативой пользовались люди исключительно зрелого возраста, как правило, достигшие сорока лет, выделявшиеся проседью в бороде.

В случаях, когда выступал человек более склонный «послушать сам себя», заседатели попросту, без шума и криков, спокойно покидали место собраний – «a l fresco», т.е. дом «без стен», что заставля-

ло его замолчать. Незадачливый оратор вскоре обнаруживал, что аудиторию составляли только деревья и кусты в то время, как те, к кому он обращался, давно уже собрались вне пределов слышимости, отдав предпочтение тому, кто имел больше оснований привлечь их внимание [22].

Человек, отличающийся красноречием, знанием обычаев, храбростью, олицетворяющий высокие качества своего народа, способный ясно высказывать то, что чувствует и желает общество назывался у адыгов «язык народа» (тле-губзыгъ). Участие таковых в собраниях было решающим: они могли не только увлечь народ, но и «ворочать им по своей воле» [23]. Их суждения особенно уважались. Свободные люди повиновались им, преклоняясь перед личными достоинствами, а не происхождением.

Так, достаточно весомым основанием для выдвижения того или иного лица в народное собрание, наряду с сословной принадлежностью, являлись личные качества. Даже князь, занимая в собрании первое место, оказывая существенное влияние на его решения, был предпочтительнее остальным только если обнаруживал «дар слова».

Народ неукоснительно преклонялся перед мудростью. Это качество, наряду с происхождением, удалством, родственными связями, ученостью в магометанском законе, гарантировали право «возвыситься и управлять судьбой своего народа». Добивавшийся всеобщего уважения своими добродетелями и заслугами, избирался в члены собрания пожизненно.

Большим весом в собрании пользовался князь, авторитет которого поддерживался соблюдением простой процедуры: в случае жарких споров ему было достаточно поднять руку, чтобы порядок немедленно восстановился. Несомненным уважением собрания также пользовались старейшины. Их называли присяжными судьями. Как правило, их отбирали из наиболее известных по бескорыстию и

мудрости людей, славившихся добрым именем. Ни возраст, ни ранг, ни богатство не имели значения в выборе старейшины: необходимым условием были лишь сила, добродетель и дар красноречия. Не имея властных полномочий, старейшины могли давать советы и наставления. Заслуживает особого внимания тот факт, что старейшины приносили присягу не принимать подарков, «разбирать дело по совести и крайнему разумению». Значение присяги заключается в подтверждении значимости исполнения обязанностей присяжным заседателем, его ответственности перед обществом.

Текст присяги обязывал заседателя объективно и беспристрастно выполнять вверенные ему судебные полномочия: принимать во внимание доказательную базу, разрешать уголовное дело по внутреннему разумению и совести, не допуская оправдания в отношении виновного и не осуждая невиновного.

Дискуссии могли продолжаться по несколько дней, на протяжении которых люди, чье мнение уважалось, говорили часами. Заседания затягивались в основном из-за необходимости прийти к единогласному мнению: простого большинства для решения обсуждаемых вопросов было недостаточно. Не достигая консенсуса, участники собрания удалялись, ибо никто не стал бы подчиняться мнению, которого не разделял. По мере устранения возникающих разногласий и публичном оглашении результатов спора, народ присягал собранию на выполнение принятых им постановлений. Достигнутое всеми сторонами удовлетворение нередко получало завершение в увеселениях. Устраивались соревнования по джигитовке, стрельбе из лука, метанию камня, борьбе и состязанию по пляске, пению, красноречию и смекалке, после чего объявлялись победители состязаний [24].

Народное собрание адыгов, со временем, перерастая уровень племенных сходов, превращалось в многофункцио-

нальный, полномочный институт власти, сосредотачивавший в себе регулирование внутривнутриполитических проблем, отработывая способы удовлетворения возникающих в обществе потребностей, решении назревающих задач.

Широкий спектр вопросов на собрании ранжировался по значимости. Традиционно первостепенными, требующими пристального внимания, являлись аспекты, связанные с общественным благосостоянием, требующими разбирательства споров по землевладению, между сословиями и отдельными князьями, причинявшими ущерб жителям. Для предупреждения и устранения беспорядков подобного рода, собрание обязывало всех граждан, независимо от происхождения, к присяге, состоявшей в правдивом изложении своих проступков. Соглашение между спорящими сторонами, как правило, достигалось посредством возмещения нанесенного ущерба [25].

В общем ряду повседневных вопросов, особое место отводилось чрезвычайным ситуациям, требующим немедленного вмешательства, таким как голод, эпидемии, набеги. Так, в случае распространения голода на определенной территории обсуждались упреждающие санкции, обеспечивающие меры предосторожности: прежде всего, запрещался вывоз хлеба. Во время эпидемий объявлялся мораторий на контакт с «зараженными» аулами. В условиях угрозы набегов со стороны враждебных обществ, назревании военной опасности, собрание организовывало оборонительные мероприятия в аулах: координировало посты, где поочередно выставлялись конные караулы.

Вопросам внешнеполитического характера – переговорам с соседними обществами в собрании отводилось особое место. Согласование между спорящими сторонами предполагало определение места заседания на границах враждующих обществ, либо в «нейтральных» землях и участие посредников, заинтересованных

в устранении конфликта. От противостоящих обществ назначалось по два представителя, в качестве «пересказателя» и «разъяснителя» дела. Зачастую таковыми выступали старшины, съезжавшиеся в указанном месте. На них возлагалась ответственность за судьбу своего общества и справедливость разбирательства. Переговоры обычно длились до принятия окончательного решения. В случае благоприятного исхода переговоров: заключением мира или союза, обе стороны скрепляли присягой достигнутые договоренности.

В период нарастания освободительной борьбы на первый план выдвигались вопросы, связанные с созданием народного ополчения, обсуждением предложений российского и турецкого правительств. На таких советах выдвигались военачальники, определялись нормы призыва пеших и конных воинов.

В чрезвычайной обстановке тяжелой войны народные собрания сосредотачивали всю полноту власти и функционировали на уровне военного руководства. В этом контексте важно отметить, что контролируемая народным собранием военизация общества являлась чрезвычайно эффективной. При том, что у адыгов не существовало постоянных обязанностей в исполнении военного долга, все взрослые мужчины, в условиях угрозы, как один вставали на защиту Родины. Какая-либо волокита или задержка в выступлении напроочь отсутствовали. Адыги были готовы выступать всегда, сразу и в необходимом направлении. Население соседних десяти или двадцати юнэ-из собиралось в близлежащем к противнику месте в течение считанных часов. В условиях явного военного превосходства со стороны неприятеля в отдаленные местности отправляли верховых с просьбой о помощи [26].

В зависимости от масштаба опасности от каждого юнэ-из выставлялось от десяти до пятнадцати воинов. Сформированные части прибывали на сборный пункт группами во главе со старшинами. Вождями

юнэ-из назначались двое старшин (тамад). Кроме того, каждые десять дворов (юнэ-ине), имели своего тамаду, предводителя. Они образовывали малый и расширенный советы: к первому допускались представители каждых ста дворов, к последнему от десяти дворов. По прибытии к условленному месту большей части ожидаемых воинов держался большой военный совет, на котором избирали главнокомандующего. В процессе выдвижения фигуры военачальника важнейшими требованиями выступали в первую очередь военный опыт, всеобщее доверие, ум, красноречие, храбрость, смелые подвиги. Наряду с ним назначались предводители пехоты и кавалерии [27].

Военный совет традиционно действовал по сложившемуся «регламенту». В центре широким кругом располагались тамады, кадии и имам. В самой середине находился избранный вождь, зачастую мужчина средних лет. Вокруг совета старшин выстраивались пешие воины, а за ними всадники. Заслушав мнения всех тамад, старшины принимали окончательное решение, которое озвучивали воинам во всеуслышание, заняв положение в центре круга. Затем приносилась священная присяга, призывающая «победить или умереть». По завершении всей церемонии в силу вступали решения избранного вождя, а совет старейшин распускался.

Подобное положение вещей объясняется в целом уже названными факторами, среди которых наиболее социально значимыми было отсутствие государственного устройства как исходного базиса для существования регулярной армии и идеологической надстройки в виде унификации религиозных представлений. Точка апогея развития военной организации превратилась в традицию, которая стала единственно целесообразной формой существования общества. В данном контексте, народное собрание олицетворяло функции военного совета и трансформировалось в главный координационный центр детально регла-

ментируя организацию общества в экстремальных условиях, вплоть до выработки тактических приемов ведения войны.

В разряд дел, обсуждаемых на собрании в особом порядке, выносились вопросы, превращавшие общественный институт в судебное учреждение. При рассмотрении функциональных особенностей собрания как право регулирующей инстанции, безусловно, прослеживаются отдаленные признаки цивилизованного судопроизводства.

Согласно источникам, народные собрания у адыгов не ранжировались на виды в зависимости от полномочий. В силу этого напрашивается их сопоставление с судебными учреждениями, полномочия которых они зачастую выполняли. Взаимозаменяемость традиционного собрания с судебным учреждением наблюдалась на всех уровнях его существования. Данное положение, во многом, объяснялось тем, что у адыгов не было как постоянных судов, так и писаных законов. Сходство присяжных судов с обычными представительными собраниями ясно отражалось в принципах организации: критериях избрания заседателей, периодичности созыва, процедуре функционирования.

Судопроизводителями в княжеских владениях и демократических обществах выступали присяжные судьи. Когда обвиняемый призывался обвинителем к ответу, он должен был предстать перед собранием выборных представителей. В «роли» судьи выступал председатель собрания. Тяжущиеся стороны выдвигали уполномоченных, в качестве защитников, своего рода адвокатов. Главным критерием, предъявляемым к таковым, были традиционно хорошие ораторские способности и красноречие при изложении мысли. Посредником в примирении сторон мог выступать признанный в обществе «язык народа».

После ознакомления с обстоятельствами дела, выносилось определение, было ли преступление преднамеренным или

обуславливалось случайным стечением обстоятельств. Дело разбиралось до тех пор, пока не удавалось найти приемлемое решение. В качестве судей выборные заседатели уполномочивались выносить приговор и устанавливать размер денежных взысканий для компенсации нанесенного ущерба пострадавшему [28].

С большим пристрастием в собрании разбирались дела, связанные с пренебрежением норм адыге хабзе: обязанностям по отношению к старикам, женщинам, законам гостеприимства, которые во всех цивилизованных государствах Европы не подпадали под дисциплинарные взыскания. Усердное соблюдение адыгами этикетных норм обуславливалось многовековым общественным укладом, основанном на неукоснительном следовании Адыге хабзе. Он простирался на все области жизнедеятельности: от простейших житейских правил, до принципиальной правовой регуляции, представляя собой целый комплекс нормативных предписаний.

Адыге хабзе, вобрав сложные представления об окружающем мире, представляло для общества целую философскую систему, будучи выражением его этнического самосознания. Определяя необходимые позитивные качества личности в адыгском обществе, оно, по сути, выступало действующим сводом правовых норм, правил поведения и нравственных ориентиров. Этим объясняется рассмотрение в собрании, наряду с общепринятыми, вопросов, имеющих духовный, морально-нравственный смысл [29]. Так, оскорбивший старика или пожилую женщину, поправший законы гостеприимства подвергался не только общественному осуждению, но и становился объектом порицания на народном собрании, принимавшем в отношении его соответствующие дисциплинарные меры.

Новой вехой в становлении института народовластия в Черкесии стали события, обусловившие сущностные общественно-политические преобразования на

Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX в., развернувшиеся на фоне обострившегося антагонизма крестьянских масс у натухайцев, шапсугов и абадзехов в отношении своих феодалов. Юридически свободные крестьяне стремились закрепить свои позиции в политике и определить свое место в управлении обществом. Существующий в адыгском социуме диссонанс во многом отягощался внешним фактором. В условиях соперничества великих держав за преимущество на Кавказе, адыги могли сохранить незыблемыми позиции только на пути складывания единой политической организации государственного типа.

Результатом событий, связанных с Бзюкской битвой 1796 года, широко известной в исторической литературе, как общественно-демократический переворот, становится утрата адыгской феодальной знатью исконных прав и преимуществ, сопровождавшийся установлением демократического устройства в упомянутых землях. Система управления адыгов приобретает достаточно динамичную форму, субъектом в которой выступают общественные объединения, основанные на принципе признания народа источником власти, его права участвовать в решении политических и жизнеобеспечивающих вопросов в сочетании с широким кругом гражданских прав и свобод.

В контексте рассматриваемой проблемы, обращение к некоторым аспектам переворота, в частности его последствиям, позволяет значительно раздвинуть сущностное понимание новой парадигмы общественного регулирования адыгов, испытавшей в действующих политических условиях коренные изменения по всем составляющим.

Значимым показателем общественных перемен выступали новые критерии представительства, в основе которых доминировали не принадлежность к «благородному» сословию, а личные заслуги. Отныне, дворяне принимали участие в

политических делах страны на общих основаниях, как выборные лица, а не как носители наследственных прав в управлении обществом [30]. В этом четко обнаруживался нараставший упадок дворянства. За князьями неизменной оставалась только привилегия первенства в бою и на празднествах. Еще через какое-то время их перестали пускать и на собрания из-за «двоякого» отношения к России.

Изменения в системе управления демократическими обществами, существенным образом отразились на положении старшин, политический статус которых радикально возрос «под покровом народных собраний» [31]. Старшины стали «вровень с тлелотлешами», нередко пользуясь тем же уважением и даже властью, что и дворяне. Отдельные старшинские семьи даже оказывали покровительство дворянам. Так, с изгнанием князей у абадзехов, в начале XIX в., выделились богатые и влиятельные роды. Их насчитывалось около пятнадцати. Все они пользовались уважением в народе, таким же как сами уздени [32].

Одной из главных основ складывавшейся представительной системы управления стали братства. Братствам принадлежала исключительная роль в формировании как высших, так и низших представительных органов власти. Они обеспечивали правление и судопроизводство страны в качестве присяжных судей. В процессе формирования состава правительства от обеих провинций (Натухая и Шапсугии) обязывались включаться все маленькие братства. В качестве представителей выбиралось шестнадцать старейшин: по два от каждого из восьми братств [33].

На основании источников явствует, что к 30-м гг. XIX в. собрание приобрело многоуровневый характер и действовало внутри «братств», в приходах, складываясь из числа присяжных судей братств и в округах или долинах (псухо), где оно обустроивалось таким же образом, но с обязательным представительством всех «братств». Именно собрание «братств»,

а несколько позже собрание «прихода» и «округа» уполномочивались делегировать депутатов в высшие органы власти. Очевидно, к этому времени у «демократической» группы адыгов установился дуализм представительных органов, опиравшихся, с одной стороны, на «братства», а с другой – на территориальные общины [34].

В связи с двумя типами представительных собраний отрабатывались различные критерии созыва. В итоге избирательный алгоритм основывался на территориальном и религиозном принципах: в первом случае определенное число предварительно избранных лиц назначалось от каждой земли, во втором от Джамагата у магометан и от Тхагапха у жителей морского побережья, представлявших нечто вроде церковных приходов. Использовался преимущественно последний способ.

Внедрение в правовое поле адыгов выборного начала не ограничивало свободу общества в реализации своих гражданских прав. Любой человек был вправе присутствовать на собраниях и влиять на принятие решения. Однако, учитывая обременения, связанные с сосредоточением в одном месте большого числа «советников», опять же «забвением своих домашних дел», адыги нередко удовлетворялись делегированием оправдывавших доверие народа представителей [35]. Собрания стали, таким образом, достаточно представительными, сосредотачивая полномочия верховного органа власти, при полной уверенности общества, в том, что по своему составу собрание является подлинным выразителем народной воли.

Объективное осознание востребованности представительных учреждений как демократических, стало важным этапом в становлении цивилизационных основ адыгского социума. Внедрение принципа представительства сделало возможным выражение «множества воли» в одной воле представительного учреждения, что стало для адыгов значимым прогрессивным следствием политического развития.

Вместе с тем, давая оценку эффективности достижений в организации собрания, немаловажно учитывать и то, что принцип представительства абсолютно не исключал возможного искажения народных интересов. Злоупотребление властью происходило в условиях ограничения рамок участия в принятии решений для большинства населения. Вместе с тем, отсутствие у большинства делегатов необходимых знаний о предмете обсуждения неизбежно приводило к затягиванию дискуссий и как следствие некомпетентности принимаемых решений их невысокую эффективность.

Дальнейшая демократизация общества привела к существенным сдвигам и в порядке обсуждения вопросов. Каждый полномочный делегат собрания мог опровергнуть принимаемое решение своим несогласием: на заседателей распространялось своеобразное право вето, создававшее, со временем, у западных адыгов серьезные препятствия для политической консолидации и централизации управления. У шапсугов, нутхайцев и абадзехов состояние несогласия с принимаемыми решениями было узаконено, потому, неодобрение удельным князем мнения большинства, наряду с его изгнанием, могло влечь очередной взрыв междоусобиц. В дальнейшем, «срыв» постановлений, поддерживаемых большей частью общества, уклонение от исполнения единогласно принятого собранием решения приравнивалось преступлению и попадало под штрафные санкции вплоть до изгнания нарушителя.

Процедура наложения штрафов и их взыскания как в княжеских, так и демократических обществах носила достаточно упорядоченный характер. Ранжирование системы штрафования отражало в складывающейся модели управления на Северо-Западном Кавказе реализацию важнейшей право регулирующей функции государства – системы наказаний, последовательно вытеснявшей архаичный пережиток уходящей эпохи – кровную месть.

Однако в связи с отсутствием в действующем механизме власти эффективного инструментария понуждения к исполнению, принятые распоряжения зачастую нарушались, что объективно требовало серьезной доработки аппарата управления. Изыскание способов удовлетворения возникающих перед обществом задач проецировало новый виток в поступательном развитии института народовластия у адыгов.

Дальнейшие преобразования общественной организации адыгов продиктовывались изменением внешнеполитического положения Черкесии в условиях Кавказской войны. Обострение внешних вызовов, обусловленных соперничеством великих держав за доминирование на Кавказе, привели уже к первой трети XIX в. к расширению и усилению функционально-полномочной стороны в деятельности собраний. Усугубление международной ситуации наряду с остаточными последствиями общественно-политического перелома привели к превращению древних сходов адыгов в главный руководящий орган по контролю и защите общенациональных интересов.

Обсуждение и заключение. Предпринятое исследование позволило выделить и реконструировать базовые составляющие исследуемой проблемы, усилить аспекты, нуждающихся в дополнительном изучении, вынести некоторые обобщения в отношении достигнутых результатов.

Попытка критического переосмысления сложившихся теоретических подходов, традиционной исследовательской схемы позволила сконцентрировать внимание на опыте народовластия у адыгов, как сложном, многогранном явлении, вобравшем в себя, при отсутствии политической иерархии и единоличного начала, огромный потенциал, сосредоточив всю полноту власти.

Общественное управление адыгов издревле олицетворяло канон народовластия и имело достаточно развитую исто-

рическую преемственность. Системный анализ социокультурной общности адыгов позволяет установить определенную обусловленность в динамике институтов власти. Первые наиболее значимые преобразования в конце XVIII в., были продиктованы всем ходом предшествующего столетия, подготовившего перерастание существующего социального диссонанса в общественно-политический переворот, повлекший значимую трансформацию

организации, представительства и устройства собраний в Черкесии [36].

Таким образом, выстраивается новая концепция народного собрания Черкесии. Происходившие изменения в контексте дальнейшей военизации на Северо-Западном Кавказе к началу XIX в., способствовали усилению законодательных, судебных и военно-оборонительных функций, отождествляя в народном собрании верховное правление Черкесии.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): Ф. ВУА «Военно-ученый архив»; Ф. 38. «Главное управление генерального штаба»; Ф. 13454. «Штаб войск Кавказской линии и Черноморья» и др.
2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК): Ф. 249 «Екатеринодарской карантинной конторы»; Ф. 260. «Канцелярия начальника Черноморской береговой линии»; Ф. 261. «Канцелярия начальника Черноморской кордонной линии»; Ф. 670. «Коллекция документов по истории Кубанского казачьего войска» и др.
3. Архив Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований (АРИГИ): Ф. 1. «Фольклорный».
4. Кубэ Шэбан. Адыге (черкес) фольклор. Париж, 1959. 87 с.
5. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1967. С. 246-247.
6. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абадзехам в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым. (АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 447-448.
7. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Т. 2. М., 1957. С. 360-361.
8. Потоцкий Я. Путешествие в Астраханские и Кавказские степи. (АБКИЕА). Нальчик, 1974. С. 227.
9. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1982. 168 с.
10. Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. 334 с.
11. Селезнев М. Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847; Надеждин П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб., 1869; Верещагин Н. Путевые заметки по черноморскому округу. М., 1874.
12. Вейденбаум Е.Г. Кавказские этюды. Тифлис, 1901. 126 с.; Лонгворт Дж. Год среди черкесов //АБКИЕА. С. 531-584; Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 гг. // АБКИЕА. С. 458-531; Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. АБКИЕА. Нальчик, 1974; Люлье Л.Я. Черкесия: Историко-этнографические статьи. Краснодар, 1927; Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость 1863–1864 гг.: из записок участника-иностранца. Краснодар, 1927. 42 с.; Спенсер Э. Путешествие в Черкесию / пер. с англ. Н. Нефляшевой. Майкоп, 1993. 153 с.

-
13. Тхамоков Н.Х. Социально-экономический и политический строй кабардинцев в XVIII в. Нальчик, 1961.; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (втор. пол. XVI – 30-е гг. XVII в.). М., 1963.; Налоева Е.Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в. Нальчик, 1973.
 14. Кажаров В.Х. Адыгская хаса. Из истории сословно-представительных учреждений феодальной Черкесии. Нальчик, 1992. 160 с.
 15. Чирг А.Ю. Общественно-политический строй адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII-60-е гг. XIX в. Майкоп, 2003; Анчабадзе Ю.Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция. Москва: ИЭА РАН, 2012; Чунтыжева (Хапачева) Р.В. Общественное управление адыгов Северо-Западного. Кавказа (20-е – начало 60-х гг. XIX в.). Майкоп, 2001; Тхамокова И.Х. Особенности общественного строя адыгов (шапсугов, натухайцев и абадзехов) в первой половине XIX века // Научный диалог 2022. Т. 11, № 1; Кандор Р. С. Трансформация традиционной системы управления западных адыгов (черкесов): конец XVIII в. – 60-е гг. XIX в., Майкоп, 2009; Губжоков М.Н. Эволюция традиционной политической культуры западно-адыгских княжеств в период Кавказской войны // Информационно-аналитический вестник. 1999. Вып. 1.
 16. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. М., 1993. С. 53.
 17. Скрынников Р.Г. История Российская IX–XVIII. М., 1997. С. 115.
 18. Дубровин Н. Черкесы (Адыге). Краснодар, 1927. 175 с.
 19. Надеждин П.П. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. СПб., 1896. 413 с.
 20. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 142-143.
 21. Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 161.
 22. Максимов С. Край крещенного света. Русские горы и кавказские горцы. – СПб., 1899.
 23. Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. 1900. Т. 21, отд. 2. С. 154.
 24. Люлье Л.Я. О натухайцах, шапсугах и абадзехах // Черкесы. Нальчик, 1991. С. 322.
 25. Хан-Гирей. Указ. соч. С. 135.
 26. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 228.
 27. Лапинский Т. Указ. соч. С. 167.
 28. Люлье Л.Я. Указ. соч. С. 326.
 29. Кох К. Указ. соч. С. 590.
 30. Леонтович О.И. Адагы кавказских горцев // Одесса, 1881. Вып. 1. С. 239.
 31. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX вв. Краснодар, 1989. С. 59.
 32. Венюков М.И. Указ. соч. С. 54.
 33. Белл Дж. Указ. соч. С. 523.
 34. Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 127-132.
 35. Лонгворт Д.А. Указ. соч. С. 548.
 36. Чунтыжева Р.В. Опыт создания Адагумской конфедерации в контексте общественно-политических преобразований у адыгов во второй половине 40-х гг. XIX в. // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2016. Вып. 4. С. 34-39.

REFERENCES

1. Russian State Military Historical Archive (RSMHA): F. MSA “Military-Science Archive”; F. 38. “Main Directorate of the General Staff”; F. 13454. “Headquarters of the Troops of the Caucasus Line and Black Sea Region”, etc. [In Russ.]
2. State Archives of the Krasnodar Territory (SAKT): F. 249. “Yekaterinodar Quarantine Office”; F. 260. “Office of the Chief of the Black Sea Coastal Line”; F. 261. “Office of the Chief of the Black Sea Cordon Line”; F. 670. “Collection of Documents on the History of the Kuban Cossack Host”, etc. [In Russ.]

3. Archives of the Adygh Republican Institute of Humanitarian Research (ARIHR): F. 1. "Folklore". [In Russ.]
4. Kube Sheban. Adygh (Circassian) Folklore. Paris, 1959. 87 p. [In Russ.]
5. Gardanov, V.K. Social System of the Adygh Peoples (18th – First Half of the 19th Century). Moscow, 1967. P. 246-247. [In Russ.]
6. Frederic Dubois de Montperreux. Journey across the Caucasus, to the Circassians and Abadzekhs in Colchis, Georgia, Armenia, and Crimea. (ABKIEA). Nalchik, 1974. P. 447-448.
7. Kabardino-Russian Relations in the 16th – 18th Centuries. Vol. 2. Moscow, 1957. P. 360-361. [In Russ.]
8. Potockiy, Ya. Journey to the Astrakhan and Caucasian Steppes. (ABKIEA). Nalchik, 1974. P. 227. [In Russ.]
9. Nogmov, Sh.B. History of the Adygh People. Nalchik, 1982. 168 p. [In Russ.]
10. Khan-Girey. Notes on Circassia. Nalchik, 1978. 334 p. [In Russ.]
11. Seleznev, M. Guide to Understanding the Caucasus. St. Petersburg, 1847; Nadezhdin P. Nature and People in the Caucasus and Beyond the Caucasus. St. Petersburg, 1869; Vereshchagin N. Travel Notes on the Black Sea District. Moscow, 1874. [In Russ.]
12. Veidenbaum, E.G. Caucasian Sketches. Tiflis, 1901. 126 p.; Longworth, J. A Year Among the Circassians // ABKIEA. Pages 531-584; Bell J. Diary of a Stay in Circassia During the Years 1837, 1838, and 1839 // ABKIEA. P. 458-531; Blaramberg, I.F. Historical, Topographical, Statistical, Ethnographic, and Military Description of the Caucasus. ABKIEA. Nalchik, 1974; Lyulye, L.Ya. Circassia: Historical and Ethnographic Articles. Krasnodar, 1927; Fonville, A. The Last Year of Circassian War of Independence, 1863–1864: From the Notes of a Foreign Participant. Krasnodar, 1927. 42 p.; Spencer, E. Journey to Circassia / translated from English by N. Neftlyasheva. Maikop, 1993. 153 p. [In Russ.]
13. Tkhamokov, N.Kh. Socioeconomic and political system of the Kabardians in the 18th century. Nalchik, 1961; Kusheva, E.N. Peoples of the North Caucasus and their connections with Russia (second half of the 16th – 1630s). Moscow, 1963; Naloeva, E.D. State and political system and international position of Kabarda in the first half of the 18th century. Nalchik, 1973.
14. Kazharov, V.Kh. Adygh khase. From the history of estate-representative institutions of feudal Circassia. Nalchik, 1992. 160 p. [In Russ.]
15. Chirg, A.Yu. The socio-political system of the Adygh people of the North-West Caucasus (late 18th-60s of the 19th century). Maikop, 2003; Anchabadze, Yu.D. Political culture of the Adyghs: traditional institutions and their evolution. Moscow: IEA RAS, 2012; Chuntyzheva, (Khapacheva) R.V. Public administration of the Adygh people of the North-West Caucasus (1820s – early 1860s). Maikop, 2001; Tkhamokova, I.Kh. Features of the social system of the Adygh people (the Shapsugs, the Natukhais and the Abadzekhs) in the first half of the 19th century // Scientific dialogue 2022. Vol. 11, No. 1; Kandor, R.S. Transformation of the traditional system of governance of the Western Adyghs (the Circassians): late 18th century – 1860s, Maikop, 2009; Gubzhokov, M.N. Evolution of the traditional political culture of the Western Adygh principalities during the Caucasian War // Information and Analytical Bulletin. 1999. Issue 1. [In Russ.]
16. Presnyakov, A.E. Princely Law in Ancient Rus'. Moscow, 1993. P. 53. [In Russ.]
17. Skrynnikov, R.G. Russian History of the 9th – 18th Centuries. Moscow, 1997. P. 115.
18. Dubrovin, N. The Circassians (the Adyghs). Krasnodar, 1927. 175 p. [In Russ.]
19. Nadezhdin, P.P. Nature and People in the Caucasus and Beyond the Caucasus. St. Petersburg, 1896. 413 p. [In Russ.]
20. Skitsky, B.V. Essays on the History of Mountain Peoples. Ordzhonikidze, 1972. P. 142-143. [In Russ.]
21. Danilevsky, N. The Caucasus and its Highlanders in Their Current Situation. Moscow, 1846. P. 161. [In Russ.]
22. Maksimov, S. The Land of Baptized Light. Russian Mountains and Caucasian Highlanders. St. Petersburg, 1899. [In Russ.]

-
23. Stal, K.F. Ethnographic Essay on the Circassian People // Caucasian Collection. 1900. Vol. 21, Section 2. P. 154. [In Russ.]
24. Lyulye, L.Ya. On the Natukhais, Shapsugs, and Abadzekhs // Circassians. Nalchik, 1991. P. 322. [In Russ.]
25. Khan-Girey. Ibid. P. 135. [In Russ.]
26. Dubrovin, N.F. Ibid. P. 228. [In Russ.]
27. Lapinsky T. Ibid. cit. P. 167. [In Russ.]
28. Lyulye, L. Ya. Ibid. cit. P. 326. [In Russ.]
29. Koch, K. Ibid. cit. P. 590. [In Russ.]
30. Leontovich, O.I. Customs of the Caucasian Highlanders // Odessa, 1881. Issue 1. P. 239.
31. Pokrovsky, M.V. From the History of the Adygh People in the Late 18th – First Half of the 19th Centuries. Krasnodar, 1989. P. 59. [In Russ.]
32. Venyukov, M.I. Ibid. cit. P. 54. [In Russ.]
33. Bell, J. Ibid. cit. P. 523. [In Russ.]
34. Kazharov, V. Kh. Ibid. cit. P. 127-132. [In Russ.]
35. Longworth, D.A. Ibid. cit. P. 548. [In Russ.]
36. Chuntyzheva, R.V. Experience of creating the Adagum Confederation in the context of socio-political transformations among the Adyghs in the second half of the 40s of the XIX century // Bulletin of Maikop State Technological University. 2016. Issue 4. P. 34-39. [In Russ.]

Информация об авторе / Information about the author

Рима Владимировна Чунтыжева, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и права. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет». 385000, Российская Федерация, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д.191, e-mail: M2006A2011@yandex.ru

Rima V. Chuntyzheva, PhD (History), Associate professor, the Department of History and Law, Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191 Pervomayskaya str., e-mail: M2006A2011@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 27.03.2026

Поступила после рецензирования 22.04.2026

Принята к публикации 22.04.2026

Received 27.03.2026

Revised 22.04.2026

Accepted 22.04.2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PEDAGOGICAL SCIENCES

Обзорная статья / Review paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-108-124>

УДК 378.147:62

Мотивационный компонент в структуре учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров

Ю.А. Дубровская

*Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
DubrovskayaY-A@mail.ru*

Аннотация. Введение. Эффективность инженерного труда напрямую зависит не только от уровня знаний, но и от мотивации и осознанности профессионального выбора. Проблема исследования заключается в недостаточной изученности психологических механизмов, лежащих в основе формирования профессиональной мотивации. Понимание структуры и динамики мотивационного компонента является фактором оптимизации образовательного процесса и повышения его результативности при подготовке специалистов технических вузов России. Цель статьи – разработать и теоретически обосновать целостную структуру мотивационно-целевого блока, детерминирующей учебную и профессиональную деятельность будущих инженеров.

Материалы и методы. Рассмотрено понятийно-терминологическое пространство мотивационно-целевого блока в историческом и современном контекстах. Используются теоретические методы: анализ научной и методической литературы, систематизация, обобщение, графическое представление.

Результаты исследования. Определено место мотива в структуре учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров; разработана целостная структура мотивационно-целевого блока учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров.

Обсуждение и заключение. Предложенная структура мотивационно-целевого блока учебной и профессиональной деятельности будущего инженера представляет собой комплексную систему, основанную на интеграции потребности, мотива, мотивации, нормативных способов деятельности, условий деятельности, личных качеств субъекта и результатов. Понимание структуры мотивационного компонента учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров позволяет оптимизировать процесс обучения и профессиональную практику, повышая их эффективность в части подготовки специалистов технических вузов России.

© Дубровская Ю.А., 2026

Ключевые слова: инженер, мотив, мотивация, деятельность, учебная деятельность, профессиональная деятельность, инженерная педагогика

Для цитирования: Дубровская Ю.А. Мотивационный компонент в структуре учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 108–124. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-108-124>

The motivational component in the educational and professional activities of future engineers

Y.A. Dubrovskaya

*Saint Petersburg University of State Fire Service
of Emercom of the Russian Federation, Saint Petersburg
DubrovskayaY-A@mail.ru*

Abstract. Introduction. The effectiveness of engineering work directly depends not only on the level of knowledge but also on motivation and the awareness of professional choice. The problem of the research lies in the insufficient study of the psychological mechanisms underlying the development of professional motivation. Understanding the structure and dynamics of the motivational component is a factor in optimizing the educational process and increasing its effectiveness in training specialists at technical universities in Russia. The goal of the research is to develop and theoretically substantiate a holistic structure of the motivational-target block that determines the academic and professional activities of future engineers.

The Materials and Methods. The conceptual and terminological space of the motivational-target block has been examined in historical and modern contexts. Theoretical methods used include analysis of scientific and methodological literature, systematization, generalization, and graphical representation.

The Research Results. The role of motive in the structure of the academic and professional activities of future engineers has been determined; a holistic structure of the motivational-target block for the academic and professional activities of future engineers has been developed.

Discussion and Conclusion. The proposed structure of the motivational and target-based component of the educational and professional activities of future engineers represents a comprehensive system based on the integration of needs, motives, motivation, normative methods of activity, conditions of activity, personal qualities of the subject, and results. Understanding the structure of the motivational component of the educational and professional activities of future engineers allows us to optimize the learning process and professional practice, increasing their effectiveness in training specialists at technical universities in Russia.

Keywords: an engineer, motive, motivation, activity, educational activity, professional activity, Engineering Pedagogy

For citation: Dubrovskaya Yu. A. The motivational component in the educational and professional activities of future engineers. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 108–124. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-108-124>

Введение. В условиях стремительной цифровизации экономики и перехода к новому технологическому укладу, который характеризуется развитием искусственного интеллекта, интернета вещей и робототехники, роль инженерного образования как фундамента национальной конкурен-

тоспособности многократно возрастает. Становление Индустрии 4.0 требует от технических специалистов не только глубоких фундаментальных знаний, но и способности к быстрой адаптации, междисциплинарному взаимодействию и решению нестандартных задач. В этом контексте система подготовки

инженерных кадров перестает быть просто элементом образовательной сферы и превращается в стратегический фактор обеспечения технологического суверенитета и экономического роста страны.

Однако, несмотря на декларируемую важность технического образования, на практике наблюдается углубляющийся разрыв между академической подготовкой в вузах и реальными потребностями высокотехнологичных отраслей. Этот дисбаланс проявляется в хроническом дефиците квалифицированных кадров на производстве, в то время как выпускники сталкиваются с проблемой трудоустройства по специальности. Проблема носит системный характер и затрагивает как содержание образовательных программ, так и саму методологию подготовки специалиста.

Ключевая проблема современного инженерного образования заключается в его фундаментальной оторванности от реальных производственных задач. Традиционная модель, ориентированная на передачу академических знаний, формирует у студента иллюзию самодостаточности этих дисциплин и не отвечает ожиданиям и потребностям производства. Противоречие усугубляется тем, что ключевые участники процесса – работодатель и образовательное учреждение – оперируют разными категориями при оценке готовности специалиста. Работодатель рассматривает процесс подготовки выпускника к профессиональной деятельности с потребительской точки зрения, а образовательные и научные учреждения – структурами, обязанными представить выпускника вуза работником, готовым к трудовой деятельности. Выпускник, по мнению работодателей, сразу должен обладать необходимыми профессиональными компетенциями и с минимальным сроком адаптации интегрироваться в производственные отношения и социализироваться в трудовом коллективе.

При этом в понимание «профессиональная деятельность инженера» работодатель и образовательные учреждения вкладывают

разное содержание, плохо согласующееся, а нередко и противоречащее существующим программам подготовки специалистов в высшем учебном заведении. Для работодателя главным критерием является компетентность: способность решать конкретные бизнес-задачи, приносить прибыль и минимизировать издержки. Образовательная система же исторически нацелена на формирование образованности: широты кругозора, глубины теоретических познаний и способности к абстрактному мышлению. Этот конфликт интересов приводит к тому, что университет выпускает «продукт», который не соответствует запросу рынка труда, а работодатель вынужден тратить значительные ресурсы на доучивание и адаптацию молодых специалистов.

Для преодоления этого кризиса необходимо сместить фокус образовательного процесса с простой передачи информации на целенаправленное проектирование самой профессиональной деятельности студента. Именно здесь становится актуальным категориальный аппарат теории деятельности, где такие понятия, как «мотив», «цель», «предмет», «действие» и «операция», становятся центральными элементами проектирования учебного процесса. Чтобы подготовить инженера-практика, необходимо выстраивать обучение через призму этих категорий, что позволит студенту осознавать конечную цель своих учебных действий и последовательность операций для ее достижения. Это является необходимым условием для подготовки инженера-практика.

Исходя из вышесказанного, структура образовательной программы должна строиться не вокруг перечня учебных дисциплин, а вокруг профессиональных задач и формируемых компетенций. Существующие образовательные программы не учитывают внутреннюю психологическую структуру деятельности студента. В частности, недооценивается роль мотивационного компонента как системообразующего фактора, обеспечивающего переход от учебной деятельности к профессиональной.

Учебный план необходимо наполнять практико-ориентированными модулями, где решение реальной производственной задачи требует интеграции знаний из различных областей. Такой подход позволяет студенту уже во время обучения пройти путь от постановки цели до получения готового продукта, обеспечивает смысловое наполнение учебной деятельности, трансформируя ее из формального освоения программы в осмысленный процесс профессионального становления. Эта трансформация напрямую зависит от развития мотивационно-смысловой сферы личности студента, его перехода от роли пассивного потребителя знаний к позиции активного субъекта будущей профессии. Таким образом, именно мотивационный компонент выступает ядром, интегрирующим учебную деятельность в профессиональную.

Несмотря на обилие исследований, ключевой проблемой остается разрыв между теоретическими моделями мотивации и их практической реализацией в условиях современного инженерного вуза. Большинство существующих работ носят констатирующий характер, описывая текущее состояние мотивационной сферы студентов без разработки действенных механизмов ее трансформации. Классическая знаниевая парадигма образования подвергается все более жесткой критике в современных исследованиях.

Классические подходы, заложенные Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым, требуют адаптации к вызовам цифровой экономики и проектной парадигмы образования. В условиях стремительного роста технологий знания устаревают быстрее, чем длится цикл обучения в вузе. Это делает бессмысленной простую передачу информации от преподавателя к студенту как основную цель образования. На смену ей приходит подход, где главным результатом становится не объем усвоенных фактов, а способность выпускника к эффективной профессиональной деятельности и непрерывному самообучению на протяжении всей карьеры.

Для решения поставленной научной проблемы в данной статье будет проведен сравнительный анализ структуры учебной и профессиональной деятельности инженера. В качестве методологической основы исследования выступит деятельностный подход, позволяющий смоделировать процесс трансформации учебной мотивации в профессиональную.

Научная проблема статьи – неэффективность проектирования образовательного процесса, который игнорирует динамику трансформации учебной мотивации в профессиональную. Отсутствие целостной модели мотивационно-целевого блока приводит к выпуску специалистов, не готовых к требованиям современного производства.

Целью статьи является анализ структуры учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров с акцентом на роль и место в ней мотивационного компонента. На основе данного анализа обосновывается необходимость проектирования образовательных программ, ориентированных не только на формирование набора компетенций, но и на целенаправленное развитие внутренней мотивации, что закладывает основу для его успешной профессионализации и быстрой адаптации на рынке труда.

Обзор литературы. Научное направление «инженерная педагогика», сформированное в последней трети XX века, занимается подготовкой инженерных кадров. Оно основывается на работах в области педагогики (В.М. Жураковский, А. Мелецinek, В.М. Приходько, З.С. Сазонова и др.) и психологии (В.А. Бодров, В.П. Зинченко, Б.Ф. Ломов, и др.), а также других исследователей закономерностей функционирования учебной и профессиональной деятельности (Р.М. Асадуллин, А.А. Кирсанов, А.И. Чучалин, и др.). Анализ литературы показывает, что инженерное образование сохраняет высокий уровень дискуссий, однако сохраняется терминологическая неопределенность.

Из теории деятельности следует выделить два направления: учебную деятельность как

ведущий тип активности студента и профессиональную деятельность как цель его подготовки. Эти две стороны являются ветвями общей теории деятельности (А.А. Вербицкий, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Б. Ломов, С.Л. Рубинштейн) и включают в себя необходимый для овладения профессией образовательный функционал, методологию и разделы психологической структуры деятельности в педагогике. Учебная деятельность выступает основой будущей профессиональной деятельности.

Историко-функциональный подход, фиксируя лишь внешние проявления деятельности инженера, игнорирует ее внутреннюю психологическую структуру, что противоречит методологии деятельности А.Н. Леонтьева¹.

Деятельностный подход рассматривает любую активность как систему, имеющую свою иерархию. Принцип единства сознания и деятельности (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев) подчеркивает определяющую роль мотивационной сферы, которая напрямую влияет на успешность и продуктивность деятельности.

Большой вклад в изучение мотивации внес Л.С. Выготский, введя понятие «мотивационная сфера» и разграничив понятия «мотив» и «стимул» для пояснения мотивационного поведения². Он показал, что истинный мотив выражается внутренней потребностью субъекта в познании: стремлением усвоить новые знания и овладеть новыми познавательными средствами.

Принцип единства сознания и деятельности раскрывается через предметную активность. Как отмечает З.А. Решетова, сам предмет может выступать в качестве мотива, но важно понимать, что мотивационная сфера – не единственный элемент психической активности субъекта [16]. Потребность, приобретая функцию мотива,

трансформируется в деятельность, которая, в свою очередь, обретает конкретную цель при взаимодействии субъекта с объектом.

В.Д. Шадриков³ выделяет инвариантную структуру трудовой и учебной деятельности, а Б.Ф. Ломов⁴ акцентирует внимание на роли мотива и цели как системообразующих факторов любой деятельности.

Практические результаты по исследованию генезиса мотивационного блока были получены в рамках концепции системогенеза деятельности А.В. Карповым и Е.В. Карповой. В своих работах они доказали, что развитие мотивационной сферы личности в процессе обучения подчиняется принципам неравномерности и гетерохронности, что объясняет различную динамику формирования учебных и профессиональных мотивов у студентов [7].

Современные исследования А.П. Каитова [8] и В.Н. Лымарева [12] подчеркивают возрастающее влияние педагогических факторов, таких как личность преподавателя и интерактивные методы обучения, на формирование устойчивой мотивации.

Работы Д.З. Ахметовой [1], Л.М. Баишевой [2], М.Р. Бековой [3], Т.А. Борзовой [4], И.А. Ганичевой [6] рассматривают мотивацию в призмах современных, технологически насыщенных условиях. Авторы отмечают, что мотивационный акцент смещается с простой успеваемости на более глубокие и значимые для личности обучающегося цели: осознанное учение, формирование компетенций, будущая профессиональная деятельность, личностное развитие.

Исследования В.В. Кондратьев [10], А.О. Косачевой [9], О.И. Лаптевой [11], Г.В. Миловановой [13] показывают, что для образовательного процесса критически важно знать не только «насколько»

¹ Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Смысл, 2015. 176 с.

² Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. 423 с.

³ Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Логос, 2007. 189 с.: ил., табл.

⁴ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Директ-Медиа, 2008. 1174 с. ISBN 978-5-9989-0399-1.

студент мотивирован, но и «чем именно» он мотивирован – учебой, наукой, карьерными перспективами, и как эта структура мотивов меняется от курса к курсу.

Особую значимость в этом контексте приобретает теория самодетерминации Эдварда Деси и Ричарда Райна [18]. Их работа предлагает не просто классификацию мотивов, а фундаментальную теорию, объясняющую условия, способствующие переходу от внешней мотивации (например, получение диплома) к внутренней (интерес к самой инженерной задаче). Именно создание образовательной среды, поддерживающей автономию, компетентность и взаимосвязанность студента, является условием для формирования глубокой профессиональной идентичности будущего инженера.

Для описания мотивационной составляющей деятельности представляет интерес интегративная модель структуры мотивационного процесса – так называемая «модель Рубикона», состоящая из нескольких фаз, которую можно с небольшими изменениями и дополнениями взять за базовую модель, поясняющую психологическое содержание учебной и трудовой деятельности инженера:

1. Подготовительная мотивационная фаза, в течение которой потребности оформляются и становятся интенциями (намерениями), встроенными в иерархию ценностей. Итогом этой фазы является выбор субъектом доминирующего мотива. Этот выбор часто носит циклический характер, а сам мотив может трансформироваться под влиянием реальных условий.

2. Фаза планирования начинается с формирования личного смысла деятельности. Здесь уточняются намерения, определяются задачи и выстраивается конкретный план достижения цели с образами желаемого результата. Переход от первой фазы ко второй происходит через волевой акт, когда намерение преобразуется в целенаправленное стремление.

3. Фаза действия. Когда все ресурсы субъекта (мотив, личностные качества,

целенаправленность действий) подчинены достижению результата.

4. Фаза оценки результатов, где итогом является удовлетворенность и постановка новой цели.

Данная модель служит отличной иллюстрацией принципа единства сознания и деятельности, подчеркивая динамичный и нелинейный характер мотивационного процесса. Она показывает, как абстрактный «мотив» А.Н. Леонтьева проходит через этапы конкретизации (планирования) и реализации (действия).

Проведенное исследование дополняет существующие подходы к обеспечению качества инженерного образования. Если в работах Ю.П. Похолкова акцент делается на внешних механизмах оценки и проектирования образовательной среды, то в статье смещается фокус на внутреннюю психологическую структуру самого субъекта – будущего инженера [15]. Автор доказывает, что без формирования целостного мотивационно-целевого блока любые внешние меры по повышению качества будут малоэффективны. Следовательно, структура предлагает инструмент для работы с первопричиной – мотивацией студента.

В современной педагогике проблема мотивации рассматривается не только с теоретической, но и с практической, измеримой стороны. Если классические теории (А. Маслоу, А.Н. Леонтьев) закладывают фундаментальное понимание природы мотивации, то современные исследования смещают фокус на разработку прикладных инструментов для ее оценки и управления. Ярким примером такого подхода является работа С.А. Степанова, который рассматривает систему критериев оценки уровня мотивации студентов инженерных направлений (доля студентов в научных исследованиях, доля свободного времени на изучение предметов). Важно отметить, что эти критерии отражают переход от пассивного интереса к активной позиции студента [17].

Однако, как показывает анализ подобных работ, простое измерение уровня

мотивации без понимания ее внутренней структуры не всегда приводит к желаемому результату. Разработанные шкалы и матрицы (как в исследовании С.А. Степанова) позволяют констатировать текущее состояние, но для качественного скачка в инженерном образовании требуется более глубокое понимание механизмов трансформации учебной мотивации в профессиональную. Это порождает необходимость в разработке целостных моделей мотивационно-целевого блока, которые бы описывали не просто уровень, а саму структуру и динамику мотивационной сферы будущего инженера.

Таким образом, несмотря на общность в выделении базовых компонентов деятельности (мотив, цель, средства), исследователи по-разному трактуют их содержательное взаимодействие применительно к специфике инженерного труда. Это порождает необходимость дальнейшего изучения механизмов перестройки мотивационной сферы студента, в ходе которой учебные задачи трансформируются в осмысленные профессиональные действия.

Материалы и методы. В основу методологического аппарата исследования положен системный подход, который рассматривает мотивационно-целевой блок не как совокупность элементов, а как целостную, динамичную систему с прямыми и обратными связями. Выбор данного подхода обусловлен сложностью и многоуровневостью объекта исследования – процесса трансформации учебной деятельности в профессиональную. Данный подход позволяет анализировать не только отдельные компоненты (мотивы, цели, потребности), но и характер их взаимодействия, а также влияние на них внешних и внутренних факторов, что обеспечивает комплексность анализа.

Реализация системного подхода осуществляется через принцип целостности, предполагающий неразрывное единство анализа и синтеза. На первом этапе был проведен декомпозиционный анализ существующей системы подготовки инженеров

выявления ее элементов и связей. На втором этапе, на основе синтеза теоретических положений и эмпирических данных, была осуществлена интеграция этих элементов в новую структуру – авторскую структуру мотивационно-целевого блока. Такой подход позволил не просто описать компоненты мотивации, но и сконструировать целостный, функциональный механизм, способный к саморазвитию и адаптации под влиянием результатов профессиональной деятельности.

Для решения поставленных задач и цели исследования использовался комплекс взаимодополняющих методов. Методы исследования:

1. Теоретические методы составили основу исследования. Был проведен анализ и синтез отечественной и зарубежной научной литературы: систематизация знаний о мотивационном компоненте учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров; обобщение для формирования целостного представления о структуре мотивационного компонента на основе изученных данных. На основе обобщения данных сформировалось целостное, непротиворечивое представление о структуре мотивационного компонента.

2. Графическое представление выступило в качестве ключевого метода для визуализации разработанной структуры мотивационно-целевого блока, что способствует более глубокому пониманию взаимосвязей между его элементами и интерпретации результатов исследования. Для наглядного представления разработанной структуры мотивационно-целевого блока была создана структурно-функциональная схема (рис. 1). Этот метод способствует более глубокому пониманию взаимосвязей между его элементами, таких как обратная связь от результата деятельности к исходным потребностям, и позволяет наглядно интерпретировать результаты исследования.

3. Эмпирический метод в рамках данного исследования реализован через изучение и рефлексивный анализ собственной педагогической практики

автора. Данный метод был направлен на выявление объективных противоречий, существующих в современной системе инженерного образования, и послужил практической основой для проектирования структуры мотивационно-целевого блока.

На основе синтеза теоретических знаний и анализа педагогической практики автором предложена структура мотивационно-целевого блока учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров (рис.1).

Научная новизна исследования.

Научная новизна исследования заключается в разработке авторской структуры мотивационно-целевого блока учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров, что позволяет уточнить место и роль мотивационного компонента в процессе подготовки инженеров. В отличие от существующих подходов, которые зачастую рассматривают мотивацию как линейную последовательность (потребность – мотив – действие) или игнорируют ее внутреннюю психологическую структуру, данная структура акцентирует внимание на интеграции ключевых элементов. Предложенная структура впервые рассматривает мотивационно-целевой блок не как статичный набор элементов, а как открытую систему с прямыми и обратными связями. Это позволяет учесть, что результат деятельности оказывает обратное влияние на всю систему, корректируя исходные потребности и мотивы на последующих этапах. Интеграция в единую структуру внутренних (потребности, мотивы) и внешних (условия деятельности, социальные стимулы) детерминант создает более целостный инструмент для анализа профессионального становления инженера.

Теоретическая значимость работы.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии теоретических основ педагогики и психологии, систематизации знаний о мотивационном компоненте в контексте инженерной педагогики. Исследование конкретизирует и дополняет положения деятельностного подхода применительно к специфике современного

инженерного образования. Систематизация знаний о мотивационном компоненте позволяет уточнить понятийный аппарат инженерной педагогики, вводя в него интегральное понятие «мотивационно-целевой блок». Результаты исследования могут служить теоретической основой для дальнейшего изучения проблем профессионального развития личности, а также для разработки более сложных моделей, учитывающих влияние цифровых технологий и изменяющихся требований рынка труда. Графическое представление структуры делает результаты исследования доступными для понимания и практического применения в системе высшего образования.

Практическая значимость работы.

Практическая значимость работы определяется возможностью прямого применения разработанной структуры мотивационно-целевого блока в образовательном процессе технических вузов для его оптимизации. На ее основе могут быть разработаны диагностические программы для мониторинга состояния мотивационной сферы студентов на разных курсах обучения, что позволит выявлять точки падения мотивации и своевременно на них реагировать. Предложенная структура является не просто теоретическим конструктом, а действенным инструментом для повышения качества подготовки инженерных кадров.

Результаты исследования. Одной из главных смыслообразующих категорий, обеспечивающих уровень личностного включения обучающегося в образовательный процесс, важнейшей начальной ступенью к достижению личных и профессиональных целей, является мотив. Позитивная профессиональная мотивация, сформированная во время обучения в высшей школе, обеспечивает успешность формирования у будущих инженеров профессиональных компетенций и личностной готовности к реализации трудовых функций в соответствии с требованиями квалификации. Мотив и мотивация являются главными компонентами структуры мотивационно-целевого блока как учебной,

так и последующей профессиональной деятельности будущего инженера (рис.1).

Чтобы понять роль мотивационного компонента в учебной деятельности студента и влияние его на последующую профессиональную деятельность выпускника, необходимо рассмотреть понятийно-терминологическое пространство мотивационно-целевого блока для обоих видов деятельности. На основе анализа научно-исследовательских работ в области педагогики и психологии автор предлагает следующую интерпретацию терминов, входящих в структурную схему мотивационно-целевого блока учебной и трудовой деятельности, которая для каждого элемента приведена ниже, применительно к квалификации – инженер. Генезис мотивов и мотивационной сферы личности в учебной деятельности предполагает не только развитие мотивов, но и их редукцию – исчезновение многих мотивов, которые были актуальны для абитуриента при поступлении и во время обучения на младших курсах, но становятся неактуальными на старших курсах, после знакомства с производством во время практико-ориентированного обучения. Формирование мотивационной сферы объективно должно носить не статический, «застывший» характер, а находиться в динамическом поиске разнообразных форм, развитии ее компонентов мотивационно-целевого блока и их соотношений (рис.1).

Рассмотрим содержание блоков структурной схемы (рис. 1) и принятую автором интерпретацию терминов:

- **Потребность:** внутреннее состояние недостаточности, служащее объективной основой для стремления организма к нормальному функционированию и развитию. В учебной деятельности ключевыми являются познавательные потребности – изучать, анализировать, воспринимать информацию, и потребности в самоактуализации – развитие личных качеств и способностей, физическое и интеллектуальное самосовершенствование, стремление к достижению успехов и поставленных целей, готовность

к самообразованию. Нужно признать, что нет надежного количественного измерителя удовлетворенности потребностей человека и классы потребностей достаточно условны и не имеют упорядоченной иерархии и четких границ.

- **Мотив:** конкретизированная форма потребности; побуждающая сила и причина, определяющая личностный смысл деятельности. Одна и та же цель для студентов на разных этапах обучения может быть наполнена разными личностными смыслами, соответственно и мотив, для достижения конкретной цели, будет варьироваться. Автор определяет мотив как интегративную характеристику личности, которая обуславливает осознанную направленность поведения на достижение цели и получения результата. По мере осуществления деятельности мотивы выстраиваются в иерархическую систему, где выделяется главный мотив, ведущий к результату и второстепенные мотивы, стимулирующие достижение цели.

- **Мотивация:** процесс реализации потребностей и мотивов, вызывающий активность организма и определяющих ее направленность. Это динамическая система, состоящая из блоков, которые последовательно формируют действия субъекта – от возникновения потребности до получения результата. Мотивация на основании личных побуждений и стремлений определяет осознанную направленность поведенческой активности для достижения поставленной цели. Мотивация возникает под влиянием внешних условий, побуждающих субъекта найти путь к удовлетворению своих потребностей и активировать его поведенческую сторону проявления характера.

- **Субъект деятельности:** ключевой элемент генезиса деятельности. Рассматривается как целостное объединение индивида, индивидуальности, личности и самого субъекта деятельности – носителя и «реализатора» предметной деятельности. Если рассматривать учебную деятельность, то в контексте данного исследования субъектом является студент, ориентированный на лич-

ностное развитие, а в начальной производственной деятельности – молодой специалист, познающий себя в практической профессиональной деятельности. При этом мы, упоминая субъект, понимаем обобщенный образ человека, содержащий все свойственные ему психические характеристики индивидуальности, личности и деятельности.

- **Личностный смысл:** личностный смысл основывается на потребностях, мотивах, мотивации. Психологически связан с отношением личности к себе, коллективу и результату профессиональной деятельности. Формирует индивидуальность подхода к образованию и профессиональной деятельности. Личный смысл деятельности, существуя в неразрывной связи с мотивом, формирует индивидуальность подхода к образованию и профессиональной деятельности. Личностный смысл субъекта деятельности трансформируется в нормативные цели и задачи.

- **Цель:** осознанный образ ожидаемого результата, на достижение которого направлено действие человека. Цель придает деятельности направленность и конкретизирует мотив для достижения результата. Она следует за мотивом и конкретизирует его. В приведенном структурном блоке деятельности (рис. 1) цели и мотивы учебной и профессиональной деятельности различаются по содержанию, которые, следует конкретизировать по определенным направлениям деятельности и корректировать для профессиональных групп.

- **Задача:** детальное описание цели или этапа ее достижения.

- **Нормативные способы деятельности:** способы выполнения действий, регламентированные правилами, стандартами, законами, инструкциями. Выступают в роли регулятора, подчиняя деятельность субъекта установленным нормам. В дальнейшем нормативный способ деятельности в предметном действии уточняя цель деятельности, этапность программы деятельности, позволяет отрабатывать различные процедуры принятия решений

с учетом программы деятельности и личностных качеств субъекта деятельности.

- **Программа деятельности:** план или алгоритм действий, выстраиваемый в соответствии с индивидуальными качествами субъекта. Определяет последовательность этапов работы, выбор условий и нормативных способов деятельности, необходимых для достижения цели и получения запланированного результата.

- **Субъективные и объективные условия деятельности:** совокупность факторов, определяющих успешность выполнения деятельности. **Объективные условия деятельности:** социальные условия, материально-технические ресурсы, законы, места практической подготовки. **Субъективные условия деятельности:** мотивация, личностные качества, способности, знания, умения, навыки.

- **Личностные качества субъекта:** индивидуальные свойства, формирующиеся и развивающиеся в процессе деятельности. Они влияют на характер и эффективность труда, могут быть профессионально важными, значимыми, специализированными. Личностные качества не статичны, под влиянием профессиональной деятельности они формируются и развиваются.

- **Целенаправленные действия субъекта:** действия, обусловленные программой деятельности и направленные на ее реализацию. Их успех зависит от сочетания объективных и субъективных условий.

- **Результат:** итог деятельности, полученный субъектом в результате следования своим мотивам и выполнения программы действий.

В ходе исследования установлено, что мотивационно-целевой блок представляет собой сложную динамическую систему. Он включает в себя не только базовые элементы (потребность – мотив – цель), но и регуляторные компоненты (программа деятельности, задачи, условия деятельности), которые опосредуют связь между начальным импульсом и конечным результатом.

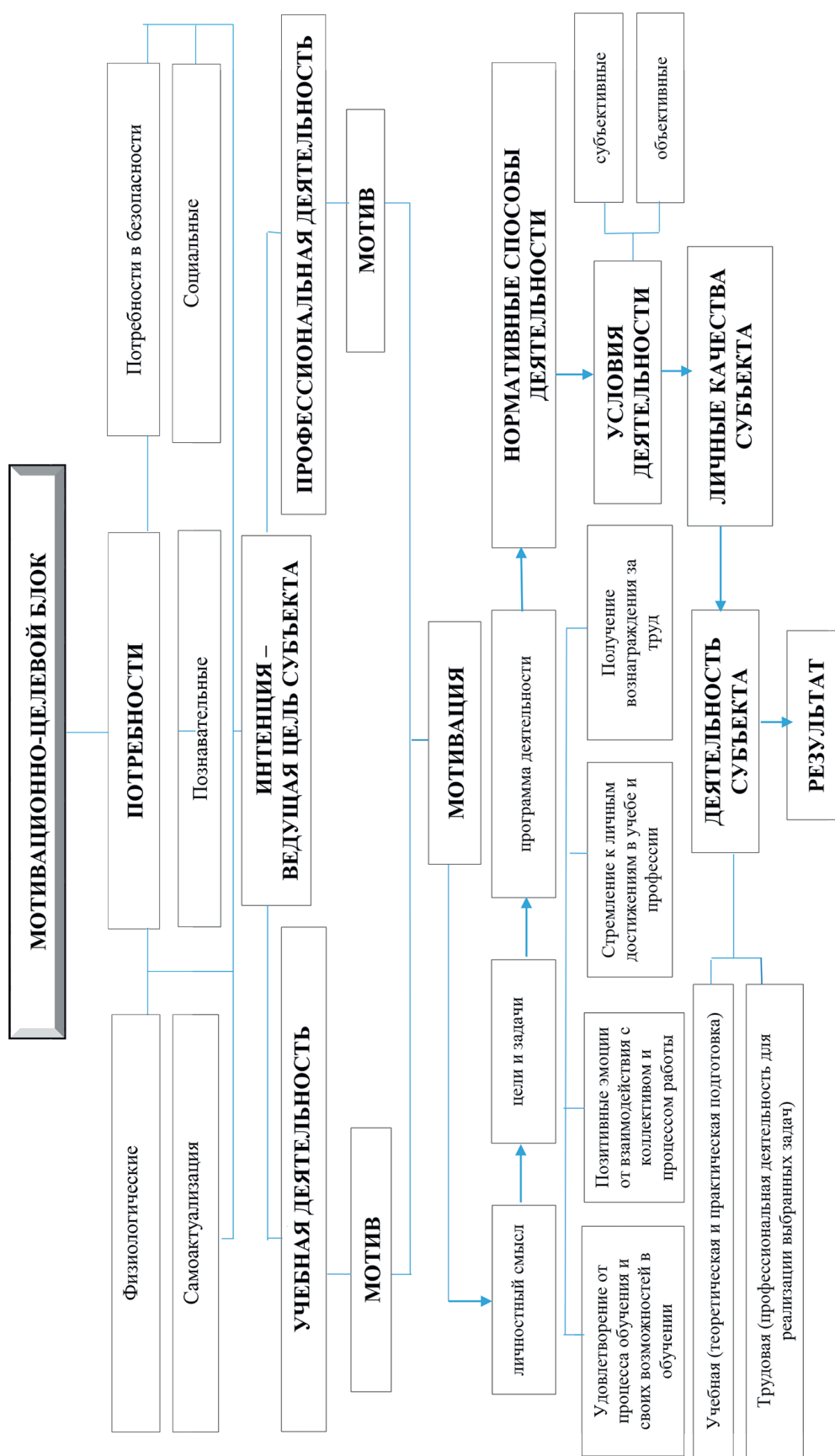

Рис. 1. Структура мотивационно-целевого блока учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров

Генезис этой системы носит нелинейный характер и предполагает не только развитие, но и редукцию мотивов, утративших актуальность для будущей профессии. Мотивационный компонент является не просто одним из элементов, а смыслообразующим ядром и системным фактором, определяющим успешность всего процесса профессионального становления будущего инженера. Эффективность подготовки инженера определяется не столько объемом усвоенных знаний, сколько сформированностью целостной и гибкой мотивационно-целевой системы.

Важным результатом является выявление механизма трансформации учебной мотивации в профессиональную. Исследование показало, что этот переход не происходит автоматически. Он требует целенаправленного педагогического проектирования образовательной среды. Первоначальные внешние мотивы (получение диплома) должны быть трансформированы во внутренние мотивы (интерес к предмету), которые затем, при контакте с реальным производством, перерастают в истинно профессиональные мотивы (стремление к созданию продукта). Предложенная система наглядно демонстрирует этот переход как последовательную смену доминант внутри единой системы.

Еще одним результатом исследования стало установление системообразующей роли «субъекта деятельности». В отличие от пассивного объекта обучения, будущий инженер выступает центром системы. Именно он интегрирует все компоненты: от потребности до результата. Его индивидуальные качества определяют выбор нормативных способов деятельности и формируют уникальную программу действий. Таким образом, качество подготовки зависит не только от содержания программы вуза, но и от способности студента преобразовать внешнюю задачу в личную цель.

Исследование подтвердило нелинейный характер развития мотивации. Установлено, что генезис мотивов пред-

полагает не только их развитие (появление новых), но и редукцию – отмирание неактуальных стимулов. Исследование зафиксировало закономерность: мотивы абитуриента (престиж профессии) часто редуцируются на 2-3 курсе после столкновения с реальной сложностью учебы. На старших курсах доминирующими становятся прагматические мотивы (статус, зарплата) и профессиональные (содержание работы). Понимание этой динамики позволяет вузам корректировать образовательные программы для удержания мотивации студентов на критических этапах обучения.

Ключевой особенностью предложенной структуры является наличие обратных связей, замыкающих цикл деятельности. Полученный результат не просто завершает процесс, а становится новым источником информации для всей системы. Успешность формирования профессиональной деятельности напрямую зависит от качественной трансформации учебной мотивации в профессиональную. Первоначальные внешние мотивы (сдать сессию, получить диплом) в процессе практико-ориентированного обучения должны смениться внутренними: потребностью в решении сложных инженерных задач, стремлением к созданию нового продукта, профессиональному мастерству. Этот переход знаменует собой становление студента как субъекта будущей профессии.

Анализ динамики мотивационной сферы показывает, что генезис мотивов предполагает их существенную трансформацию. Многие мотивы, актуальные для абитуриента (например, престиж вуза, социальный статус), редуцируются по мере погружения в учебный процесс. На старших курсах, после знакомства с производством, доминирующими становятся прагматические и профессиональные мотивы, связанные непосредственно с содержанием будущей работы. Таким образом, формирование мотивационной сферы – это непрерывный процесс отсечения не-

актуальных стимулов и кристаллизации профессионально значимых.

Центральным связующим звеном в данной структуре выступает субъект деятельности – будущий инженер. Именно он интегрирует все компоненты системы, придавая им уникальный личностный смысл. Его индивидуальные качества, знания и способности определяют выбор нормативных способов деятельности и формируют субъективную программу действий. От уровня развития личности зависит, насколько эффективно она сможет преобразовать внешнюю задачу в личную цель и мобилизовать свои ресурсы для ее достижения.

Таким образом, мотивационный компонент является не просто одним из элементов, а системным фактором и смыслообразующим ядром всего процесса профессионального становления. Предложенная структура наглядно демонстрирует, что эффективность подготовки инженера определяется не столько объемом усвоенных знаний, сколько сформированностью целостной и гибкой мотивационно-целевой системы, способной к саморазвитию через механизм обратной связи. Это позволяет сделать вывод о необходимости целенаправленного педагогического воздействия на все элементы данного блока для оптимизации образовательного процесса.

Обсуждение и заключение. В ходе работы автором получены следующие научные результаты:

1. Уточнено понятие «мотив» применительно к контексту инженерной деятельности: он определен как интегративная характеристика личности, обуславливающая осознанную направленность поведения для достижения цели и получения результата.

2. Разработана авторская структура мотивационно-целевого блока учебной и профессиональной деятельности будущих инженеров. В отличие от существующих подходов, данная модель представляет собой комплексную систему с прямыми и обратными связями.

3. Определено место мотивационного компонента в общей структуре деятельности, что позволило выявить его системообразующую роль в процессе перехода от учебной к профессиональной деятельности, выступая ядром, интегрирующим все остальные элементы.

4. Предложена графическая визуализация структуры (рис. 1), которая делает теоретические положения доступными для анализа и практического применения в системе высшего образования.

Таким образом, автором разработана целостная структура мотивационно-целевого блока, конкретизирующая состав и взаимосвязи элементов, детерминирующих активность будущих инженеров. Мотивационный компонент является основой для формирования их профессиональной готовности. Понимание его структуры и влияния на учебную и профессиональную деятельность позволяет оптимизировать процесс обучения и повысить его эффективность.

Ключевым отличием предложенной модели от традиционных подходов является акцент на ее нелинейном характере. Признание наличия обратных связей, где результат деятельности влияет на корректировку потребностей и мотивов, позволяет по-новому взглянуть на педагогический процесс. Успех студента в решении сложной практической задачи становится не просто оценкой знаний, а мощным фактором, укрепляющим его внутреннюю профессиональную мотивацию и формирующим уверенность в своих силах (компетентность). Этот аспект подчеркивает важность ранней интеграции студентов в реальные производственные процессы.

Проведенное исследование подтверждает, что разрыв между академическими знаниями и требованиями производства невозможно преодолеть исключительно за счет обновления содержания образовательной программы. Необходимо работать над внутренней, смысловой стороной обучения. Без развитой мотивации даже самый современный учебный материал останется

невостребованным. Следовательно, фокус педагогического воздействия должен быть смещен с передачи информации на создание образовательной среды, которая формирует у студента устойчивый интерес к инженерному делу и осознание ценности своей будущей профессии.

Практическая реализация предложенной модели требует пересмотра роли преподавателя в образовательном процессе. Из транслятора знаний он должен превратиться в наставника, способного помочь студенту сформулировать личные профессиональные цели, увидеть связь между учебными задачами и реальными производственными вызовами.

Внедрение разработанной структуры мотивационно-целевого блока в практику работы технических вузов позволит не только повысить академическую успеваемость, но и решить более глобальную задачу – сократить период адаптации молодого специ-

алиста на рабочем месте. Когда выпускник приходит на производство с уже сформированным пониманием своей роли, целей и ценностях в профессии, он становится не просто исполнителем, а полноценным участником производственного процесса, готовым к профессиональной деятельности.

В качестве перспектив дальнейших исследований выступает разработка методического инструментария для количественной оценки компонентов мотивационно-целевого блока, а также лонгитюдное исследование, позволяющее отследить динамику изменения профессиональной мотивации студентов с первого курса до момента трудоустройства. Кроме того, интересным направлением видится изучение инструментов искусственного интеллекта на трансформацию мотивационной сферы будущего инженера, а также адаптация данной модели для конкретных инженерных специальностей.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова Д.З., Набиев Р.Р. Развитие мотивации к осознанному учению студентов технического вуза в контексте цифровизации образования [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-2. С. 12-15. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-motivatsii-k-osoznannomu-uchenyu-studentov-tehnicheskogo-vuza-v-kontekste-tsifrovizatsii-obrazovaniya> (дата обращения: 14.02.2026).
2. Баишева Л.М. Методологические подходы и педагогические условия формирования учебной мотивации будущих инженеров (на примере Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс] // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2020. № 07 (48). Режим доступа: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/metodologicheskie-podkhody-i-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-uchebnoj-motivatsii-budushhikh-inzhenerov-na-primere-respubliki-sakha-yakutiya.html>.
3. Бекова М.Р. Хаматханова Ж.М., Пугоева А.О. Формирование мотивации студентов к профессиональной деятельности [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2025. № 87-4. С. 44-47. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-motivatsii-studentov-k-professionalnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 10.02.2026).
4. Борзова Т.А. Мотивация студентов к обучению в современном вузе [Электронный ресурс] // МНКО. 2023. №5 (102). С. 11-13. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-obucheniyu-v-sovremennom-vuze/viewer> (дата обращения: 16.02.2026).
5. Вербицкий А.А., Бакшаева Н.А. Проблема трансформации мотивов в контекстном обучении [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 93-95. Режим доступа: <https://>

library.by/portalus/modules/psychology/readme.php?subaction=showfull&id=1107523850&archive=1120045935&start_from=&ucat=&&ysclid=mpxub9tvte73996690 (дата обращения: 21.02.2026).

6. Ганичева И.А., Морозов А.В. Теоретические и практические аспекты развития учебно-профессиональной мотивации студентов вуза [Электронный ресурс] // Проблемы общества, науки и образования в условиях геополитической турбулентности: материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 31 марта 2024 г.) Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2024. С. 74-77. Режим доступа: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/184265> (дата обращения: 17.01.2026).

7. Карпов А.В., Карпова Е.В. Экспериментальное исследование взаимосвязи интенсивности мотивации и структурной организации когнитивной сферы личности [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2016. Т. 9, № 4. С. 59-67. Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2016_n4/karpov (дата обращения: 21.02.2026).

8. Каитов А.П. Формирование позитивной профессиональной мотивации бакалавров педагогического образования в условиях индивидуализации образовательного процесса [Электронный ресурс] // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. № 3 (55). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pozitivnoy-professionalnoy-motivatsii-bakalavrov-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-usloviyah-individualizatsii> (дата обращения: 10.03.2026).

9. Косачева А.О. Мотивация студентов к обучению и профессиональному развитию. [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 235-238. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-obucheniyu-i-professionalnomu-razvitiyu/viewer?ysclid=mpxzct893d604427780> (дата обращения: 16.02.2026).

10. Кондратьев В.В., Казакова У.А. Онтология формирования представления об инженерере инновационного типа [Электронный ресурс] // Инженерное образование. 2022. Вып. 31. С. 58-66. Режим доступа: https://old.aeer.ru/files/io/m31/art_4.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

11. Лаптева О.И., Корнилова А.Г. Мотивация студентов технических специальностей к научной деятельности [Электронный ресурс] // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. № 6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-tehnicheskikh-spetsialnostey-k-nauchnoy-deyatelnosti?spm=a2tyo01.29997173.0.0.68d655fbdMXsqp&ysclid=mpxw5h9xc7998769333> (дата обращения: 10.03.2026).

12. Лымарев В.Н., Уварина Н.В. Методологические основы разработки системы формирования профессиональной мотивации военнослужащих Росгвардии [Электронный ресурс] // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2022. № 3. С. 26-33. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-razrabotki-sistemy-formirovaniya-professionalnoy-motivatsii-voennosluzhaschih-rosgvardii> (дата обращения: 23.02.2026).

13. Милованова Г.В., Куляшова Н.М., Шемякина Е.Ю. Сравнительный анализ мотивационных особенностей студентов на разных этапах обучения [Электронный ресурс] // Концепт. 2022. № 6. С. 46-57. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-motivatsionnyh-osobennostey-studentov-na-raznyh-etapah-obucheniya> (дата обращения: 23.02.2026).

14. Овчаренко А.Г. Повышение роли мотивации в инженерном образовании [Электронный ресурс] // Инженерное образование. 2023. № 33. С. 7-12. Режим доступа: https://old.aeer.ru/files/io/m33/art_1.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

15. Похолков Ю.П. Подходы к оценке и обеспечению качества инженерного образования [Электронный ресурс] // Инженерное образование. 2022. № 31. С. 93-106. Режим доступа: https://old.aeer.ru/files/io/m31/art_10.pdf (дата обращения: 23.02.2026).

16. Решетова З.А. Психика и деятельность. Психический механизм усвоения [Электронный ресурс] // Национальный психологический журнал. 2017. № 3 (27). С. 40-55. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihika-i-deyatelnost-psichicheskij-mehanizm-usvoeniya> (дата обращения: 11.02.2026).

17. Степанов С.А. Критерии оценки уровня мотивации студентов к процессу инженерного образования [Электронный ресурс] // Инженерное образование. 2022. № 31. С. 37-44. Режим доступа: https://old.aeer.ru/files/io/m31/art_4.pdf.

18. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior [Электронный ресурс] // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, No 4. P. 227-268. Режим доступа: <https://uploads-ssl.webflow.com/5e3d79e2c0abf1c6e78db348/5ec24eafe1f420d979c00566Deci%20%26%20Ryan%20The%20What%20and%20Why.pdf>.

REFERENCES

1. Akhmetova, D.Z., Nabiev, R.R. Developing motivation for conscious learning among students of a technical university in the context of digitalization of education [Electronic resource] // Problems of Modern Pedagogical Education. 2022. No. 76-2. P. 12-15. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-motivatsii-k-osoznannomu-uchenyu-studentov-tehnicheskogo-vuza-v-kontekste-tsifrovizatsii-obrazovaniya> (date of access: 14.02.2026). [In Russ.]

2. Baisheva, L.M. Methodological approaches and pedagogical conditions for the formation of educational motivation of future engineers (the case of the Republic of Sakha (Yakutia) [Electronic resource] // The world of Pedagogy and Psychology: international scientific and practical journal. 2020. No. 07 (48). Access mode: <https://scipress.ru/pedagogy/articles/metodologicheskie-podkhody-i-pedagogicheskie-usloviya-formirovaniya-uchebnoj-motivatsii-budushhikh-inzhenerov-na-primere-respubliki-sakha-yakutiya.html>. [In Russ.]

3. Bekova, M.R., Khamatkhanova, Zh.M., Pugoeva, A.O. Formation of students' motivation for professional activity [Electronic resource] // Problems of modern pedagogical education. 2025. No. 87-4. P. 44-47. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-motivatsii-studentov-k-professionalnoy-deyatelnosti> (date of access: 10.02.2026). [In Russ.]

4. Borzova, T.A. Motivation of students to study at a modern university [Electronic resource] // MNKO. 2023. No. 5 (102). P. 11-13. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-obucheniyu-v-sovremennom-vuze/viewer> (date of access: 16.02.2026). [In Russ.]

5. Verbitsky, A.A., Bakshaeva, N.A. The problem of motive transformation in contextual learning [Electronic resource] // Questions of Psychology. 2001. No. 4. P. 93-95. Access mode: https://library.by/portalus/modules/psychology/readme.php?subaction=showfull&id=1107523850&archive=1120045935&start_from=&ucat=&ysclid=mpxub9vtte73996690 (date of access: 21.02.2026). [In Russ.]

6. Ganicheva, I.A., Morozov, A.V. Theoretical and practical aspects of developing academic and professional motivation of university students [Electronic resource] // Problems of Society, Science, and Education in the Context of Geopolitical Turbulence: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Kazan, March 31, 2024) Kazan: Kazan (the Volga Region) Federal University, 2024. P. 74-77. Access mode: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/handle/net/184265> (date of access: 17.01.2026) [In Russ.]

7. Karpov, A.V., Karpova, E.V. Experimental study of the relationship between the intensity of motivation and the structural organization of the cognitive sphere of an individual [Electronic resource] // Experimental Psychology. 2016. Vol. 9, No. 4. P. 59-67. Access mode: https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2016_n4/karpov (date of access: 21.02.2026) [In Russ.]

8. Kaitov, A.P. Formation of positive professional motivation of bachelors of pedagogical education in the context of individualization of the educational process [Electronic resource] // Scientific and pedagogical review. Pedagogical Review. 2024. No. 3 (55). Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-pozitivnoy-professionalnoy-motivatsii-bakalavrov-pedagogicheskogo-obrazovaniya-v-usloviyah-individualizatsii> (date of access: 10.03.2026). [In Russ.]

9. Kosacheva, A.O. Motivating students to learn and professionally develop. [Electronic Resource] // The World of Science, Culture, Education. 2022. No. 5 (96). P. 235-238. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-k-obucheniyu-i-professionalnomu-razvitiyu/viewer?ysclid=mpxzct893d604427780> (date of access: 16.02.2026). [In Russ.]

10. Kondratyev, V.V., Kazakova, U.A. Ontology of forming an idea about an innovative engineer [Electronic resource] // Engineering education. 2022. Issue 31. pp. 58-66. Access mode: https://old.aeer.ru/files/io/m31/art_4.pdf (date of access: 23.02.2026). [In Russ.]

11. Lapteva, O.I., Kornilova, A.G. Motivation of students of technical specialties for scientific activity [Electronic resource] // World of science. Pedagogy and Psychology, 2020. No. 6. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-studentov-tehnicheskikh-spetsialnostey-k-nauchnoy-deyatelnosti?spm=a2tyo01.29997173.0.0.68d655fbdMXsqp&ysclid=mpxw5h9xc7998769333> (date of access: 10.03.2026). [In Russ.]

12. Lymarev, V.N., Uvarina, N.V. Methodological foundations for developing a system for forming professional motivation of Rosgvardia Military Personnel [Electronic Resource] // SUSU Bulletin. Series: Education. Pedagogical Sciences. 2022. No. 3. P. 26-33. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-osnovy-razrabotki-sistemy-formirovaniya-professionalnoy-motivatsii-voennosluzhaschih-rosgvardii> (date of access: 23.02.2026). [In Russ.]

13. Milovanova, G.V., Kulyashova, N.M., Shemyakina, E. Yu. Comparative analysis of students' motivational characteristics at different stages of education [Electronic resource] // Concept. 2022. No. 6. P. 46-57. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-motivatsionnyh-osobennostey-studentov-na-raznyh-etapah-obucheniya> (date of access: 23.02.2026). [In Russ.]

14. Ovcharenko, A. G. Enhancing the role of motivation in engineering education [Electronic resource] // Engineering education. 2023. No. 33. P. 7-12. Access mode: https://old.aeer.ru/files/io/m33/art_1.pdf (date of access: 11.02.2026). [In Russ.]

15. Pokholkov, Yu.P. Approaches to assessing and ensuring the quality of engineering education [Electronic resource] // Engineering education. 2022. No. 31. P. 93-106. Access mode: https://old.aeer.ru/files/io/m31/art_10.pdf (date of access: 23.02.2026). [In Russ.]

16. Reshetova, Z.A. Psyche and activity. Mental mechanism of assimilation [Electronic resource] // National Psychological Journal. 2017. No. 3 (27). P. 40-55. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihika-i-deyatelnost-psihicheskii-mehanizm-usvoeniya> (date of access: 11.02.2026). [In Russ.]

17. Stepanov, S.A. Criteria for assessing the level of students' motivation in the process of engineering education [Electronic resource] // Engineering Education. 2022. No. 31. P. 37-44. Available at: https://old.aeer.ru/files/io/m31/art_4.pdf. [In Russ.]

18. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior [Electronic resource] // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11, No. 4. P. 227-268. Access mode: <https://uploads-ssl.webflow.com/5e3d79e2c0abf1c6e78db348/5ec24eafe1f420d979c00566Deci%20%26%20R%20yan%20The%20What%20and%20Why.pdf>.

Информация об авторе / Information about the author

Юлия Аркадьевна Дубровская, кандидат педагогических наук, доцент, научный сотрудник факультета подготовки кадров высшей квалификации. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России». 196105, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, пр. Московский, д. 149, e-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

Yulia A. Dubrovskaya, PhD (Pedagogy), Researcher, the Faculty of Advanced Training, Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 196105, the Russian Federation, St. Petersburg, 149 Moskovsky Prospekt, e-mail: DubrovskayaY-A@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 24.04.2026

Поступила после рецензирования 28.05.2026

Принята к публикации 29.05.2026

Received 24.04.2026

Revised 28.05.2026

Accepted 29.05.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-125-140>

УДК 81'276.6:[37.016:81]

Микрообучение и интервальные повторения в усвоении профессиональной иноязычной лексики

В.В.Майба¹✉, Ю.Б. Нектаревская²,
Л.В.Самыгина²

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
✉ vita.maiba@yandex.ru

² Ростовский государственный медицинский университет,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В условиях ограниченного учебного времени актуальной задачей языковой подготовки студентов неязыковых вузов остается сохранение профессиональной иноязычной лексики и ее использование в профессионально ориентированной коммуникации. Однако часть изученной лексики со временем переходит в пассивный словарь. В этой связи цель исследования состояла в разработке и экспериментальной проверке модели микрообучения с интервальными повторениями, направленной на повышение устойчивости усвоения профессиональной иноязычной лексики и сохранение способности студентов использовать ее в профессионально ориентированной коммуникации.

Материалы и методы. В исследовании участвовали 44 студента направления «Логистика», разделенные на контрольную и экспериментальную группы. В экспериментальной группе в течение восьми недель применялось микрообучение с интервальными повторениями в LMS Moodle. Для оценки результатов использовался лексико-грамматический тест с заданиями на распознавание, воспроизведение и контекстное использование лексики. Статистическая обработка включала t-критерий Стьюдента, RM-ANOVA.

Результаты исследования. На этапах отсроченного тестирования студенты экспериментальной группы сохраняли профессиональную лексику заметно лучше, чем участники контрольной группы. Через месяц после завершения курса различия между группами оставались явно выраженными. В ответах студентов экспериментальной группы специализированные термины использовались точнее и реже заменялись упрощенными терминами и фразеологическими оборотами.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтверждают положительное влияние микрообучения с интервальными повторениями на устойчивость усвоения профессиональной иноязычной лексики.

Ключевые слова: микрообучение, интервальные повторения, активное извлечение информации, распределенное обучение, профессиональная лексика, устойчивость усвоения

Для цитирования: Майба В.В., Нектаревская Ю.Б., Самыгин Л.В. Микрообучение и интервальные повторения в усвоении профессиональной иноязычной лексики. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 125–140. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-125-140>

© Майба В.В., Нектаревская Ю.Б., Самыгина Л.В., 2026

Microlearning and Spaced Repetition in the Acquisition of Professional Foreign Language Vocabulary

V.V. Maiba¹✉, Yu. B. Nektarevskaya²,
L.V. Samygina²

¹ Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, the Russian Federation

✉vita.maiba@yandex.ru

² Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, the Russian Federation

Annotation. Introduction. Within the limits of the academic time, the preservation of professional foreign language vocabulary and its use in professionally oriented communication remains an urgent task of language training for students of non-linguistic universities. However, some of the learned vocabulary eventually becomes a passive vocabulary. In this regard, the goal of the research was to develop and experimentally test a micro-learning model with interval repetitions aimed at increasing the stability of mastering professional foreign language vocabulary and preserving students' ability to use it in professionally oriented communication.

The Materials and methods. The study involved 44 Logistics students, divided into control and experimental groups. In the experimental group, micro-training with interval repetitions in LMS Moodle was used for eight weeks. To evaluate the results, a lexico-grammatical test was used with tasks for recognition, reproduction and contextual use of vocabulary. Statistical processing included Student's t-test, RM-ANOVA.

The results of the research. At the stages of delayed testing, the students of the experimental group retained their professional vocabulary noticeably better than the participants of the control group. Even a month after completing the course, the differences between the groups remained pronounced. In the responses of the students of the experimental group, specialized terms were used more precisely and consistently, they were less often replaced by simplified terms and phraseological phrases when performing tasks with a professional context.

Discussion and conclusion. The results obtained generally confirm the hypothesis about the positive effect of micro-learning with interval repetitions on the stability of the assimilation of professional foreign language vocabulary.

Keywords: micro-learning, interval repetition, active information extraction, distributed learning, professional vocabulary, learning stability

For citation: Maiba V.V., Nektarevskaya Yu. B., Samygina L.V. Microlearning and spaced repetition in the acquisition of professional foreign language vocabulary. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 125–140. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-125-140>

Введение. Преподаватели иностранных языков в неязыковых вузах достаточно регулярно сталкиваются с тем, что у студентов активный словарь не закрепляется в долгосрочной перспективе. Даже при формально успешном усвоении учебного материала профессиональные термины со временем начинают использоваться менее уверенно и постепенно выпадают из свободной речи. Особенно заметным этот эффект становится в заданиях, вы-

полнение которых ориентировано на самостоятельное построение фраз без опоры на готовые модели высказываний [16, с. 350–355]. При этом трудности в формулировке фраз проявляются не столько в понимании значений терминов, сколько в их «встраивании» в собственную речевую практику в рамках профессионального контекста. Если смотреть на проблему сохранности профессиональной лексики у студентов чуть шире, то становится

очевидным тот факт, что ее решение не ограничивается сокращением разрывов между запоминанием и применением. Скорее, речь идет о том, что изучаемые лексические единицы не закрепляются в разнообразных коммуникативных ситуациях. Как следствие, полученное знание у студента остается ситуативным и плохо переносится в спонтанную речь [14, с. 1107]. При этом нельзя сказать, что повторение лексических единиц само по себе решает задачу по обеспечению устойчивого владения профессиональной терминологией. Решение такого уровня задач обеспечивается высоким уровнем вариативности учебных упражнений и постоянной сменой образовательных контекстов.

Однако реализация подобных подходов к формированию учебного контента в условиях неязыкового вуза оказывается затрудненной. Ограниченное количество аудиторных часов по иностранному языку и высокая нагрузка по профильным дисциплинам существенно сокращают возможности студентов в регулярной речевой практике. В результате у студентов постепенно снижается готовность к свободному использованию ранее изученной лексики, а значительная часть профессиональных терминов переходит в пассивный запас. Подобная ситуация ставит под вопрос эффективность традиционных подходов к закреплению лексики, ориентированных преимущественно на краткосрочное воспроизведение учебного материала. В итоге проблема устойчивости лексических навыков оказывается связана не только с методикой повторения, но и с тем, как в целом организовано распределение учебного времени, где языковая практика часто оказывается в менее приоритетной позиции по сравнению с дисциплинами специальности. В этих условиях особую роль начинают играть цифровые формы организации самостоятельной языковой работы и внеаудиторного взаимодействия с учебным материалом [3, с. 97–98].

При вышеперечисленных организационных ограничениях устойчивость лексических навыков у студентов вряд ли удастся повысить только за счет увеличения учебной нагрузки. В этих условиях особое значение приобретают такие форматы обучения, которые могут обеспечить студентам возможность регулярного повторяющегося обращения к учебному материалу. Одной из ключевых особенностей микрообучения и является организация таких повторяющихся образовательных циклов [5, с. 101–105]. Студенты не «закрывают» тему после одного блока занятий, а регулярно возвращаются к уже знакомой лексике в течение всего курса. В результате регулярное повторное обращение к терминам и лексическим конструкциям постепенно становится частью обычной учебной работы. Для профессиональной терминологии подобная регулярность особенно важна, поскольку без постоянного использования такие слова довольно быстро начинают узнаваться пассивно, но хуже воспроизводятся в речи.

Актуальность настоящего исследования и была обусловлена недостаточной изученностью методологических и эмпирических аспектов эффективности данных подходов в обучении профессиональной лексике. Соответственно, цель исследования состояла в разработке и экспериментальной проверке модели микрообучения с интервальными повторениями, направленной на повышение устойчивости усвоения профессиональной иноязычной лексики и сохранение способности студентов использовать профессиональную терминологию в профессионально ориентированной коммуникации. Проверке подлежала гипотеза о том, что применение микрообучения с интервальными повторениями обеспечивает более устойчивое усвоение профессиональной иноязычной лексики и способствует сохранению способности студентов использовать профессиональную терминологию в профессионально ориентированной коммуникации по срав-

нению с традиционным форматом обучения. В настоящем исследовании акцент делается на формирование условий сохранения способности студентов использовать профессиональную терминологию в активной речи и после прохождения учебного курса. Интервальные повторения рассматривались здесь как способ поддержания устойчивого использования профессиональной лексики в учебной коммуникации и задачи их применения не ограничивались только обеспечением целевого уровня запоминания учебного материала. В ходе исследования была апробирована модель микрообучающих циклов, объединяющая интервальные повторения, практику самостоятельного воспроизведения терминологии без опоры на готовые образцы и ее использование в профессионально ориентированных речевых ситуациях.

Обзор литературы. Исследования распределенной практики показывают, что повторение, распределенное во времени, обычно помогает дольше удерживать лексический материал, особенно если проверка проводится не сразу после обучения [13, с. 354–356]. В моделях микрообучения студенты снова сталкиваются с уже изученными словами – в новых упражнениях, коротких заданиях, профессиональных контекстах. По крайней мере на ранних этапах обучения такой формат работы помогает поддерживать лексику в активном употреблении [19, с. 58–65; 9, с. 102–106].

Отдельную роль в закреплении лексики играет и так называемый эффект поиска. Ситуация, в которой студенту приходится самостоятельно извлекать термин из памяти, само воспроизведение дополнительно укрепляет запоминание [17, с. 966–977]. Именно поэтому в микрообучении важен не столько общий объем материала, сколько регулярность возвращения к одним и тем же лексическим единицам.

В исследованиях, посвященных интервальным повторениям, эффективность такого подхода чаще оценивается через

показатели сохранения, воспроизведения или узнавания лексических единиц [13, с. 354–356; 17, с. 966–977]. Значительно реже исследователи оценивают способность студентов использовать профессиональную терминологию в самостоятельной речи и профессионально ориентированных ситуациях. Для профессиональной языковой подготовки такая способность имеет принципиальную значимость, поскольку знание терминов еще не гарантирует их активного использования в речевой практике. Но здесь картина не совсем однозначна. После внедрения микрообучения студенты обычно становятся более вовлеченными и лучше справляются с итоговыми заданиями [2, с. 3–5]. Большинство исследований все же фиксирует прежде всего краткосрочные эффекты [15, с.10]. Насколько устойчиво профессиональная лексика сохраняется в активном словарном запасе студентов в более длительной перспективе, пока изучено заметно слабее.

Как правило, для оценки пролонгированности эффектов обучения используется отложенное тестирование, позволяющее оценить устойчивость усвоения и степень сохранения материала в долговременной памяти. Однако оно применяется не во всех исследованиях, а период наблюдения часто ограничивается несколькими неделями [12, с. 218; 18, с. 164]. Поэтому возможность надежной оценки долговременного эффекта обучения затрудняется неоднородностью сроков отложенного тестирования и делает оценки результатов исследований эффективности образовательных методик трудносопоставимыми.

Следует не забывать и о том, что большинство исследований проводится в контексте обучения общему английскому языку, без учета профессионально-ориентированной лексики. Как следствие, выводы таких исследований не всегда могут быть экстраполированы на условия профессиональной языковой подготовки в неязыковых вузах [8, с. 87; 6, с. 1215].

Также остается ограниченным число работ, в которых оценка эффективности микрообучения с интервальными повторениями проводится в реальных условиях неязыкового вуза при изучении именно профессиональной лексики.

В большинстве исследований интервальные повторения рассматриваются, прежде всего, как способ сохранить в памяти отдельные лексические единицы. Гораздо реже исследователи обращаются к тому, насколько устойчиво студенты используют профессиональную терминологию в самостоятельной речи и профессионально ориентированном общении. Также недостаточно изученным остается вопрос о том, как микрообучение с интервальными повторениями помогает студентам неязыковых вузов сохранять и использовать именно профессиональную лексику.

Методы исследования. В исследовании приняли участие 44 студента второго курса направления подготовки «Логистика» Ростовского государственного университета путей сообщения. Формирование выборки осуществлялось в рамках одного академического потока и обеспечило сходные организационные условия обучения. Возраст участников составил 18–20 лет. По результатам входного диагностического тестирования по шкале CEFR уровень владения английским языком варьировался от A2 до B1.

До начала эксперимента студенты изучали английский язык по стандартной программе неязыкового вуза и не имели опыта работы с микрообучением и интервальными повторениями. В исследование были включены 44 студента второго курса направления «Логистика», разделенные на контрольную и экспериментальную группы ($n = 22$ в каждой).

Группы были сопоставлены по результатам входного тестирования. Сохранявшиеся различия в учебной активности студентов и регулярности выполнения самостоятельной работы учитывались при последующем анализе данных. Обучение

в обеих группах проводилось одним преподавателем, что обеспечивало единые методические условия для эксперимента. Объем домашних заданий и тематическое содержание были идентичны; различие заключалось только в формате работы с материалом (традиционные упражнения vs микрообучающие задания). Общее количество учебного времени и контакт с лексическим материалом были одинаковыми для обеих групп.

Эксперимент проводился в рамках дисциплины «Иностранный язык (профессиональный)» в течение 8 недель. Оценка результатов обучения проходила в три этапа: входное тестирование (pre-test), итоговое тестирование (post-test) и отсроченное тестирование (delayed post-test), проведенное через 2 недели и 1 месяц после завершения обучения.

Контрольная группа студентов (КГ) работала по привычной для вуза модели закрепления лексики: аудиторные занятия здесь дополнялись домашними заданиями, но без каких-либо цифровых инструментов или интервального повторения. В экспериментальной группе (ЭГ) привычная модель была перестроена за счет микрообучения с интервальными повторениями. Студенты несколько раз в неделю выполняли короткие задания продолжительностью по 5–10 минут (в среднем 4–5 сессий) и таким образом получали возможность возвращаться к одной и той же лексике в разные моменты времени, а не отрабатывать ее одномоментно и затем «закрывать» тему. Учебные материалы были размещены на платформе LMS Moodle. Основной акцент в организации обучения был смещен с простого узнавания терминов на их активное использование. Например, в заданиях на воспроизведение и в контекстных ситуациях студентам приходилось включать повторяемую лексику в связные высказывания. Для фиксации результатов обучения использовался лексико-грамматический тест из 40 заданий, включавший задания на распознавание профессиональной

терминологии, воспроизведение лексики и контекстное использование терминов. Закрытые задания были ориентированы на проверку знания формы и значения терминов. Блок контекстных заданий открытого типа (заполнение пропусков и мини-высказывания) позволял оценивать способность студентов самостоятельно использовать профессиональную лексику в профессионально ориентированных ситуациях. Максимальное количество баллов по тесту составляло 40. Каждое корректно выполненное задание оценивалось в 1 балл.

Надежность лексико-грамматического теста оценивалась с помощью альфа-коэффициента Кронбаха и составила 0,81, что для заданий такого типа можно считать приемлемым показателем внутренней согласованности. Открытые задания проверяли два независимых эксперта; значение коэффициента Cohen's kappa составил 0,84. Помимо тестирования анализировались данные LMS-платформы: регулярность выполнения заданий, повторные обращения к материалам и активность

студентов в системе. Дополнительно использовалось структурированное педагогическое наблюдение.

Дополнительно проводился качественный анализ ответов студентов в контекстных заданиях открытого типа. Анализировались особенности использования профессиональной терминологии, типы лексических замен и характер ошибок при включении терминологии в профессионально ориентированные высказывания.

Для оценки результатов были выделены три показателя. P_1 отражал общий уровень усвоения лексики и рассчитывался как суммарный балл за выполнение тестовых заданий, отражающих общий уровень усвоения профессиональной лексики. P_2 и P_3 рассчитывались в процентах. P_2 отражал уровень сохранности результатов при отсроченном тестировании, P_3 – корректность самостоятельного использования профессиональной терминологии в профессионально ориентированных ситуациях. Критерии оценки показателя P_3 представлены в таблице 1.

Таблица 1. Критерии оценки показателя P_3

Table 1. P_3 indicator evaluation criteria

Критерий	Содержание оценки
Выбор термина	Соответствие выбранного термина содержанию профессиональной ситуации
Семантическая точность	Корректная передача профессионального значения термина без смысловых искажений
Контекстное использование	Уместность употребления термина в структуре высказывания и соответствии коммуникативной задаче
Расчет показателя P_3	Отношение числа корректно использованных терминов (при соответствии всем критериям оценки) к общему числу терминов, предусмотренных заданиями, выраженное в процентах.

Показатель P_3 рассматривался как самостоятельный показатель, поскольку отражал не объем усвоенной лексики, а способность студентов использовать профессиональную терминологию в профессионально ориентированной коммуникации. Для его расчета исполь-

зовались задания открытого типа, требовавшие самостоятельного выбора и применения терминов в соответствии с профессиональным контекстом. Для каждого задания было определено количество терминов, подлежащих использованию. Термин засчитывался как корректно ис-

пользованный только при одновременном соответствии всем критериям оценки: правильному выбору термина, точности передачи его профессионального значения и уместности использования в контексте высказывания.

Статистическая обработка данных выполнялась в SPSS Statistics 26. Для сравнения выборок использовался t-критерий Стьюдента, при анализе динамики показателей – RM-ANOVA с поправкой Гринхауса-Гейссера. Дополнительно рассчитывались величины эффекта (d Коэна и η^2), а также коэффициент корреляции Пирсона.

При интерпретации результатов необходимо учитывать ограничения исследования: небольшой объем выборки, проведение эксперимента в рамках одного академического потока и ограниченную продолжительность наблюдения.

Результаты исследования. Микрообучение в экспериментальной группе было реализовано через короткие сессии длительностью по 5–10 минут, которые проводились в среднем 4–5 раз в неделю в LMS Moodle. В зависимости от учебной недели, из-за загруженности студентов, фактическая частота выполнения немного варьировалась. Каждый модуль был связан с отдельной тематической группой профессиональной лексики (например, warehouse operations, customs clearance, shipment tracking) и включал ограниченный набор заданий на работу с одним лексическим блоком.

Структура микрообучающих циклов, представленная на рисунке 1, предполагала последовательный переход от распознавания терминологии к ее самостоятельному воспроизведению и последующему использованию в профессионально ориентированных речевых ситуациях.

Рис.1. Связь этапов микрообучающего цикла с показателями исследования (P_1 , P_2 , P_3)

Fig.1. Relationship of microlearning cycle stages with research indicators (P_1 , P_2 , P_3)

Затем студенты выполняли задания, в которых им нужно было самостоятельно воспроизводить термины без готовых речевых образцов. Выполнение заданий предполагало заполнение пропущенных

терминов, подбор термина по описанию ситуации, перевод профессиональных фрагментов и краткие ответы с использованием изученной лексики в письменной форме. На завершающем этапе работы с

лексикой студенты использовали терминологию в речевых ситуациях, связанных с описанием логистических процессов и профессиональным общением.

Однако переход к продуктивным формам работы происходил неравномерно: часть студентов дольше сохраняла опору на рецептивные задания и испытывала затруднения при самостоятельном использовании терминов. Изучаемые термины повторялись в разных типах заданий неоднократно, поэтому студенты регулярно возвращались к уже изученной лексике в новых контекстах. В лексический корпус были включены термины из рабочей программы дисциплины и англоязычных материалов по логистике. Всего в эксперименте использовалось 45 терминов и терминологических сочетаний.

Интервалы между повторениями лексического материала постепенно увеличивались, обычно от 2 до 7 дней. Однако из-за пропусков занятий и различий в темпе работы в ходе эксперимента график повторения не всегда соблюдался точно.

Перед началом экспериментального обучения была проведена проверка сопоставимости групп по результатам предтестирования. Межгрупповые различия по результатам предтестирования (P_1) были проверены с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок. Статистически значимых различий между экспериментальной и контрольной группами не выявлено ($p > 0,05$). Результаты предтестирования представлены в таблице 2.

Таблица 2. Результаты предтеста (P_1 , баллы)

Table 2. Pre-test results (P_1 , points)

Группа	M	SD	p-value
ЭГ	21,2	1,1	
КГ	20,8	1,3	0,30

Для оценки изменений показателя P_1 во времени использовался дисперсионный анализ с повторными измерениями (RM-ANOVA). Предварительно проверялась предпосылка сферичности. Поскольку

критерий Моучли выявил нарушение предпосылки сферичности ($p = 0,004$), дальнейший анализ проводился с поправкой Гринхауса-Гейссера. Результаты RM-ANOVA для показателя P_1 представлены в таблице 3.

Таблица 3. RM-ANOVA для показателя P_1 (баллы)

Table 3. RM-ANOVA for the P_1 indicator (points)

Источник вариации	df	F	p	η^2 (partial)
Время	2,22; 75,4	198,61	< 0,001	0,85
Группа	1; 42	52,44	< 0,001	0,61
Время × Группа	2,22; 75,4	31,27	< 0,001	0,48

Полученные результаты указывают на статистически значимые эффекты времени, группы и их взаимодействия ($p < 0,001$). Взаимодействие «время × группа» отражает различия в изменении показателя

P_1 у экспериментальной и контрольной групп на разных этапах измерения. Динамика показателя P_1 в экспериментальной и контрольной группах на всех этапах измерения представлена в таблице 4.

Таблица 4. Динамика показателя P_1 (баллы)Table 4. Dynamics of the P_1 indicator (points)

Группа	Предтест M±SD	Посттест M±SD	Отсрочка 2 недели M±SD	Отсрочка 1 месяц M±SD
ЭГ	21,2 ± 1,1	30,3 ± 1,1	29,0 ± 1,0	28,9 ± 1,0
КГ	20,8 ± 1,3	24,9 ± 0,9	22,6 ± 1,4	20,6 ± 1,1

После завершения обучения в обеих группах наблюдался рост результатов лексического теста, однако в экспериментальной группе изменения оказались более устойчивыми. Если сразу после обучения показатель P_1 в ЭГ достигал $30,3 \pm 1,1$, то через месяц он сохранялся на уровне $28,9 \pm$

1,0. В контрольной группе снижение было заметнее: с $24,9 \pm 0,9$ после завершения курса до $20,6 \pm 1,1$ спустя месяц. Чтобы оценить сохранение результатов после завершения обучения, дополнительно рассчитывался показатель удержания P_2 . Данные приведены в таблице 5.

Таблица 5. Показатели сохранения результатов (P_2 , проценты)Table 5. Test-result pretension indicators (P_2 , percentage)

Группа	Retention через 2 недели	Retention через 1 месяц
ЭГ	95,7	95,4
КГ	90,8	82,7

Отсроченное тестирование показало, что студенты экспериментальной группы лучше сохраняли усвоенный материал на обоих этапах контроля. Через две недели показатель retention в ЭГ составил 95,7 %, тогда как в КГ – 90,8 %. Спустя месяц различия стали еще заметнее: 95,4 % против 82,7 %. В экспериментальной группе снижение результатов оставалось менее выраженным даже через месяц после завершения курса. Дополнительно выполненный корреляционный анализ выявил статистически значимую положительную связь средней силы

между показателями P_1 и P_3 ($r = 0,68$; $p < 0,001$). Более высокие результаты усвоения профессиональной лексики обычно сопровождалось более точным использованием терминологии в контекстных заданиях.

Отдельно анализировался показатель P_3 , связанный с использованием профессиональной лексики в контекстных заданиях. Для оценки изменений между этапами исследования использовался дисперсионный анализ с повторными измерениями (RM-ANOVA). Результаты анализа показателя P_3 представлены в таблице 6.

Таблица 6. RM-ANOVA для показателя P_3 Table 6. RM-ANOVA for the P_3 indicator

Источник вариации	df	F	p	η^2 (partial)
Время	2,18; 74,1	146,82	< 0,001	0,81
Группа	1; 42	39,75	< 0,001	0,54
Время × Группа	2,18; 74,1	28,44	< 0,001	0,46

RM-ANOVA показал, что характер использования профессиональной терминологии менялся на разных этапах исследования. Различия между результатами тестирования до начала обучения, после завершения курса и при отсроченном тестировании оказались статистически значимыми ($p < 0,001$). Однако динамика изменений значений показателя P_3 в группах была не одинакова. После завершения обучения студенты экспериментальной группы не только воспроизводили больше профессиональных терминов, но и точнее использовали их в устной и письменной речи. Особенно заметными различия между группами проявились в тех заданиях, где от студента требовалось самостоятельно подбирать терминологию применительно к конкретной профессиональной ситуации. Именно такие задания использовались при оценке показателя P_3 . В отличие от традиционной проверки знания терминов, они предполагали не простое воспроизведение лексики, а ее использование в профессиональном контексте. Студенты описывали логистические

процессы, объясняли рабочие ситуации и моделировали фрагменты профессионального общения. Соответственно показатель P_3 отражал не столько сохранение отдельных лексических единиц в памяти, сколько устойчивость их функционального использования в условиях, приближенных к профессионально ориентированной коммуникации. Вероятно, более высокие результаты обучения в экспериментальной группе могли быть связаны с тем, что в микрообучающих циклах интервальные повторения сочетались с заданиями на самостоятельное воспроизведение профессиональной лексики и ее регулярное использование в различных речевых ситуациях. Такое сочетание процессов повторения, самостоятельного воспроизведения и контекстного применения терминологии обеспечивало многократное обращение студентов к профессиональной лексике в разных коммуникативных условиях, поддерживало не только запоминание терминов, но и готовность студента к их самостоятельному использованию. Подробнее изменения значений P_3 показаны в таблице 7.

Таблица 7. Динамика показателя P_3 (проценты)Table 7. Dynamics of the P_3 indicator (percent)

Группа	Предтест $M \pm SD$	Посттест $M \pm SD$	Отсрочка 2 недели $M \pm SD$	Отсрочка 1 месяц $M \pm SD$
ЭГ	$43,7 \pm 6,8$	$69,2 \pm 5,9$	$66,8 \pm 6,1$	$64,5 \pm 5,7$
КГ	$44,1 \pm 7,2$	$53,8 \pm 6,4$	$49,3 \pm 7,3$	$46,2 \pm 6,9$

После завершения обучения различия между группами по показателю P_3 стали заметнее и сохранялись на всех этапах отсроченного контроля. В экспериментальной значении показателя P_3 вырос с $43,7 \pm 6,8$ до $69,2 \pm 5,9$ и даже через месяц после завершения курса оставался на уровне $64,5 \pm 5,7$. В контрольной группе изменения были менее устойчивыми: после роста до $53,8 \pm 6,4$ результаты постепенно снизились до $46,2 \pm 6,9$. Наиболее заметно расхождение между группами проявилось именно при отсроченном тестировании.

Различия результатов обучения между группами были связаны прежде всего с особенностями работы над профессиональной лексикой в экспериментальной группе. Изученная лексика регулярно включалась в задания разного типа, поэтому студенты неоднократно возвращались к уже освоенному материалу. При этом студентам требовалось не только вспомнить ранее изученные термины, но и самостоятельно использовать их в новых учебных ситуациях. Как уже было ранее сказано, профессиональная лекси-

ка неоднократно включалась в задания, связанные с описанием логистических процессов и решением типичных для будущей профессии коммуникативных задач. Поэтому регулярное обращение к изученным терминам в разных контекстах могло способствовать росту уровня уверенности студентов в их использовании и после завершения обучения. В контрольной группе профессиональная лексика также осваивалась в рамках учебного курса. Однако при отсроченном тестировании студентам чаще требовалась опора на узнавание или воспроизведение отдельных терминов. Когда задания предполагали самостоятельное построение высказываний, им было сложнее подбирать необходимую терминологию и сохранять точность ее употребления.

Значения d Коэна находились в диапазоне от 1,2 до 1,6. Для исследований подобного типа такие показатели обычно относят к крупным эффектам. Таким образом, использование показателя R_z позволило оценить не только сохранение терминологии в памяти, но и устойчивость ее использования в профессионально ориентированных речевых ситуациях.

Качественный анализ заданий также выявил различия в характере ошибок. В контрольной группе студенты чаще заменяли профессиональные термины более общими словами или упрощенными формулировками. Например, вместо специализированных логистических терминов студенты нередко использовали более общие слова, такие как *delivery*, *transport* или *goods movement*. В ряде случаев такая замена делала описание менее точным. Так, при характеристике логистических процессов в контрольной группе встречались формулировки *transport goods to another place*, тогда как изученная терминология предполагала использование сочетаний *warehouse distribution* или *shipment routing*. Аналогичным образом термин *customs clearance* некоторые студенты передавали через описательное выражение *document*

check at the border. Подобные замены чаще встречались в ситуациях, когда требовалось самостоятельно подобрать термин в соответствии с профессиональным содержанием высказывания.

В экспериментальной группе подобные замены встречались заметно реже. Студенты экспериментальной группы чаще использовали специализированную терминологию даже в развернутых высказываниях, связанных с описанием маршрутизации поставок, складских операций и процедур таможенного оформления. Даже при наличии отдельных неточностей студенты чаще сохраняли терминологическую специфику высказывания и использовали профессиональную лексику в соответствии с контекстом задания. Использование общих слов вместо специализированных терминов чаще наблюдалось в заданиях, связанных с описанием логистических операций, маршрутизации поставок и складских процессов. Регулярное включение терминологии в задания на самостоятельное воспроизведение и контекстное использование способствовало не только сохранению терминов в памяти, но и более устойчивому развитию навыков их профессионально ориентированного применения. Таким образом, различия между группами проявлялись не только в уровне сохранения профессиональной лексики, но и в характере ее использования в контекстных заданиях. Особенно заметно этот эффект проявлялся при выполнении заданий, в которых от студента требовалось самостоятельно подбирать и включать терминологию в профессиональный контекст. Студенты регулярно возвращались к уже изученной лексике в разных учебных ситуациях, и повторение здесь сочеталось с активным воспроизведением терминов.

Дополнительную роль в успешном сохранении профессиональной лексики у студентов могла сыграть и цифровая среда обучения. Вероятно, устойчивость результатов была связана не только с орга-

низацией микрообучающих циклов, но и с особенностями цифровой образовательной среды. Работа с LMS-платформой давала им возможность регулярного контакта с профессиональной лексикой вне аудиторных занятий. В ряде исследований регулярное обращение студентов к профессиональной лексике вне аудиторных занятий также связывается с более устойчивым сохранением материала в памяти.

Обсуждение и заключение. В исследовании была апробирована модель микрообучения, основанная на сочетании интервальных повторений, практики извлечения информации из памяти и контекстных заданий. Использование показателей P_1 , P_2 и P_3 позволило отдельно оценить результаты процессов усвоения профессиональной лексики, сохранения результатов обучения при отсроченном тестировании и использование терминологии в условиях, приближенных к профессиональной коммуникации. Полученные данные свидетельствуют о том, что микрообучение с интервальными повторениями повышает уровень устойчивости процесса сохранения профессиональной лексики после завершения обучения. Наиболее заметные различия между группами были выявлены при оценке показателя P_3 , отражавшего использование терминологии в профессиональном контексте. Студенты экспериментальной группы успешнее справлялись с заданиями, требовавшими самостоятельного выбора терминов в зависимости от профессиональной ситуации. Полученные результаты позволяют рассматривать сочетание интервальных повторений, практики извлечения информации из памяти и регулярного использования терминологии в различных речевых ситуациях как один из факторов, способствующих ее более устойчивому применению после завершения обучения.

Научная новизна исследования заключается в том, что эффективность микрообучения с интервальными повторениями рассмотрена применительно не

только к сохранению профессиональной иноязычной лексики, но и к сохранению способности студентов использовать профессиональную терминологию в профессионально ориентированной коммуникации после завершения обучения. Установлено, что сочетание интервальных повторений, самостоятельного воспроизведения и контекстного использования терминологии связано не только с более высоким уровнем сохранения лексики, но и с более устойчивым использованием профессиональной терминологии в профессионально ориентированных речевых ситуациях.

Научная значимость исследования определяется уточнением роли интервальных повторений в обучении профессиональной иноязычной лексике. Результаты эксперимента показывают, что устойчивость использования терминологии после завершения обучения зависит не только от регулярного повторения материала, но и от включения терминов в задания, требующие их самостоятельного воспроизведения и применения в профессиональном контексте.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования микрообучающих циклов в условиях ограниченного количества аудиторных часов в неязыковом вузе. Короткие и регулярные форматы работы с профессиональной лексикой позволяют поддерживать активное использование терминологии без существенного увеличения учебной нагрузки и могут применяться при организации самостоятельной работы студентов в цифровой образовательной среде.

Полученные данные вряд ли можно рассматривать как универсальную модель для всех направлений подготовки, тем более при ограниченном объеме выборки. Дополнительного изучения требуют особенности применения микрообучения в других профессиональных областях, а также устойчивость результатов при более продолжительном отсроченном тестировании.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать анализ влияния различных типов контекстных заданий и

цифровых образовательных платформ на сохранение профессионально ориентированной иноязычной коммуникации.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова А.Г., Эйсмонт Н.В. К проблеме составления профессионального англоязычного словаря-минимума // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 143-152. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-2-143-152.
2. Иголкина М.И., Язынина В.С. Метод интервальных повторений при обучении иностранным языкам // Гуманитарный вестник. 2023. № 3. С. 1-8. DOI: 10.18698/2306-8477-2023-3-846.
3. Исаева Т.Е. Использование мобильных телефонов на занятиях по иностранному языку в университете: 5 «за» и 5 «против» [Электронный ресурс] // Роль и статус языка в цивилизационном пространстве: сборник статей III Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 25 нояб. 2024 г.). СПб.: Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, 2025. С. 97-102. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82285729>.
4. Косова Е.И., Данько Ю.В. Педагогический потенциал обучения профессионально ориентированному языку студентов-гуманитариев на основе аутентичных текстов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 1 (69). С. 219-227. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_219.
5. Лыкова К.В. Микрообучение как эффективный способ управления вниманием студентов на занятии по иностранному языку // Филологические науки в МГИМО. 2024. № 4 (41). С. 101-113. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-4-41-101-113.
6. Новикова Л.А., Русанова И.Ю. Обучение студентов неязыкового вуза профессионально-ориентированному чтению цифровых текстов на иностранном языке: риски и возможности // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8, № 11. С. 1212-1221. DOI: 10.30853/ped20230173.
7. Стародубцева О.Г. Этапы формирования иноязычной профессиональной лексической компетенции в условиях медицинского вуза // Научно-педагогическое обозрение. 2024. № 3 (55). С. 64-71. DOI: 10.23951/2307-6127-2024-3-64-71.
8. Черноштан О.Н. Теория Стивена Крашена о понятном вводе при проектировании краткосрочных профессионально-ориентированных курсов по иностранному языку в неязыковом вузе // Концепт. 2024. № 3. С. 83-99. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11034.
9. Чеучева Т.М. Методологические подходы к обучению профессиональной терминологии на занятиях по иностранному языку в техническом вузе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2025. № 17 (4). С. 99-115. DOI: 10.47370/2078-1024-2025-17-4-99-115.
10. Шилова Ю.В. Интеграция приемов микрообучения в преподавание английского языка делового общения в магистратуре неязыкового вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2026. Т. 11, № 2. С. 387-394. DOI: 10.30853/ped20260048.
11. AbdAlganе M., Elkot M.A., Ali R. Embracing Mobile-Based Spaced Learning to Enhance English Scientific Vocabulary Mastery and Academic Performance among ESP Students // International Journal of Interactive Mobile Technologies (iJIM). 2025. No. 12 (19). P. 103-120. DOI: 10.3991/ijim.v19i12.54815.

12. Alkhudiry R.A Spacing Contribution on the Retention of L2 Word Forms and Meanings // *World Journal of English Language*. 2023. No. 3 (13). P. 218-226. DOI: 10.5430/wjel.v13n3p218.
13. Distributed Practice in Verbal Recall Tasks: A Review and Quantitative Synthesis / Cepeda N.J. [et al.] // *Psychological Bulletin*. 2006. No. 3 (132). P. 354-380. DOI: 10.1037/0033-2909.132.3.354.
14. Chandy R., Serrano R., Pellicer-Sánchez A. The effect of context on the processing and learning of novel L2 vocabulary while reading // *Applied Psycholinguistics*. 2025. № 45 (6). P. 1-28. DOI: 10.1017/S0142716424000407.
15. Gao M., Qian J., Rasool U. Effects of Task-Induced Involvement and Time on Task on Incidental L2 Vocabulary Acquisition // *SAGE Open*. 2024. No. 2 (14). P. 1-15. DOI: 10.1177/21582440241249340.
16. The Impact of Contextual Lexis Learning on Vocabulary Disambiguation in ESP Students / Haque Md.N. [et al.] // *Social Sciences & Humanities Open*. 2025. No. 12. P. 1-12. DOI: 10.1016/j.ssaho.2025.102211.
17. Karpicke J.D., Roediger H.L. The Critical Importance of Retrieval for Learning // *Science*. 2008. No. 5865 (319). P. 966-968. DOI: 10.1126/science.1152408.
18. Lo S. Vocabulary Learning through Viewing Dual-Subtitled Videos: Immediate Repetition versus Spaced Repetition as an Enhancement Strategy // *ReCALL*. 2024. No. 2 (36). P. 152-167. DOI: 10.1017/S0958344024000053.
19. Maghsoudi N. Leveraging Artificial Intelligence for Vocabulary Development: Effects on Recall and Retention in English for Specific Purposes Contexts // *Curriculum Research*. 2025. No. 2 (6). P. 53-76. DOI: 10.71703/CURE.2025.1209154.

REFERENCES

1. Anisimova, A.G., Eismont, N.V. On the problem of compiling a professional English-Language minimum vocabulary // *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*. 2023. Vol. 29, No. 2. P. 143-152. DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-2-143-152. [In Russ.]
2. Igolkina, M.I., Yazynina, V.S. The method of spaced repetitions in teaching foreign languages // *Humanitarian Bulletin*. 2023. No. 3. P. 1-8. DOI: 10.18698/2306-8477-2023-3-846. [In Russ.]
3. Isaeva, T.E. Using mobile phones in foreign language classes at university: 5 pros and 5 cons [Electronic resource] // *The role and status of language in the civilizational space: collection of articles from the III International Scientific and Practical Conference (St. Petersburg, November 25, 2024)*. SPb.: Emperor Alexander I Petersburg State University of Railway Engineering, 2025. P. 97-102. Access mode: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82285729>. [In Russ.]
4. Kosova, E.I., Danko, Yu.V. Pedagogical potential of teaching professionally oriented language to humanities students based on authentic texts // *Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2023. No. 1 (69). P. 219-227. DOI: 10.52452/18115942_2023_1_219. [In Russ.]
5. Lykova, K.V. Microlearning as an effective way to manage students' attention in a foreign language class // *Philological Sciences at MGIMO*. 2024. No. 4 (41). P. 101-113. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-4-41-101-113. [In Russ.]
6. Novikova, L.A., Rusanova, I.Yu. Teaching students of a non-linguistic university professionally oriented reading of digital texts in a foreign language: risks and opportunities // *Pedagogy. Theoretical and Practical Issues*. 2023. Vol. 8, No. 11. P. 1212-1221. DOI: 10.30853/ped20230173. [In Russ.]
7. Starodubtseva, O.G. Stages of formation of foreign language professional lexical competence in the conditions of a medical university // *Scientific and Pedagogical Review*. 2024. No. 3 (55). P. 64-71. DOI: 10.23951/2307-6127-2024-3-64-71. [In Russ.]
8. Chernoshtan, O.N. Stephen Krashen's theory of comprehensible input in designing short-term professionally oriented foreign language courses in a non-linguistic university // *Concept*. 2024. No. 3. P. 83-99. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11034. [In Russ.]

-
9. Cheucheva, T.M. Methodological approaches to teaching professional terminology in foreign language classes at a technical university // *Bulletin of Maikop State Technological University*. 2025. No. 17 (4). P. 99-115. DOI: 10.47370/2078-1024-2025-17-4-99-115 [In Russ.]
 10. Shilova, Yu.V. Integration of microlearning techniques into teaching English for business communication in the Master's degree program of a non-linguistic university // *Pedagogy. Theoretical and Practical Issues*. 2026. Vol. 11, No. 2. P. 387-394. DOI: 10.30853/ped20260048. [In Russ.]
 11. AbdAlgane M., Elkot M.A., Ali R. Embracing Mobile-Based Spaced Learning to Enhance English Scientific Vocabulary Mastery and Academic Performance among ESP Students // *International Journal of Interactive Mobile Technologies (iJIM)*. 2025. No. 12 (19). P. 103-120. DOI: 10.3991/ijim.v19i12.54815.
 12. Alkhudiry R.A Spacing Contribution on the Retention of L2 Word Forms and Meanings // *World Journal of English Language*. 2023. No. 3 (13). P. 218-226. DOI: 10.5430/wjel.v13n3p218.
 13. Distributed Practice in Verbal Recall Tasks: A Review and Quantitative Synthesis / Cepeda N.J. [et al.] // *Psychological Bulletin*. 2006. No. 3 (132). P. 354-380. DOI: 10.1037/0033-2909.132.3.354.
 14. Chandy R., Serrano R., Pellicer-Sánchez A. The effect of context on the processing and learning of novel L2 vocabulary while reading // *Applied Psycholinguistics*. 2025. No. 45 (6). P. 1-28. DOI: 10.1017/S0142716424000407.
 15. Gao M., Qian J., Rasool U. Effects of Task-Induced Involvement and Time on Task on Incidental L2 Vocabulary Acquisition // *SAGE Open*. 2024. No. 2 (14). P. 1-15. DOI: 10.1177/21582440241249340.
 16. The Impact of Contextual Lexis Learning on Vocabulary Disambiguation in ESP Students / Haque Md.N. [et al.] // *Social Sciences & Humanities Open*. 2025. No. 12. P. 1-12. DOI: 10.1016/j.ssaho.2025.102211.
 17. Karpicke J.D., Roediger H.L. The Critical Importance of Retrieval for Learning // *Science*. 2008. No. 5865 (319). P. 966-968. DOI: 10.1126/science.1152408.
 18. Lo S. Vocabulary Learning through Viewing Dual-Subtitled Videos: Immediate Repetition versus Spaced Repetition as an Enhancement Strategy // *ReCALL*. 2024. No. 2 (36). P. 152-167. DOI: 10.1017/S0958344024000053.
 19. Maghsoudi N. Leveraging Artificial Intelligence for Vocabulary Development: Effects on Recall and Retention in English for Specific Purposes Contexts // *Curriculum Research*. 2025. No. 2 (6). P. 53-76. DOI: 10.71703/CURE.2025.1209154.

Информация об авторах / Information about the authors

Вита Викторовна Майба, кандидат филологических наук, доцент, кафедры «Иностранные языки». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный университет путей сообщения». 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, зд. 2, e-mail: vita.maiba@yandex.ru

Юлия Борисовна Нектаревская, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки с курсом латинского языка». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный медицинский университет». 344022, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, д. 29, e-mail: julia_nektar@mail.ru

Людмила Владимировна Самыгина, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки с курсом латинского языка». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ростовский государственный медицинский университет», 344022, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пер. Нахичеванский, д.29, e-mail: samygina.rostov@yandex.ru

Vita V. Maiba, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages. Rostov State Transport University. 344038, the Russian Federation, Rostov-on-Don, 2 Rostov Rifle Regiment of the People's Militia Square, e-mail: vita.maiba@yandex.ru

Yulia B. Nektarevskaya, PhD (Political Science), Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages with a Course in Latin, Rostov State Medical University. 344022, the Russian Federation, Rostov-on-Don, 29 Nakhichevansky Lane, e-mail: julia_nektar@mail.ru

Lyudmila V. Samygina, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages with a Course in Latin, Rostov State Medical University, 29 Nakhichevansky Lane, Rostov-on-Don, 344022, the Russian Federation, e-mail: samygina.rostov@yandex.ru

Заявленный вклад соавторов

Вита Викторовна Майба – существенный вклад в замысел и дизайн исследования.

Юлия Борисовна Нектаревская – подготовка статьи, ее критический пересмотр в части значимого интеллектуального содержания.

Людмила Владимировна Самыгина – сбор данных или анализ и интерпретацию данных.

Claimed contribution of the authors

Vita V. Maiba – significant contribution to the concept and design of the research.

Yulia B. Nektarevskaya – preparation of the article and revision for significant intellectual content.

Lyudmila V. Samygina – collecting the data or analyzing and interpreting the data.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 16.04.2026

Поступила после рецензирования 12.05.2026

Принята к публикации 12.05.2026

Received 16.04.2026

Revised 12.05.2026

Accepted 12.05.2026

Обзорная статья / Review paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-141-157>
УДК 37.017.924:316.612

Преемственность гармоничного развития личности в античной и европейской утопической гуманистической педагогической мысли

П.А. Поповченко, Р.Ш. Маликов✉

*Набережночелнинский государственный педагогический университет,
г. Набережные Челны, Российская Федерация*
✉rustiku@bk.ru

Аннотация. Введение. В современном обществе актуализируется потребность в обращении к историко-педагогическому опыту гармоничного, всесторонне развитого человека как цели образования. Античная и гуманистическая педагогическая традиция, которая рассматривала воспитание как «второе рождение» человека и формирование его совершенной природы, содержит теоретический ресурс для преодоления фрагментарности современного образовательного дискурса. Проблема исследования заключается в выявлении и анализе преемственности идей гармоничного развития личности в истории философско-педагогической мысли, начиная с античности и заканчивая европейским гуманизмом эпохи Возрождения и Нового времени. Цель исследования: показать развитие идеи гармоничного воспитания личности в разные исторические периоды, проследить изменения и сохранение основных принципов и подходов к формированию личности.

Материалы и методы. Материалами изучения темы послужили произведения античных философов и Европейских утопистов-гуманистов. Для изучения темы применялись историко-хронологический, компаративный (сравнительный), биографический, интертекстуальный, культурологический методы.

Результаты исследования: выявлена преемственность концепции гармоничного развития личности в древнегреческой философской и европейской утопической гуманистической педагогической мысли.

Ключевые выводы: Идея гармоничного развития зародилась еще в античные времена и получила дальнейшее развитие в эпоху Возрождения и Нового времени. В разные исторические периоды этот идеал воплощался по-разному, однако, основной целью оставалось воспитание личности, обладающей физическими, умственными и моральными качествами, необходимыми для полноценной жизни в обществе.

Ключевые слова: гармоничное развитие, личность, античная философия, европейская культура, утопия, гуманизм, педагогика, история образования, физическое и духовное совершенствование

Для цитирования: Поповченко П.А., Маликов Р.Ш. Преемственность гармоничного развития личности в античной и европейской утопической гуманистической педагогической мысли.

© Поповченко П.А., Маликов Р.Ш., 2026

Continuity of harmonious development of a personality in ancient and European utopian humanistic pedagogical thought

P.A. Popovchenko, R.Sh. Malikov✉

*Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny,
the Russian Federation*
✉rustiku@bk.ru

Abstract. Introduction. In modern society, there is a growing need to turn to the historical and pedagogical experience of developing a harmonious, comprehensively developed individual as the goal of education. The ancient and humanistic pedagogical tradition, which viewed education as the “second birth” of a man and the formation of his perfect nature, provides theoretical resources for overcoming the fragmentation of modern educational discourse. The research problem is to identify and analyze the continuity of ideas about harmonious personal development in the history of philosophical and pedagogical thought, beginning with antiquity and ending with the European humanism of the Renaissance and modern times. The goal of the research is to demonstrate the development of the idea of harmonious personal development in different historical periods and to trace the changes and preservation of the basic principles and approaches to personality development.

The Materials and Methods. The works of ancient philosophers and European utopian humanists served as the basis for the research. Historical-chronological, comparative, biographical, intertextual, and cultural methods were used to study the topic.

The research results. Continuity of the concept of harmonious personal development in ancient Greek philosophical and European utopian humanistic pedagogical thought was revealed.

Key findings: The idea of harmonious development originated in ancient times and was further developed during the Renaissance and Modern Periods. This ideal was realized in different ways throughout history, but the primary goal remained the development of individuals possessing the physical, mental, and moral qualities necessary for a fulfilling life in society.

Keywords: harmonious development, personality, ancient Philosophy, European culture, utopia, humanism, Pedagogy, history of education, physical and spiritual development

For citation: Popovchenko P.A., Malikov R.Sh. Continuity of harmonious development of a personality in ancient and European utopian humanistic pedagogical thought. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta.* 2026; 18(2): 141–157. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-141-157>

Введение. Неослабевающий исследовательский интерес к феномену педагогической утопии обусловлен ее эвристическим потенциалом в ситуации цивилизационных сдвигов и пересмотра аксиологических оснований образования. Утопические проекты античности и Возрождения представляют собой не только

исторический памятник педагогической мысли, но и действенную форму опережающего отражения действительности, конструирования идеальных моделей человека и социума. Изучение механизмов трансформации античного утопического наследия в педагогических системах гуманистов позволяет выявить инвариантные

структуры педагогического целеполагания, сохраняющие значение для современной теории воспитания.

В историко-педагогической науке сохраняется лакуна, связанная с недостаточной разработанностью проблемы преемственности античной и гуманистической традиций в трактовке гармоничного развития личности. Исследования, посвященные отдельным аспектам данной проблематики, носят, как правило, фрагментарный характер и не предлагают целостной теоретико-методологической модели, позволяющей реконструировать логику эволюции принципа гармонии от античных первоисточников к ренессансным педагогическим концепциям. Отсутствуют компаративные исследования, системно сопоставляющие онтологические, антропологические и аксиологические основания античной и гуманистической моделей гармоничного человека.

Обращение к генезису принципа гармоничного развития личности имеет значение для разработки современной педагогической антропологии. Античное понимание гармонии как «настройки» души, соподчинения ее частей под руководством разума, равно как и гуманистическая трактовка человека как «творца самого себя», содержат продуктивные идеи для осмысления категорий целостности, автономии, самодетерминации личности в образовательном процессе. Историко-педагогическая реконструкция данных идей позволяет преодолеть внеисторизм современных антропологических построений и укоренить их в европейской интеллектуальной традиции.

Материалы и методы. Для изучения темы применялся комплексный методологический подход, включающий как общенаучные методы познания, так и специальные историко-философские и педагогические методики анализа:

1. Историко-хронологический метод предполагает последовательное исследование этапов становления и развития

педагогических взглядов на проблему гармоничного воспитания личности, начиная с Античности и заканчивая эпохой Просвещения. Такой подход позволяет выявить закономерности эволюции педагогической мысли, определить преемственность и новаторство отдельных авторов и школ.

2. Компаративный метод для сравнительного анализа позволил сопоставить подходы разных эпох и культур к формированию целостной личности, например, сравнить концепции древнегреческих философов с теориями итальянского Ренессанса или французского Просвещения, выявить сходства и различия в трактовке целей и содержания воспитания.

3. Биографический метод для изучения выдающихся деятелей педагогики глубже раскрыл истоки их мировоззрения и теоретических позиций, что важно для выявления влияния личного жизненного опыта и социального контекста на формирование тех или иных педагогических учений.

4. Интертекстуальный анализ основан на выявлении связей между различными текстами и источниками, относящимися к одному кругу вопросов, что позволил проследить взаимовлияние культурных явлений и раскрыл роль литературы, искусства и общественных движений в формировании образовательной парадигмы.

5. Культурологический метод для исследования мыслей просветителей, ибо, в рамках социокультурного окружения формировались образовательные теории. Данный метод требует внимательного рассмотрения особенностей культуры той или иной исторической эпохи, специфики восприятия мира и человека, доминирующих ценностей и норм поведения.

Применение указанных методов позволило комплексно исследовать историю вопроса о гармоничном развитии личности, раскрыть особенности педагогического мышления античных и европейских гуманистов, установить взаимосвязь между

прошлым и настоящим и сформулировать выводы относительно перспектив дальнейшего изучения феномена гармоничного воспитания.

Обзор литературы. Тема носит междисциплинарный характер и находится на стыке истории философии, педагогики, культурологии и политологии. Степень ее научной разработанности можно оценить как достаточно высокую, но при этом фрагментированную: исследователи обычно рассматривают либо античный этап, либо конкретные утопические проекты Возрождения и Нового времени, реже проводят прямые линии преемственности.

Античность является фундаментом для понимания идеи гармоничного развития. Научная разработанность этого этапа очень высока. Работы таких авторов, как В. Йегер («Пайдейя») являются фундаментальными. Йегер подробно раскрыл, как греческая аристократия формировала идеал калокагии (сочетания внешней доблести и внутренней нравственной чистоты) [9; 10]. Определенный вклад внес немецкий ученый Г. фон Арним [4]. Исследователи античности глубоко проанализировали понятие «калокагия» как эстетико-этический идеал [18; 27; 28].

Огромный пласт литературы посвящен педагогическим аспектам диалогов Платона («Государство», «Законы») [24; 25]. Исследователи, критиковавшие тоталитарные аспекты платоновской гармонии, детально разобрали, как Платон подчинил развитие личности интересам государства [5; 14; 16].

Труды по воспитанию Аристотеля (принцип «золотой середины») хорошо изучены в контексте его этики и политики [3]. Ученые подчеркивают его вклад в идею воспитания как подражания природе и культивирования разумной деятельности [7; 19; 26].

Исследования эллинистических школ (стоицизм, эпикурейство) и их влияние на раннехристианские представления о воспитании духа представлены в рабо-

тах С.С. Аверинцева [1], А.П. Каждан [11] и западных историков античности Э.Р. Доддс [8], К. Кереньи [13] и др.

Таким образом, проблема гармоничного развития личности в античности проработана досконально. Белым пятном остается рецепция этих идей в позднейшие эпохи (как именно византийские или арабские мыслители передали эти идеи в Европу).

Имеется огромное количество комментариев к «Утопии» Т. Мора, «Городу Солнца» Т. Кампанеллы и текстам Ф. Рабле. Ученые, такие как М.П. Алексеев [2], К. Каутский [12], Д.А. Павлова [22], А.Э. Штекли [29] и др. детально исследовали социально-экономическую подоплеку этих утопий.

Ученые-педагоги (например, М.В. Богуславский [6], А.Е. Кудяев [15], Г.И. Ловецкий [17]) анализировали античную мысль как целостные педагогические системы. Преемственность античного и тюркского средневекового утопического гуманизма была раскрыта в монографии Р.Ш. Маликова и Л.М. Волковой [21].

Тема регулярно поднимается в современных диссертациях по педагогике и философии. Степень актуальности высокая. За последние 20 лет защищено множество работ, посвященных идеалам воспитания. Часто встречаются исследования, сравнивающие идеи Платона, Аристотеля, гуманистов Возрождения и более поздних утопистов (Руссо, Песталоцци) в контексте формирования «гармоничной личности» [20; 22].

Таким образом, Античность изучена исчерпывающе, но есть консенсус относительно понятий «пайдейя» и «калокагия». Утопический гуманизм (Возрождение) хорошо изучен в философском и социально-политическом ключе, а педагогическая составляющая часто рассматривается как придаток к социальной инженерии. Линия преемственности изучена фрагментарно. Есть работы по влиянию Платона на Мора, но мало исследований,

прослеживающих именно педагогический идеал гармоничного человека (от античности к Возрождению и далее к утопистам XIX в.).

Таким образом, необходим системный анализ того, как именно трансформировалось понятие «гармония» (от телесной и гражданской добродетели античности к энциклопедическому знанию и нравственному самосовершенствованию у гуманистов) и как педагогические методы достижения этой гармонии зависели от утопического гуманизма (полис, идеальное государство, аббатство вольности).

Результаты исследования. Исследование утопического контекста принципа гармоничного развития личности обладает методологической значимостью. Анализ соотношения индивидуального совершенства и социального идеала в античных и гуманистических педагогических проектах дает возможность выявлять скрытые основания педагогического целеполагания – представления о должном, нормативном образе человека, которые всегда социокультурно и исторически детерминированы. Методологическая рефлексия над этой проблемой необходима для разработки непротиворечивых критериев оценки современных образовательных реформ и педагогических инноваций.

Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется: 1) потребностью современной педагогической теории в целостной антропологической модели образования; 2) необходимостью восполнения историко-педагогического знания о генезисе и эволюции принципа гармоничного развития личности; 3) эвристическим потенциалом компаративного анализа античной и гуманистической педагогических традиций; 4) возможностью актуализации идей античного и ренессансного утопизма в контексте современных дискуссий о целях и ценностях образования.

Гармоничное развитие личности – это междисциплинарная категория, обознача-

ющая процесс и результат становления человека, при котором достигается соразмерное, согласованное и взаимообусловленное развитие силы, способностей и качеств личности – интеллектуальных, нравственных, эстетических, физических – в их ценностно-смысловом единстве и целостности, обеспечивающие реализацию индивидом своей родовой и индивидуальной сущности, а также его продуктивную самореализацию в социуме. В структуре данной категории выделяются два взаимосвязанных, но методологически различных аспекта: философско-антропологический и педагогический.

В философско-антропологическом измерении гармоничное развитие личности предстает как онтологическая и аксиологическая проблема, связанная с пониманием человека, места в мире, предельных оснований бытия и целевых ориентиров совершенствования. На онтологическом уровне гармония понимается как фундаментальный принцип устройства универсума, распространяемый на человеческое существование. Античная философия (Пифагор, Платон, Аристотель) обосновала гармоничное развитие личности через категорию «космос» – упорядоченное, соразмерное, пропорциональное целое, образом которого выступает человек-микрокосм. Гармоничное развитие есть приведение индивидуального бытия в соответствие с универсальным миропорядком, обретение меры и внутреннего равновесия.

На антропологическом уровне категория фиксирует определенный образ человека как существа, потенциально способного к самосовершенствованию и достижению полноты своего бытия. В античной традиции этот образ выражен понятием «калокагатия» – единство физического совершенства и нравственной добродетели, прекрасного и благого. В гуманистической антропологии Возрождения гармоничное развитие трактуется как свободное самоосуществление человека, наделенного Богом способностью «изо-

бретать» собственную природу. В классической немецкой философии данная категория сближается с понятием «bildung» – целостного духовного и нравственного формирования личности, ее восхождения ко всеобщности человеческого рода.

На аксиологическом уровне гармоничное развитие личности выступает как ценность, цель, нормативный идеал, задающий направленность процессу человеческого существования. В этом качестве оно выполняет мировоззренческую функцию, интегрирует представления о должном, совершенном, подлинно человеческом способе бытия. Античная мысль связывала этот идеал с достижением «эвдемонии» – процветания и счастья, возможного только при согласованной жизни всех частей души. Гуманистическая традиция акцентировала достоинство человека, реализуемое путем универсального развития способностей.

В педагогическом измерении гармоничное развитие личности предстает как целевая, содержательная и процессуальная категория, определяющая стратегию и тактику образовательно-воспитательной деятельности. Целевой уровень гармоничного развития личности выступает в качестве главной в образовании и воспитании, который интегрирует вектор, объединяющий все многообразие педагогических задач. В отличие от узко прагматических целей (профессиональная подготовка, формирование отдельных компетенций), гармоничное развитие ориентирует педагогическую систему на целостное становление человека во всей полноте его проявлений. Данная цель обладает аксиологической природой: она не может быть полностью операционализирована и измерена, но выполняет функцию смыслообразующего ориентира педагогической деятельности.

Категория гармоничного развития задает структуру содержания образования, обуславливает необходимость включения в него не только когнитивных, но и аксиологических, деятельностно-практических,

эстетических, физических компонентов. В истории педагогической мысли данная структура концептуализировалась различными способами: платоновская триада «мусическое – гимнастическое – философское воспитание»; гуманистическая программа исследований, соединявшая словесность, моральную философию, историю и физические упражнения; идея И.Г. Песталоцци о «гармоническом развитии сил и задатков» человеческой природы – ума, сердца и руки.

Гармоничное развитие личности предполагает особый характер педагогического взаимодействия, основанный на принципах природосообразности, культуросообразности, учета индивидуальных склонностей и способностей воспитанника. В античной педагогике данный принцип реализовался посредством идеи «настройки» души, подобно музыкальному инструменту. В педагогике гуманизма он воплощался в практике индивидуализированного обучения, соединения умственных занятий с физическими упражнениями, играми, эстетическими впечатлениями. В современном педагогическом дискурсе данный аспект соотносится с принципами личностно-ориентированного, развивающего обучения.

Гармоничное развитие личности фиксирует определенное качественное состояние воспитанника, характеризующееся не столько объемом усвоенных знаний и сформированных навыков, сколько способностью к интеграции различных сфер опыта, наличием целостного мировоззрения, устойчивой ценностно-смысловой позиции, развитой рефлексией, творческой активностью. В античной традиции этот результат описывался как достижение «энтелехии» – реализованности, полноты бытия; в гуманистической педагогике – как обретение человеком «золотого сечения» собственной природы.

Таким образом, понятие «гармоничное развитие личности» в единстве философско-антропологического и педа-

гогического аспектов может быть определено как исторически развивающийся культурный идеал совершенного человека и одновременно целевая установка образовательной практики, ориентированная на формирование целостной личности, в которой интеллектуальные, нравственные, эстетические и физические качества достигают состояния взаимообусловленного равновесия и единства, обеспечивающего как внутреннюю согласованность индивидуального бытия, так и продуктивную самореализацию человека в социуме и культуре.

Данная категория выполняет функцию теоретического моста между философской антропологией и педагогикой: философско-антропологическое содержание задает нормативный образ человека, педагогический аспект определяет пути, методы, средства и способы его практического воплощения в процессе образования. Историко-педагогическое исследование трансформаций данной категории позволяет реконструировать эволюцию европейского идеала образования и выявить инвариантные основания педагогического целеполагания.

Каково соотношение понятий «гармоничное развитие», «всестороннее развитие», «совершенный человек», «калокагатия», «гуманизм»?

Эти пять понятий формируют смысловое ядро европейской педагогической и философской антропологии. Их соотношение можно представить как матрешку или слои времени: каждое последующее понятие не отменяет предыдущее, а вбирает в себя его смысл, обогащает его под влиянием новой культурной эпохи.

Калокагатия – это базовое понятие античной Греции, обозначающее идеал воспитания. Этимология слова от «kalos» (прекрасный) + «agathos» (хороший, добрый). Она означает неразрывное единство внешней физической красоты («калос») и внутреннего нравственного совершенства («агатос»). Прекрасное тело

и справедливая душа – это одно целое. Она является основой всех остальных понятий. Без калокагатии невозможен разговор о гармонии. Это первая попытка определить, как выглядит «совершенный человек» через призму эстетики и этики.

Гуманизм (лат. *humanitas* – человечность) означает включение разума и ответственности. Относится к Римскому периоду и более позднему ренессансному идеалу. Он появился как реакция на калокагатию. Гуманизм означает воспитание человеческого в человеке. Это не просто красота тела, а развитие интеллекта, ораторского искусства, гражданской добродетели и милосердия. Чем отличается от калокагатии? Если грек стремился быть «совершенным среди своих», то римский гуманизм подразумевает милосердие к побежденным и слабым, а также высокую образованность (*studia humanitatis* – гуманитарные знания). Гуманизм «очеловечивает» холодную античную красоту калокагатии, добавляет к гармонии духа и тела интеллект и социальную этику.

Гармоничное развитие является принципом связи, инструментом. В чистом виде это не столько цель, сколько способ достижения идеала. Оно означает соразмерность, баланс, отсутствие перекосов: нельзя развивать только интеллект, забывая о теле (противовес голому рационализму); нельзя качать только мышцы, забывая о душе. Гармония – это стержень. Калокагатия – гармония внешнего и внутреннего. Гуманизм – гармония личного блага и общественного долга. Гармоничное развитие отвечает на вопрос «как?» (пропорционально), в то время как остальные понятия отвечают на вопрос «что?» (качества).

Всестороннее развитие относится к эпохе Просвещения. Это понятие, которое приходит на смену элитарному античному идеалу. Означает преодоление узкой специализации. Человек не должен быть «функцией» (токарь, крестьянин, воин). Он должен иметь возможность поправо-

вать себя во многих сферах деятельности, чтобы его личность не была искалечена разделением труда. Что касается соотношения с гармонией, если «гармония» является качеством (все части подогнаны друг к другу), то «всесторонность» – количество (охват многих сфер). Можно быть всесторонне развитым (знать живопись, математику и спорт), но дисгармоничным (ленивым, злым). Поэтому идеал Советской педагогики гласил: «Всестороннее и гармоничное развитие».

Совершенный человек – конечный пункт назначения. Означает максимальную степень реализации. Это человек, достигший предела в своем развитии. Что касается соотношения, то «совершенство» является итогом. Калокагатия является античным вариантом совершенства. Гуманизм лишь ренессансный вариант. В христианстве это святой (духовное совершенство). В коммунизме – человек будущего. В строгой диалектике «совершенный человек» является статичной утопией, тогда как «гармоничное развитие» бесконечный процесс.

Чтобы понять разницу, следует представить идеального Олимпийского чемпиона: калокагатия – он красив телом и благороден духом (не жульничает); гуманность – он красив, благороден, а еще профессор философии и помогает детским домам; гармоничное развитие – у него мощные, но не перекачанные мышцы; он силен, но гибок; умен, но скромнен; всестороннее развитие: не только бегает, но и плавает, играет в шахматы и поет в опере; совершенный человек: собрал все это вместе и выиграл все существующие награды.

Таким образом, калокагатия является идеалом формы (тело+дух); гуманизм – идеал содержания (разум+милосердие); гармония – принцип связи (баланс); всесторонность – ширина охвата (эрудиция); совершенство – предел стремления (недостижимый абсолют).

Рассмотрим значимость принципа гармоничного развития для утопического

педагогического дискурса. Какова конструкция идеального человека как цель идеального государства?

Предыдущий разговор о пифагорейцах задал важную рамку: гармония – это онтологический принцип, способ существования бытия. Утопический педагогический дискурс берет эту матрицу, но совершает радикальную секуляризацию и политизацию. Если у пифагорейцев «настройка души» была личным путем восхождения к космическому порядку, то в утопии Нового времени эта настройка становится функцией идеального государства.

Ниже представлен анализ того, как принцип гармоничного развития становится главным инструментом антропологического конструирования, который превращает педагогику в прикладную политическую онтологию.

Античная политическая мысль исходила из презумпции, что государство должно соответствовать природе человека. Утопия XVI–XIX вв. совершает переворот: государство не приспосабливается к человеку, а производит человека, пригодного для себя. Это меняет статус педагогики. Из прикладного искусства (обучение письму, счету, добродетели) она превращается в базисную технологию власти. Гармоничное развитие перестает быть частным благом индивида и становится государственной задачей номер один.

В чем разрыв с традицией «данной природы»? Утопический дискурс впервые последовательно проводит тезис: человек не рождается, а делается. Обстоятельства творят личность, следовательно, тот, кто контролирует обстоятельства, контролирует антропогенез. Этот тезис имеет двойное дно: 1) освободительный потенциал, если характер не наследуется и не предопределен сословием, то возможно всеобщее равенство возможностей; 2) тоталитарный потенциал, если характер полностью формируем, то идеальное государство имеет право и обязанность формировать его по своему образцу.

Таким образом, гармоничное развитие в утопическом дискурсе – это репарация ущерба, нанесенного цивилизацией. Вернуть человеку целостность значит восстановить справедливость.

Конструируем механику от космической симметрии к социальной инженерии. Пифагорейцы мыслили гармонию как числовую данность, которую душа должна вспомнить. Утописты мыслят гармонию как проект, который государство должно реализовать. Среда рассматривается как тотальный педагогический инструмент. Основным новшеством утопического дискурса является расширение понятия «педагогика» до масштабов архитектуры и урбанистики. Т. Кампанелла в произведении «Город Солнца» стены города расписал фресками, изображающими все науки, законы, историю, географию. Дети гуляют по стенам и учатся без принуждения, «как бы играя». Здесь впервые реализуется принцип «город – это учебник». Архитектура становится педагогикой, застывшей в камне.

Р. Оуэн в «Нью-Ланарк» фабрику перестраивает так, чтобы труд был посильным, а досуг – просвещающим. Создаются «Институты для формирования характера», которые стали прообразом будущих домов культуры. Р. Оуэн переносит акцент с обучения на образ жизни: воспитывает не урок, а ритм труда и отдыха, чистота улиц, доступность библиотек.

Способности универсализуются. Утопический дискурс радикализирует пифагорейскую идею симметрии так, что человек должен быть развит не просто во многих сферах, а во всех возможных. Ш. Фурье вводит понятие «серийной страсти», означающее, что человек от природы жаждет разнообразия. Идеальный общественный строй (строй Гармонии) предоставляет ему возможность менять занятия каждые 1–2 ч. 30–40 видов труда в день является нормой для фурьеристского фаланстера. Здесь гармония понимается динамически, т. е. не статическое равновесие, а ритмиче-

ская смена деятельностей, исключаяющая как переутомление, так и скуку. Человек подобен оркестру, где каждая способность звучит в своей тональности и в свое время. Между умственным и физическим трудом снимается противостояние. Этот пункт становится нервом утопической педагогики. Для античности разделение на тех, кто мыслит, и тех, кто работает, было онтологическим (раб свободен по природе или нет?). Утопия утверждает, что разделение труда является социальной патологией, а не законом природы.

В «Утопии» Т. Мора все изучают сельское хозяйство теоретически и практикуют его в полях. В «Городе Солнца» нет слуг: «все отправления – стряпать, прислуживать за столом и прочее – исполняется самими». Кампанелла подчеркивает: тот, кто знает больше ремесел, пользуется большим почетом. Педагогический смысл этого состоит в том, что труд перестает быть наказанием (проклятие Адама) и становится методом познания мира и самопознания. Амбивалентность утопического проекта раскрывается в формулировке «свобода через принуждение». Современные исследования фиксируют фундаментальное противоречие утопического педагогического дискурса. С одной стороны, утописты являются первыми защитниками идеи природного равенства способностей. Р. Оуэн доказывает, что при правильном воспитании любой ребенок может стать добродетельным и разумным. С другой – этот оптимизм оборачивается педагогическим авторитаризмом. Если характер полностью формируется средой, то ребенок «чистая доска». Писать на этой доске имеет право только идеальное государство. Самодеятельность, спонтанность, бунт – это брак, изъян производства.

В чем состоит суть проблемы образа? Гармоничное развитие предполагает критерий гармонии. Государство должно знать, каков идеальный человек. Утописты убеждены, что им этот образец известен. Отсюда истекает неизбежная норматив-

ность. Воспитание превращается в калибровку: одни способности поощряются, другие подавляются. Ш. Фурье, при всей его апологии страстей, ранжирует их на «продуктивные» и «разрушительные». Оуэн исключает из своей системы религию и критикует родителей за «дурное воспитание», если ребенок не соответствует стандарту.

Гармония наступает, когда отсутствует конфликт. В утопическом дискурсе формируется опасная связка: гармоничный человек = бесконфликтный человек. Внутренние противоречия личности трактуются как болезнь, а социальные конфликты – как аномалия. Педагогика становится терапевтической дисциплиной, цель которой сгладить углы, синхронизировать желания индивида с интересами целого. Это положение расходится с пифагорейским пониманием гармонии как напряжения противоположностей. У пифагорейцев предел и беспредельное, единица и двойца

находятся в вечном союзе-борьбе. Утопия тяготеет к гомофонии: один голос, одна партия, один строй души.

В чем состоит значимость данного учения для последующей традиции? Утопический социализм передал марксизму идею о том, что воспитание должно быть соединено с производительным трудом, а целью является «всесторонне развитая личность». Однако в советском дискурсе произошло отождествление «гармоничного» и «всестороннего» развития, что обеднило исходную интуицию о качестве связи между способностями.

Идеи Р. Оуэна о тотальном педагогическом воздействии среды переживают ренессанс в XX в. Современные концепции «обучающего города», «образовательного ландшафта» являются прямыми наследниками утопического дискурса. Сводная таблица трансформации принципа гармонии в пифагорейской и утопической моделях приведена в таблице 1.

Таблица 1. Трансформация принципа гармонии в пифагорейской и утопической моделях

Table 1. Transformation of the principle of harmony in the Pythagorean and utopian models

Параметры	Пифагорейская модель	Утопическая модель
Источник гармонии	Космос, число, божественный Логос	Идеальное государство, проект
Субъект воспитания	Индивид, стремящийся к очищению	Государство, формирующее гражданина
Цель	Катарсис, возвращение к божественному порядку	Социальная справедливость, всеобщее счастье
Метод	Математика, музыка, гимнастика	Архитектура среды, режим труда и досуга
Понимание гармонии	Напряженное равновесие противоположностей	Снятие конфликтов, синхронизация с целым

Таким образом, значимость принципа гармоничного развития для утопической педагогической мысли заключается в том, что он становится оправданием антропологической суверенности государства. Идеальное государство легитимно постольку, поскольку оно производит идеального человека. Гармоничное развитие является не просто методом воспитания, но и

способом легитимации власти. При этом утопия наследует пифагорейской мечте о «настроенном» человеке, но радикально переосмысляет инструменты настройки: вместо личной аскезы и математического созерцания – коллективный труд и перестройка среды; вместо космической гармонии – социальная. И в этой замене одновременно содержатся величие и трагедия

утопической педагогики: она поверила, что человеческое совершенство можно спроектировать, и столкнулась с сопротивлением материала, имя которому Свобода.

Какие античные истоки принципа гармоничного развития личности?

Досократический период включает пифагорейскую школу «идеи числовой гармонии» как модели космического и человеческого порядка; влияние на понимание пропорции, меры, симметрии в воспитании. Если выше рассматривали педагогические идеалы как социокультурные конструкты (утопия, государство, идеальный гражданин), то пифагорейская школа – это место, где впервые в западной традиции онтология (учение о бытии) и педагогика (учение о воспитании) совпали полностью. Представим реконструкцию того, как абстрактная идея «число – начало всего» превратилась у пифагорейцев в жесткую, математически выверенную программу воспитания «совершенного человека», где пропорция, мера и симметрия стали не эстетическими пожеланиями, а законами существования.

Идея числовой гармонии как модели космического и человеческого порядка и ее влияние появилась для понимания пропорции, меры, симметрии в воспитании. Пифагор совершил переворот от «вещества» к «отношению». Досократики (милетцы) искали первоначало в стихиях воду, воздух и первоначала. Пифагор совершил радикальный для VI в. до н.э. поворот, перенес внимание с материи на форму. Если милетцы спрашивали: «Из чего состоят вещи?», то Пифагор спросил: «Как они устроены? Каков закон их связи?». Ответ: мир есть Космос – не просто Вселенная, а порядок, строй, украшение. Критерием космоса выступает наличие внутренней числовой структуры. В данной теории основным является тезис «все вещи суть числа» или, в более мягкой версии Аристотеля, «вещи подражают числам». Механикой гармонии является как число рождает порядок. Легендарный опыт Пифагора с монохордом (на-

тянутой струной) показал: качество (звук, консонанс) жестко определяется количеством (длиной струны): октава = 2:1; квинта = 3:2; кварта = 4:3. Это открытие имело силу религиозного откровения. Выяснилось, что не только геометрия (теорема Пифагора), но и музыка, и движение планет подчиняются одним и тем же числовым отношениям. Так родилась концепция «гармонии сфер»: небесные тела в движении издают звук, высота которого пропорциональна их скорости, и этот звук образует совершенный музыкальный аккорд – октаву.

Пифагорейцы клялись четверицей – тетрактидой ($1+2+3+4=10$). Декада (10) – совершеннейшее число, вмещающее всю природу числа и мира. Геометрическая развертка числа стала моделью порождения реальности: 1 (монада) – точка, единство, Божественное начало; 2 (диада) – линия, различие, полярность; 3 (триада) – плоскость, первое завершение единства противоположностей; 4 (тетрада) – объем, тело, завершенная форма мира. Отсюда возникает идея иерархической симметрии: совершенство низшего уровня (точка) не отменяется, а встраивается в высший уровень (тело). Это прямой прообраз будущей педагогической идеи: воспитание идет через усложнение, сохраняет целостность на каждом этапе.

Как происходит перенос космической модели на человека? Пифагорейцы впервые в европейской традиции формулируют принцип изоморфизма макрокосма и микрокосма. Душа – не пар, не огонь, не кровь, а гармония, т. е. правильное числовое соотношение противоположных начал (предела и беспредельного, тела и духа, возбуждения и покоя). Если душа – гармония, то болезнь души (порок, невежество) является нарушенной пропорцией, фальшивым аккордом. Воспитание, следовательно, есть настройка души.

Пифагор сводил добродетель к числам. В этой системе: 1 – чистый разум, истина (ложь чужда числу); 2 – мнение, дилемма, наука; 4 – справедливость (как квадрат,

равновесие); 7 – душа; 8 – любовь и дружба; 9 – справедливость; 10 – вселенская гармония. Это не примитивная нумерология, а глубокая интуиция: добро – это точно (правда), зло – это фальшиво. Добродетельным является человек «правильно настроенный», как хорошо натянутая струна лиры. Именно в пифагорейской школе родился термин «калокагатия», обозначающий идеал человека, в котором физическое совершенство и нравственная чистота нераздельны. Здесь античная эстетика впервые смыкается с этикой через меру. Красивое – это не любое, а соразмерное, ритмичное, числовое. Основой пифагорейской педагогики является «забота о себе» как настройка души. Цель пифагорейского воспитания – катарсис (очищение) души от оков тела, чтобы вернуть ее к божественной гармонии. Инструменты очищения строго математичны:

а) гимнастика приводит тело в ритм, дает ему меру и симметрию;

б) музыка непосредственно настраивает душу числовыми интервалами, исцеляет аффекты;

в) математика приучает ум к созерцанию чистых отношений, отвлекает от чувственного хаоса.

Таким образом, впервые в истории математика становится педагогическим инструментом, а не просто счетом.

Как же появилась идея перманентного образования? Современные исследования (В. К. Пичугина [23]) показывают, что Пифагор создал концепцию «заботы о себе» как пожизненного образования. Отметим важный нюанс: «забота о себе» – это не эгоизм и не накопление знаний, а онтологическая позиция: человек обязан непрерывно «приводить себя к числу», то есть к порядку, потому что только в этом состоянии он соответствует своему подлинному бытию. Ученик получает образование только в совместной жизни с наставником, заполненной учебой и созерцанием прекрасного; жизни, ориентированной на гармонию души и тела. Симметрия у

Пифагора – образ жизни. Пифагорейский союз – это не просто школа, а община жизни, где режим дня, питание, молчание, речь подчинены идее ритма и пропорции. Знаменитые пифагорейские предписания (не есть бобов, не прикасаться к белому петуху), которые кажутся нам суевериями, в контексте их учения является дисциплиной формы. Это упражнения в различении порядка и хаоса на бытовом уровне.

Как повлияла идея Пифагора на дальнейшую педагогическую традицию? Платон прямо наследует пифагорейскую программу. В «Государстве» математика и музыка являются основой воспитания философов, а идея припоминания (анамнесиса) – онтологическое обоснование пифагорейского тезиса: душа родственна числу, учиться значит вспоминать небесную гармонию. Квадривиум, т. е. четыре пути пифагорейского обучения (арифметика, геометрия, музыка, астрономия) стали основой средневекового образования и просуществовали полторы тысячи лет. Научная революция состоит в том, что Коперник и Кеплер создавали гелиоцентрическую систему и искренне верили, что восстанавливают пифагорейскую «гармонию мира».

Таким образом, пифагорейская школа – это момент, когда педагогика впервые обрела метафизический фундамент. Воспитание перестало быть простой трансляцией навыков (как у ремесленников) или муштрой (как в Спарте). Оно стало онтологическим восстановлением человека. Гармония, пропорция, мера, симметрия являются не просто красивыми словами о воспитании. Для пифагорейцев это способы существования бытия. Научить человека, значит «вписать» его в числовую структуру космоса, сделать его созвучным вселенной. Педагог у пифагорейцев не ремесленник и не чиновник, а настройщик души, создающий мир из хаоса. Реконструкция соответствия пифагорейского числовой модели педагогическим методам и целям воспитания приведена в таблице 2.

Таблица 2. Реконструкции пифагорейского воспитательного канона

Table 2. Reconstructions of the Pythagorean educational canon

Уровень бытия	Числовая модель	Педагогический метод	Цель
Космос	Тетрактида (1+2+3+4)	Созерцание, астрономия	Понимание гармонии сфер
Социум	Дружба как равенство (1:1)	Общинная жизнь, этика	Справедливость
Душа	Гармония интервалов	Музыка, математика	Катарсис, настройка
Тело	Симметрия членов	Гимнастика, диета	Калокагатия

Таким образом, пифагорейцы создали матрицу, внутри которой педагогика работает как точная наука, а физическое и умственное развитие оказываются частными случаями универсального закона числа.

Обсуждение и заключение. Подводя итог сравнительному анализу античной и европейской утопической гуманистической мысли, можно утверждать, что идея гармоничного развития личности является одной из сквозных линий, определяющих развитие педагогической теории на протяжении столетий. Античность заложила фундаментальный принцип калокагатии – неразрывного единства внутреннего совершенства (души, ума) и внешней телесной красоты. Гармония понимается как соразмерность человека космосу и полису.

Европейская гуманистическая утопия эпохи Возрождения восприняла античный идеал, существенно трансформировала его под влиянием христианских ценностей и нарождающегося индивидуализма. Если

античность видела гармонию в балансе общественного и личного, то мыслители-утописты сместили акцент на поиск условий для раскрытия индивидуальности, часто помещали идеал «совершенного человека» в контекст идеального («нигде не существующего») общества.

Общим знаменателем обеих традиций является убеждение во всеисилии воспитания и его решающей роли в формировании добродетельной и всесторонне развитой личности. Античная мысль дала Европе идеал меры и естественности, а утопическая традиция – динамичный проект непрерывного самосовершенствования, подкрепленный верой в гуманистические ценности. В этом диалектическом единстве античного идеала равновесия и утопического стремления к преобразованию человека и общества кроется непреходящая актуальность данных педагогических концепций для современной теории и практики образования.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1973. 278 с. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/zarublitra/averincev_plutarkh.pdf.
2. Алексеев М.П. Славянские источники «Утопии» Томаса Мора [Электронный ресурс]. М.: Акад. наук СССР, 1955. 119 с. URL: https://imwerden.de/pdf/alekseev_biobibliografiya_1972_text.pdf.

3. Аристотель. Поэтика; О душе: Риторика; О душе / пер. с древнегреч. В. Аппельрота, Н. Платоновой и П. Попова [Электронный ресурс]. М.: Мир книги, 2009. 398 с. URL: <https://mybook.ru/author/aristotel/o-dushe-6/read/>.

4. Арним Г. фон. История античной философии [Электронный ресурс] / пер. с нем. и предисл. С.И. Поварнина. М.: URSS, 2007. 254 с. URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/pdf>.

5. Блэкберн С. Платон. «Республика» / пер. с англ. Л. Мазитовой [Электронный ресурс]. М.: АСТ, 2009. 246 с. URL: <https://api.nla.am/server/api/core/bitstreams/32c55bd7-60ed-4aff-bd32-c85fb676b460/content>.

6. Богуславский М.В. Современные проблемы образования в историко-педагогическом осмыслении [Электронный ресурс]. М.: МЦНМО, 2025. 712 с. URL: <https://biblio.mccme.ru/node/306076>.

7. Гайденко П.П. Научная рациональность и философский разум [Электронный ресурс]. М.: Прогресс-традиция, 2003. 521 с. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/gaydenko_fil_razum.pdf.

8. Доддс Э.Р. Греки и иррациональное [Электронный ресурс]. СПб.: Университет книга, 2000. 316 с. URL: https://royallib.com/read/dodds_erik/greki_i_irratsionalnoe.html#0.

9. Йегер В. Пайдейя: воспитание античного грека: эпоха великих воспитателей и воспитательных систем [Электронный ресурс] / пер. с нем. М.Н. Ботвинника. Т. 2. М.: ГЛК Ю.А. Шичалина, 1997. 334 с. URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/jager/jager.pdf>.

10. Йегер В. Теология ранних греческих философов. Гиффордские лекции 1936 года [Электронный ресурс] / пер. с англ. А.С. Мерзениной. СПб.: Аллегро: Владимир Даль, 2021. 350 с. URL: <https://coollib.in/b/645415-verner-yeger-teologiya-rannih-grecheskikh-filosofov/read>.

11. Каждан А.П. Религия и атеизм в древнем мире [Электронный ресурс]. М.: Акад. наук СССР, 1957. 343 с. URL: file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/Temp1_religiya_i_ateizm_v_drevnem_mire.zip/pdf.

12. Каутский К. Томас Мор и его Утопия [Электронный ресурс] / пер. с нем. М.А., А.Г. Генкель. СПб., 1905. 318 с. URL: file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/Temp1_thomas_more.zip/_%D0.pdf.

13. Кереньи К. Мифология [Электронный ресурс] / пер. с венг. Ю. Гусев и др. М.: Три квадрата, 2012. 493 с. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/Zeus_and_Hera_Karl_Kerenyi.pdf.

14. Кравцов Н.А. Скипетр и лира: государственная власть, право и искусство в теории и практике Древнего мира [Электронный ресурс]. М.: Юрлитинформ, 2015. 364 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22799370>.

15. Кудаев А.Е. Античная эстетика [Электронный ресурс]. М.: Пробел-2000, 2016. 142 с. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/antichnaya-estetika.html>.

16. Курабцев В.Л. Платон: агатофилософия [Электронный ресурс]: монография. М.: Проспект, 2017. 160 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59738960>.

17. Ловецкий Г.И. Философия и математика: высшие идеи и числа в Древнем мире и античности [Электронный ресурс]. М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2009. 755 с. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/filosofiya-i-matematika-vysshie-idei-i.html>.

18. Лосев А.Ф. История античной эстетики [Электронный ресурс]: в 2-х кн. Кн. 1. М.: Искусство, 1992. 656 с. URL: https://imwerden.de/pdf/losev_istoriya_antichnoj_estetiki_tom2_2000__ocr.pdf.

19. Лукасевич Я. О принципе противоречия у Аристотеля. СПб.: Центр гуманитарных инициатив; М. 2012. 255 с. URL: <https://studfile.net/preview/6267788>.

20. Макарова И.В. Учение Аристотеля о душе как субъекте познания и его судьба в западноевропейской философии: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 171 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/uchenie-aristotelya-o-dushe-kak-subekte-poznaniya-i-ego-sudba-v-zapadnoevropeiskoi-filosofii>.

21. Маликов Р.Ш., Волкова Л.М. Преемственность античного и тюркского средневекового утопического гуманизма [Электронный ресурс]. Казань: Отечество, 2015. 158 с. URL: https://elibrary.ru/cit_items.asp?publid=261063848.

22. Павлова Д.А. Интерпретация мышления Аристотеля в философии XX века [Электронный ресурс]: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2022. 167 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/interpretatsiya-myshleniya-aristotelya-v-filosofii-khkh-veka>.

23. Пичугина В.К. Развитие антропологического дискурса «заботы о себе» в истории античной педагогики [Электронный ресурс]: дис. ... д-ра педагог. наук. Волгоград, 2013. 363 с. URL: https://vspu.ru/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_pichuginoy_v.k..pdf.

24. Платон. Государство. Кн. I [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.today/TEXTS/PLATO/LosevH/0302.htm>.

25. Платон. Законы [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Lows.pdf. [Электронный ресурс]. М.; СПб.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 815 с. URL: <https://aristotle.rhga.ru/upload/iblock/6c6/0k8uws0fvqqs885zqulhl7jm0mblz72x/.pdf>.

26. Трубецкой С.Н. Сочинения [Электронный ресурс]. М.: Мысль, 1994. 816 с. URL: <https://www.philosophy.ru/upload/iblock/821/8213f1aac3113a9f1c84880a7f8d1e66.pdf>.

27. Чернышев Б.С. Софисты [Электронный ресурс]. М.: URSS: Ленанд, 2006. 174 с. URL: <https://bookz.ru/authors/chernyshiov-boris/book-sofisty-511336>.

28. Штекли А.Э. Утопии и социализм [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1993. 270 с. URL: <https://istmat.org/files/uploads/67600/shtekli.pdf>.

REFERENCES

1. Averintsev, S.S. Plutarch and classical biography: on the place of a classic of the genre in the history of the genre [Electronic resource]. Moscow: Nauka, 1973. 278 p. URL: https://biblio.imli.ru/images/abook/zarublitra/averintsev_plutarkh.pdf. [In Russ.]

2. Alekseev, M.P. Slavic sources of Thomas More's "Utopia" [Electronic resource]. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1955. 119 p. URL: https://imwerden.de/pdf/alekseev_biobibliografiya_1972_text.pdf. [In Russ.]

3. Aristotle. Poetics; On the Soul: Rhetoric; On the Soul / translated from ancient Greek by V. Appelrot, N. Platonova, and P. Popov [Electronic resource]. Moscow: Mir Knigi, 2009. 398 p. URL: <https://mybook.ru/author/aristotel/o-dushe-6/read/>. [In Russ.]

4. Arnim G. von. History of Ancient Philosophy [Electronic resource] / translated from German and foreword by S. I. Povarnin. Moscow: URSS, 2007. 254 p. URL: <https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/pdf>. [In Russ.]

5. Blackburn, S. Plato. "The Republic" / translated from English by L. Mazitova [Electronic resource]. Moscow: AST, 2009. 246 p. URL: <https://api.nla.am/server/api/core/bitstreams/32c55bd7-60ed-4aff-bd32-c85fb676b460/content>. [In Russ.]

6. Boguslavsky, M.V. Modern problems of education in historical and pedagogical understanding [Electronic resource]. Moscow: MCNO, 2025. 712 p. URL: <https://biblio.mccme.ru/node/306076>. [In Russ.]

7. Gaidenko, P.P. Scientific rationality and philosophical reason [Electronic resource]. Moscow: Progress-Tradition, 2003. 521 p. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/gaydenko_fil_razum.pdf. [In Russ.]

8. Dodds, E.R. The Greeks and the Irrational [Electronic resource]. St. Petersburg: University Book, 2000. 316 p. URL: https://royallib.com/read/dodds_erik/greki_i_irratsionalnoe.html#0. [In Russ.]

9. Yeager, V. Paideia: The education of an ancient Greek: the age of great educators and educational systems [Electronic resource] / translated from German by M.N. Botvinnik. Vol. 2. Moscow: GLK Yu.A. Shichalina, 1997. 334 p. URL: <http://www.sno.pro1.ru/lib/jager/jager.pdf>. [In Russ.]

10. Yeager, V. Theology of early Greek philosophers. The Gifford Lectures of 1936 [Electronic resource] / translated from English by A.S. Merzenina. St. Petersburg: Allegro: Vladimir Dahl, 2021. 350 p. URL: <https://coollib.in/b/645415-verner-yeger-teologiya-rannih-grechskih-filosofov/read>. [In Russ.]

11. Kazhdan, A.P. Religion and atheism in the ancient world [Electronic resource]. M.: Academician. Sciences of the USSR, 1957. 343 p. URL: file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/Temp1_religiya_i_ateizm_v_drevnem_mire.zip/.pdf. [In Russ.]
12. Kautsky, K. Thomas More and his Utopia [Electronic resource] / trans. with him. M.A., A.G. Genkel. St. Petersburg, 1905. 318 p. URL: file:///C:/Users/user/AppData/Local/Temp/Temp1_thomas_more.zip/_%D0.pdf. [In Russ.]
13. Kerenyi, K. Mythology [Electronic resource] / trans. from Hungarian Yu. Gusev et al. Moscow: Tri kvadrata, 2012. 493 p. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/Zeus_and_Hera_Karl_Kerenyi.pdf. [In Russ.]
14. Kravtsov, N.A. Scepter and Lyre: state power, law, and art in the theory and practice of the ancient world [Electronic resource]. Moscow: Yurlitinform, 2015. 364 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22799370>. [In Russ.]
15. Kudayev, A.E. Ancient Esthetics [Electronic resource]. Moscow: Probel-2000, 2016. 142 p. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/antichnaya-estetika.html>. [In Russ.]
16. Kurabtsev, V.L. Plato: Agathophilosophy [Electronic resource]: monograph. Moscow: Prospect, 2017. 160 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=59738960>. [In Russ.]
17. Lovetsky, G.I. Philosophy and Mathematics: higher ideas and numbers in the ancient world and antiquity [Electronic resource]. Moscow: Bauman Moscow State Technical University, 2009. 755 p. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/filosofiya-i-matematika-vysshie-idei-i.html>. [In Russ.]
18. Losev, A.F. History of Ancient Esthetics [Electronic resource]: in 2 books. Book 1. Moscow: Iskustvo, 1992. 656 p. URL: https://imwerden.de/pdf/losev_istoriya_antichnoj_estetiki_tom2_2000__ocr.pdf. [In Russ.]
19. Lukasiewicz Ya. On the Principle of Contradiction in Aristotle. St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives; Moscow, 2012. 255 p. URL: <https://studfile.net/preview/6267788>. [In Russ.]
20. Makarova, I.V. Aristotle's teaching on the soul as the subject of cognition and its fate in Western European Philosophy: Diss. ... PhD (Phil.). Moscow, 2005. 171 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/uchenie-aristotelya-o-dushe-kak-subekte-poznaniya-i-ego-sudba-v-zapadnoevropeiskoi-filosofii>. [In Russ.]
21. Malikov, R.Sh., Volkova, L.M. Continuity of ancient and Turkic medieval Utopian humanism [Electronic resource]. Kazan: Otechestvo, 2015. 158 p. URL: https://elibrary.ru/cit_items.asp?publid=261063848. [In Russ.]
22. Pavlova, D.A. Interpretation of Aristotle's thinking in the Philosophy of the 20th century [Electronic resource]: Dis. ... PhD (Phil.). Saratov, 2022. 167 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/interpretatsiya-myshleniya-aristotelya-v-filosofii-khkh-veka>. [In Russ.]
23. Pichugina, V.K. Development of the anthropological discourse of «Caring for the Self» in the history of ancient Pedagogy [Electronic resource]: Dis. ... Dr Sci. (Ped.). Volgograd, 2013. 363 p. URL: https://vspu.ru/sites/default/files/disfiles/dissertations/dissertaciya_pichuginoy_v.k..pdf. [In Russ.]
24. Plato. The Republic. Book I [Electronic resource]. URL: <https://plato.today/TEXTS/PLATO/LosevH/0302.htm>. [In Russ.]
25. Plato. Laws [Electronic resource]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Platon_Lows.pdf. [Electronic resource]. M.; SPb.: Rus Russian: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2010. 815 p. URL: <https://aristotle.rhga.ru/upload/iblock/6c6/0k8uws0fvqq885zqulhl7jm0mblz72x/.pdf>. [In Russ.]
26. Trubetskoy, S.N. Works [Electronic resource]. Moscow: Mysl, 1994. 816 p. URL: <https://www.philosophy.ru/upload/iblock/821/8213f1aac3113a9f1c84880a7f8d1e66.pdf>. [In Russ.]
27. Chernyshev, B.S. Sophists [Electronic resource]. Moscow: URSS: Lenand, 2006. 174 p. URL: <https://bookz.ru/authors/chernyshiov-boris/book-sofisty-511336>.
28. Shteckly, A.E. Utopias and socialism [Electronic resource]. M.: Nauka, 1993. 270 p. URL: <https://istmat.org/files/uploads/67600/shtekli.pdf>. [In Russ.]

Информация об авторах / Information about the authors

Павел Анатольевич Поповченко, аспирант. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет». 423806, Российская Федерация, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28, e-mail: popovchenko@yandex.ru

Рустам Шайдуллович Маликов, профессор, доктор педагогических наук, профессор. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Набережночелнинский государственный педагогический университет», 423806, г. Набережные Челны, ул. Низаметдинова, 28, e-mail: rustiku@bk.ru

Pavel A. Popovchenko, Postgraduate student, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University 423806, the Russian Federation, Naberezhnye Chelny, 28 Nizametdinov St., e-mail: popovchenko@yandex.ru

Rustam Sh. Malikov, Dr Sci (Ped.), Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, 423806, the Russian Federation, Naberezhnye Chelny, 28 Nizametdinov St., e-mail: rustiku@bk.ru

Заявленный вклад соавторов

Павел Анатольевич Поповченко – существенный вклад в замысел и дизайн исследования, сбор данных и анализ данных.

Рустам Шайдуллович Маликов – подготовка статьи или ее критический пересмотр в части значимого интеллектуального содержания. Окончательное одобрение варианта статьи для опубликования

Claimed contribution of the authors

Pavel A. Popovchenko – significant contribution to the concept and design of the research, data collection, and data analysis.

Rustam Sh. Malikov – article preparation or critical revision for significant intellectual content. Final approval of the article for publication.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 04.03.2026

Поступила после рецензирования 10.04.2026

Принята к публикации 12.04.2026

Received 04.03.2026

Revised 10.04.2026

Accepted 12.04.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-158-171>
УДК [378.016:811.111]:69

Апробация и анализ эффективности проектного метода (Project-Based Learning, PBL) в обучении английскому языку студентов строительных специальностей

М.А. Тлевцежева✉, Е.Н. Базалина

*Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
✉tlevcezheva57@mail.ru*

Аннотация. Введение. Сегодня традиционные методики преподавания иностранного языка в техническом вузе зачастую не обеспечивают должного уровня вовлеченности студентов, не формируют навыков решения прикладных производственных задач и не обеспечивают нужного уровня «погружения» в профессию.

Цель исследования: теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность проектного метода (Project-Based Learning, PBL) в процессе обучения профессиональному английскому языку студентов строительных специальностей в условиях цифровой трансформации образования.

Материалы и методы. В исследовании были использованы теоретические методы: анализ теоретической и методической литературы, систематизация, моделирование; эмпирические методы: педагогический эксперимент, тестирование, наблюдение, анализ результатов.

Результаты исследования. В ходе эксперимента по апробации PBL в обучении английскому языку студентов строительных специальностей использовались оригинальные футурологические темы проектов. Разработан готовый методический кейс и дескрипторы для защиты инженерных решений на английском языке.

Анализ данных показал рост профессионального тезауруса на 85% и навыков публичных выступлений на 140%. Грамматический прогресс (+40%) оказался ниже лексического, что подтверждает коммуникативную направленность метода. Выявлены и классифицированы ключевые барьеры 2025 года: технические, психологические и высокая нагрузка на преподавателей-фасилитаторов. Доказано, что проектный метод сокращает дистанцию между теорией языка и инженерной практикой, повышая общую мотивацию студентов в 2,3 раза.

Обсуждение и заключение. Результаты апробации указывают на то, что проектный метод сокращает дистанцию между теорией языка и инженерной практикой, развивает критическое мышление и способность студентов обосновывать выбор материалов на английском языке.

Ключевые слова: проектный метод, ESP, строительное образование, английский язык, цифровые барьеры, междисциплинарность, инженерная коммуникация

© Тлевцежева М.А., Базалина Е.Н., 2026

Для цитирования: Тлевцежева М.А., Базалина Е.Н. Апробация и анализ эффективности проектного метода (Project-Based Learning, PBL) в обучении английскому языку студентов строительных специальностей. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 158–171. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-158-171>

Testing and analysis of the effectiveness of the project-based learning (PBL) method in teaching English to students of construction specialties

M.A. Tlevtsezheva✉, E.N. Bazalina

*Maykop State Technological University,
Maikop, the Russian Federation*
✉ tlevcezheva57@mail.ru

Abstract. Introduction. Nowadays, traditional foreign language teaching methods at technical universities often fail to ensure the required level of student engagement, do not develop skills for solving applied industrial problems, and do not provide the necessary level of immersion in the profession.

The goal of the research is to substantiate theoretically and test experimentally the effectiveness of Project-Based Learning (PBL) in teaching professional English to construction students in the context of the digital transformation of education.

The materials and methods. The following methods have been used in the research: analysis of theoretical and methodological literature, systematization, and modeling; and empirical methods: pedagogical experiment, testing, observation, and analysis of results.

The results. During the PBL pilot, original futurological project themes were used in teaching English to construction students. A ready-made methodological case and descriptors for defending engineering solutions in English were developed.

Data analysis revealed an 85% increase in professional thesaurus knowledge and a 140% increase in public speaking skills. Grammatical progress (+40%) was lower than lexical progress, confirming the communicative focus of the method. Key barriers were identified and classified: technical and psychological. It was proven that the project-based method bridges the gap between language theory and engineering practice, increasing students' overall motivation by 2.3 times.

Discussion and Conclusion. The results of the pilot study indicate that the project-based method bridges the gap between language theory and engineering practice, develops critical thinking and students' ability to justify their choice of materials in English.

Keywords: project-based method, ESP, construction education, English language, digital barriers, interdisciplinarity, engineering communication

For citation: Tlevtsezheva M.A., Bazalina E.N. Testing and analysis of the effectiveness of the project-based learning (PBL) method in teaching English to students of construction specialties. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 158–171. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-158-171>

Введение. Современный этап развития строительной отрасли характеризуется тотальной цифровизацией и переходом

к технологиям информационного моделирования (BIM/TIM). Сегодня владение профессиональным английским языком

перестает быть комплементарным навыком и становится критическим компонентом инженерной подготовки. Это продиктовано необходимостью работы с международными базами данных, актуальными стандартами экологического строительства (Green Building) и англоязычными интерфейсами специализированного программного обеспечения. Однако традиционные методики преподавания иностранного языка в техническом вузе зачастую не обеспечивают должного уровня вовлеченности студентов, не формируют навыков решения прикладных производственных задач и не обеспечивают нужного уровня «погружения» в профессию. Исходя из этого, потребовались новые универсальные и эффективные средства преподавания, которые соответствовали бы сформировавшемуся запросу на качественное, но при этом быстрое обучение.

В современных исследованиях по методологии преподавания английского языка (2023 – 2025 гг.) подчеркивается переход от традиционных лекций к студентоцентрированным и технологичным форматам, адаптированным под прикладные задачи инженеров.

Выделяются следующие методы и подходы:

1. Технологически-ориентированное обучение:

– Blended Learning (смешанное обучение). Комбинация очных занятий и онлайн-платформ (LMS), позволяющая студентам изучать теорию в своем темпе.

– Flipped Classroom («Перевернутый класс»). Теоретический материал осваивается дома через видеолекции, а аудиторное время тратится на практику и дискуссии.

– Геймификация и VR/AR. Использование игровых механик, виртуальной и дополненной реальности для симуляции профессиональных ситуаций (например, на производстве).

– Искусственный интеллект. Применение искусственного интеллекта (ИИ) для персонализации обучения и создания адаптивных тестов.

2. Практико-ориентированные методики:

– CLIL (предметно-языковое интегрированное обучение). Изучение технических дисциплин (физика, IT) непосредственно на английском языке.

– Task-Based Learning (обучение на основе задач). Урок строится вокруг решения конкретной инженерной или коммуникативной задачи (например, проведение интервью или составление ТЗ).

– Project-Based Learning (метод проектов). Студенты разрабатывают технические проекты на английском, что развивает навыки командной работы и поиска информации.

3. Интерактивные и социальные формы:

– Ролевые игры и дискуссии. Моделирование международных конференций или производственных совещаний.

– Профессиональные тандемы. Совместное чтение лекций преподавателем-предметником и лингвистом.

4. Изменение роли преподавателя. В современной литературе отмечается трансформация преподавателя из основного источника знаний в фасилитатора, эксперта и организатора самостоятельной работы студентов¹ [1].

Анализ современных публикаций по исследуемой теме (А.Х. Сайед; М. Худа) указывает на существование «разрыва» между академическими знаниями языка и их практическим применением. Студенты строительных специальностей сталкиваются с техническими барьерами в LMS-системах и психологическим дефицитом мотивации при дистанционной работе. В этих условиях проектный метод выступает как наиболее перспективная модель, способная интегрировать языковую подготовку в профессиональный контекст [2,3].

Согласно «Золотому стандарту» PBL, вовлеченность студентов достигается че-

¹ Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования: учебное пособие. М.: Академия, 2010. 368 с.

рез механизм длительного исследования (Sustained Inquiry). Лармер и соавторы утверждают, что проект должен порождать вопросы, которые заставляют студентов искать информацию и использовать язык для решения реальных проблем, а не просто воспроизводить заученный материал» [4].

Материалы и методы. В исследовании были использованы теоретические методы: анализ теоретической и методической литературы, что позволило выявить актуальное состояние и проблемы исследуемого вопроса, систематизация и обобщение, моделирование (разработан готовый методический кейс и дескрипторы для защиты инженерных решений на английском языке); эмпирические методы: педагогический эксперимент: констатирующий этап (выявление исходного уровня), формирующий (создана методика, которая привела к положительной динамике, внедрена разработанная методика, то есть, практически применен разработанный инструмент в работе с экспериментальной группой) и контрольная проверка эффективности: тестирование, использование стандартизированных заданий для оценки уровня владения терминологией, свободы речи, произношения, грамматической правильности, восприятия на слух, устной презентации, наблюдение, количественный и качественный анализ результатов, статистическая обработка результатов.

Педагогический эксперимент по применению проектного метода (Project-Based Learning, PBL) в обучении английскому языку проводился в ФГБОУ ВО «Майкопский государственный технологический университет». Эмпирическую базу исследования составили 40 обучающиеся 2 курса по направлению подготовки «Строительство»: контрольная группа (КГ) – профиль «Городское строительство и хозяйство» и экспериментальная группа (ЭГ) – профиль «Промышленное и гражданское строительство», что обеспечило репрезентативность полученных данных. Эксперимент проводился в 2024-2025 учебном году.

Обзор литературы. Проблема внедрения проектного метода в процесс профессионально-ориентированного обучения иностранному языку (English for Specific Purposes – ESP) в техническом вузе находится в центре внимания современных исследователей. Теоретический анализ позволяет выделить три ключевых направления в изучении данного вопроса.

1. Интеграция профессионального контекста и технологий.

По утверждению Э. Арно-Масия, использование информационных технологий в курсах LSP не просто дополняет учебный процесс, а «создает аутентичную среду, которая готовит будущих инженеров к реалиям международной профессиональной коммуникации» [5]. В последние годы акцент сместился с чисто лингвистического обучения на междисциплинарный подход. М. Худа и соавторы в своем исследовании доказывают, что использование технологий информационного моделирования зданий (BIM) в качестве основы для языковых проектов значительно повышает вовлеченность студентов-строителей [6]. Авторы подчеркивают, что визуализация инженерных решений на английском языке снижает когнитивную нагрузку при усвоении сложной терминологии.

2. Развитие компетенций XXI века (Soft Skills).

Ряд исследователей рассматривает PBL как основной инструмент формирования надпрофессиональных навыков. А.Х. Сайед и Р. Садик указывают на то, что проектная деятельность в среде ESP развивает критическое мышление и навыки коллаборации, которые являются критически важными для инженеров в условиях глобализации [7]. В отечественной науке И.В. Королева также подтверждает, что проектный метод способствует формированию «профессиональной идентичности» будущего строителя, позволяя ему оперировать международными стандартами (Eurocodes) уже на этапе вузовского обучения [8].

3. Специфика строительного профиля в ESP.

Особенности обучения строителей через проекты детально рассматриваются в работах О.В. Мисиура и М.А. Петровой. Исследователи отмечают, что классические учебники ESP часто не поспевают за темпами развития отрасли (зеленое строительство, аддитивные технологии). Авторы предлагают использовать «живые» кейсы и футурологические сценарии (напр., реновация промышленных зон), что позволяет студентам использовать язык как инструмент для решения реальных проектных задач, а не как объект сухого изучения грамматических правил [9,10].

Опираясь на опыт С.В. Кузнецовой, можно утверждать, что интеграция проектного метода в курс английского языка для строительных специальностей позволяет достичь высокого уровня вовлеченности [11].

Проблема преодоления разрыва между теоретической базой и практическим владением языком находит отражение в трудах как классиков педагогики (Дж. Дьюи, Е.С. Полат), так и современных исследователей в области инженерного образования

(У. Бендер, С.В. Кузнецова, Ю.Ю. Сясь). Авторы единодушны в том, что проектный метод выступает связующим звеном, позволяющим трансформировать «знание о языке» в «владение языком» в условиях, максимально приближенных к профессиональной реальности» [12,13,14,15].

Несмотря на наличие значительного количества работ, вопрос адаптации оригинальных, высокотехнологичных тем (таких как кинетическая архитектура или внеземное строительство) в курсе английского языка для строителей остается недостаточно освещенным. Это выявляет недостаточную изученность вопроса, что и послужило основанием для проведения данного исследования.

Результаты исследования. Для успешной апробации проектного метода на строительной специальности автором разработана «План-сетка реализации проекта», внесенная в рабочую программу по дисциплине, позволяющая интегрировать проект в стандартный курс английского языка (ESP – English for Specific Purposes) (таб. 1), и контрольные вопросы для оценки результатов.

Таблица 1. План-сетка реализации проекта

Table 1. Project implementation grid plan

№	Этап проекта	Содержание деятельности
1	Launch	Формирование групп. Выбор темы. Поиск ключевых терминов.
2	Inquiry	Сбор информации из англоязычных СНиП (строительные нормы и правила) и в архитектурных журналах (Dezeen, ArchDaily).
3	Vocabulary Focus	Семинар: отработка профессиональной лексики (materials, structural elements, loads).
4	Drafting	Создание черновика проекта/схемы. Написание аннотации (Abstract) на английском.
5	Consultation	Встречи-консультации ("Clinics"): обсуждение грамматических и технических ошибок.
6	Multimedia Prep	Подготовка визуальной части (презентация, 3D-визуализация, плакаты) на английском языке.
7	Rehearsal	Предварительная прогон-защита в группах. Взаимная правка (Peer-review).
8	Presentation	Финальная защита проекта перед "комиссией" (преподаватель + студенты).

Контрольные вопросы для защиты проекта:

Общие (General):

– Why did you choose this particular topic for your study? (Почему вы выбрали эту тему?);

– What was the main goal of your project? (Какова была главная цель проекта?).

Технические (Technical/Engineering):

– What building materials did you use and why? (Какие материалы вы использовали и почему?);

– What are the main structural advantages of your design? (Каковы основные конструктивные преимущества вашего проекта?);

– How did you ensure the safety and stability of the construction? (Как вы обеспечили безопасность и устойчивость конструкции?).

Аналитические (Critical Thinking):

– What was the most difficult part of the research? (Что было самым сложным в исследовании?);

– How do your findings relate to modern construction trends? (Как ваши результаты соотносятся с современными трендами?);

– If you had a bigger budget, what would you change in your project? (Если бы бюджет был больше, что бы вы изменили?).

Эти вопросы проверяют не только знание языка, но и понимание инженерной сути проекта.

В экспериментальной группе обучающиеся разделились на 3 команды и выбрали темы проектов. К каждому проекту были определены языковые и технические ориентиры.

1. «Kinetic Architecture: Buildings That Move».

Проект здания, которое меняет форму в зависимости от солнца или ветра (например, вращающиеся этажи или динамические фасады).

English Focus: глаголы движения, физические процессы, описание механизмов и датчиков.

Engineering Focus: шарнирные соединения, энергоэффективность, автоматизация.

2. «Post-Disaster Rapid Housing: The Origami Principle».

Разработка быстровозводимых складных домов для зон стихийных бедствий, которые собираются за 24 часа.

English Focus: модальные глаголы (must, should, can), логистика, сборка-разборка (phrasal verbs: put up, take down, fold out).

Engineering Focus: компактность, легкость материалов (композиты), устойчивость конструкций.

3. «Vertical Forests: Converting Industrial Ruins».

Реновация заброшенного завода или элеватора в жилой комплекс, покрытый вертикальными садами.

English Focus: экологическая лексика (sustainability, carbon footprint), описание трансформации (before/after).

Engineering Focus: нагрузка от почвы и деревьев на старые перекрытия, системы автополива.

Для стимула, командам были показаны видеофильмы о современных эко-домах и поставлены цели и задачи, опираясь на мнение У. Бендера о том, что проектный метод позволяет дифференцировать обучение, предоставляя студентам разного уровня подготовки задачи, соответствующие их способностям [12].

Цели:

– поиск информации: изучение англоязычных кейсов и выбор материалов (дерево, переработанный пластик, бетон);

– сфокусироваться на сравнительную степень прилагательных (*stronger than, less expensive than*) и модальные глаголы (*should use, must install*);

– создание продукта (Product Development).

Задачи:

– отрисовать планировку (чертеж или 3D-модель) и составить краткое описание на английском языке;

– сфокусироваться на Present Simple для описания характеристик и предлогов места для планировки (*next to, opposite, located at*).

Определены условия к презентациям проектов (Public Product).

Формат: мини-выставка или «Pitch» перед «инвесторами» (другими студентами).

Критерии: обоснование выбора материалов, расчет энергоэффективности, ответы на вопросы.

Языковой фокус: фразы для презентаций (*I'd like to highlight, moving on to, in conclusion*).

После защиты проектов наступает этап – переход от действия к осмыслению:

1) Рефлексия (Reflection) (в нашем случае групповая): обсуждение в команде вклада каждого участника и эффективности взаимодействия. Это помогает подвести итоги сотрудничества и снять эмоциональное напряжение.

2) Оценка (Assessment). В проектной методике оценка должна быть комплексной, чтобы избежать субъективности:

– **самооценка (Self-assessment):** студент оценивает свой прогресс по определенным критериям (например, «насколько выросла моя беглость речи»). Это повышает ответственность за результат;

– **взаимооценка (Peer-assessment):** команды оценивают выступления друг друга по заданным чек-листам (структура, визуализация, качество ответов на вопросы);

– **итоговая оценка преподавателя (Summative assessment):** оценка не только презентации (продукта), но и «процесса» (владение профессиональной лексикой, аргументация и качество визуализации, динамики навыка Speaking, вовлеченности в ходе подготовки).

Констатирующий этап эксперимента был направлен на фиксацию исходного уровня профессионально-ориентированной иноязычной коммуникативной компетенции студентов, с целью доказательства, что традиционное обучение не в полной

мере готовит студентов к реальному профессиональному общению. Результаты входного среза отображены в таблице 2.

Реализация проектов проводилась в рамках формирующего этапа в соответствии с разработанной рабочей программой. В завершении эксперимента проведен сравнительный количественный и качественный анализ результатов тестирования «Контрольной группы» (традиционное обучение) и «Экспериментальной группы» (проектный метод) в целях подтверждения эффективности проектного метода (Project-Based Learning, PBL) в обучении английскому языку студентов строительных специальностей (табл. 2).

Для оценки эффективности проектного метода (PBL) был проведен сравнительный анализ результатов входного и итогового срезов. Количественные показатели, получены по 100-балльной системе. Для расчета данных использовалась формула относительного прироста показателя (изменение значения по отношению к исходному состоянию). Это позволяет наглядно показать интенсивность развития навыка.

Формула расчета:

$$G = \frac{(S_{\text{post}} - S_{\text{pre}})}{S_{\text{pre}}} * 100 \%$$

Где:

G – темп прироста показателя в процентах;

S_{pre} – средний балл за входной срез;

S_{post} – средний балл за итоговый срез.

При сравнении результатов, отображенных в таблице 1, можно выделить следующие закономерности.

Количественный анализ выявил:

1) Резкий скачок в категории «Профессиональный тезаурус» (рост на 85%) объясняется сменой механизма запоминания. В традиционной модели студент заучивает список слов, тогда как в рамках проекта термин становится необходимым инструментом коммуникации.

Таблица 2. Количественный анализ (составлена автором)

Table 2. Quantitative analysis (compiled by the author)

Критерий оценки	Группа	Входной срез (средний балл)	Итоговый срез (средний балл)	Рост (%)
Профессиональный тезаурус (Technical Vocabulary)	ЭГ	42	78	+85%
	КГ	41	52	+27%
Грамматическая правильность (Grammar Accuracy)	ЭГ	35	55	+57%
	КГ	34	42	+23%
Восприятие на слух (Auditory)	ЭГ	40	65	+62%
	КГ	39	48	+23%
Устная презентация (Speaking)	ЭГ	30	72	+140%
	КГ	31	40	+29%

Студент многократно использует лексемы «*structural load*», «*sustainable materials*» и «*load-bearing capacity*» в различных контекстах: при поиске информации, в обсуждении внутри группы и во время защиты.

Освоение терминологии: рост тезауруса в экспериментальной группе в 3 раза превышает показатели контрольной группы. Это подтверждает эффективность контекстного обучения – термины усваивались в процессе решения практических задач проекта, а не путем механического заучивания.

2) Наблюдается прорыв в продуктивных навыках (Speaking): В экспериментальной группе зафиксирован максимальный рост (+140%). Это свидетельствует о том, что проектная деятельность сняла «языковой барьер» и активизировала лексический запас, в то время как в контрольной группе навыки говорения остались на репродуктивном уровне.

3) Грамматический аспект: здесь разрыв между группами менее выражен, чем в говорении. Это объясняется тем, что проектная методика больше ориентирована на коммуникацию, чем на академическую точность, однако, за счет активной практики показатели экспериментальной группы все равно выше на 34% относительно контрольной группы.

Для проведения качественного анализа результатов эксперимента использовалась

методика критериального оценивания с применением специализированных оценочных рубрик (rubrics). В качестве единиц анализа были выделены структурные компоненты профессионально-коммуникативной компетенции, адаптированные под профиль студентов строительных специальностей. Оценка каждого критерия осуществлялась по 10-балльной шкале. Статистическая обработка результатов проводилась путем вычисления среднего арифметического значения по каждому критерию в контрольной и экспериментальной группах.

Рисунок 1 наглядно доказывает, что проектный метод превращает английский язык из «предмета для изучения» в «инструмент для работы», где коммуникация и спецтермины важнее идеального соблюдения временных форм (Grammar).

Столь значительная динамика показателей в экспериментальной группе обусловлена комплексом педагогических приемов, реализованных в рамках проектного метода.

Свобода речи (Fluency) напрямую зависит от уровня тревожности. Fluency достигается, когда фокус внимания смещается с формы (как сказать правильно) на содержание (что я хочу сообщить). Групповая работа над проектом и общая цель снизили страх перед ошибкой.

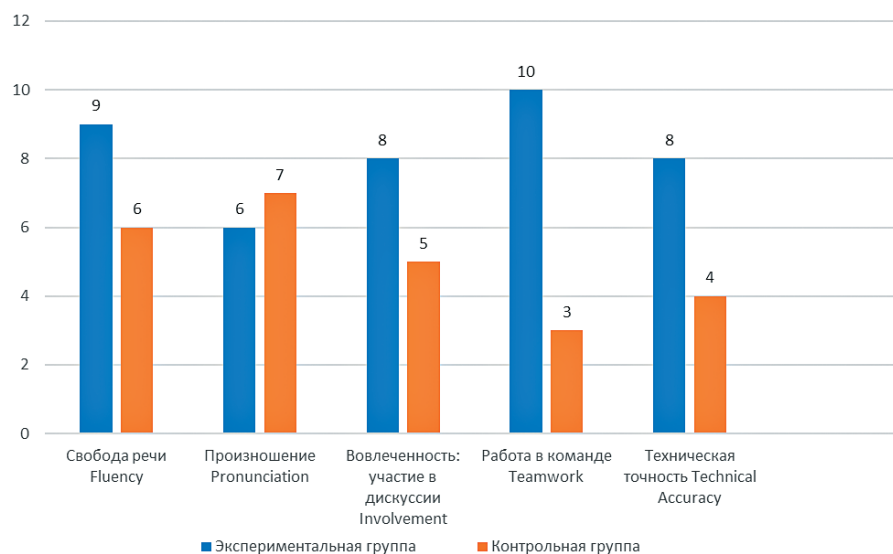

Рис. 1. Эффективность проектного метода (Project-Based Learning, PBL) в обучении английскому языку студентов строительных специальностей (составлен автором)

Fig. 1. The effectiveness of project-based learning (PBL) in teaching English to construction students (compiled by the author)

Произношение (Pronunciation) улучшается за счет защиты презентаций, но прогресс умеренный.

Вовлеченность (участие в дискуссии) растет, когда задача имитирует реальную работу, включается внутренняя мотивация. Студенты сами выбирают способы решения задачи, распределяют роли в команде и защищают свой результат. Коллективная ответственность за итоговый продукт. Желание не подвести команду – один из сильнейших факторов вовлеченности.

Работа в команде (Teamwork). Проекты имитируют работу в конструкторском бюро или на стройплощадке.

Техническая точность (Technical Accuracy) достигается тем, что студенты оперируют реальными инженерными данными, а не абстрактными текстами, изучают термины в контексте реальных чертежей и норм (СНиП/Eurocodes).

Качественный анализ показал, следующие изменения в компетенциях студентов экспериментальной группы:

1) Терминологическая грамотность: студенты перестали путать «concrete» и «cement», начали свободно оперировать

понятиями load-bearing walls, reinforced structures, blueprints.

2) Коммуникативный прорыв: снизился языковой барьер. В ходе защиты проектов 80% студентов смогли ответить на уточняющие вопросы без предварительной подготовки.

3) Интеграция знаний: студенты научились переводить технические параметры из российских ГОСТов в международные стандарты (Eurocodes) на английском языке.

Эксперимент показал, что студентам часто требуется дополнительная поддержка в структурировании процесса и координации командной работы. Важно формировать небольшие группы (до 6 человек) и использовать четкие критерии оценки не только результата, но и самого процесса подготовки.

Конечно, переход на PBL требует серьезной перестройки. Это касается и учебных планов, и методической литературы, и наличия, кроме учебных аудиторий, фаблобов, коворкингов и мастерских, доступных студентам в любое время.

Классификация барьеров в применении PBL (Project-Based Learning) для

обучения иностранным языкам (в частности, английскому) к 2026 году приобрела специфический характер. Если раньше основными препятствиями были техническая оснащенность или нехватка материалов, то сегодня акцент сместился в сторону

когнитивных искажений и адаптации к ИИ [16, 17, 18].

В нашем случае перечень барьеров, с которыми мы столкнулись, разделенный на смысловые блоки отображен в таблице 3.

Таблица 3. Классификация барьеров (составлена автором)

Table 3. Classification of barriers (compiled by the author)

Барьер	Проблема	Пояснение	Способ преодоления
Технологический	Генеративный плагиат	Бесконтрольный доступ к продвинутому LLM (ChatGPT-5 и аналоги). Студенты делегируют ИИ не только поиск информации, но и создание итогового продукта (презентаций), что негативно влияет на языковую практику.	Использование ИИ как «соавтора», а не «автора».
	Деграция навыка поиска	Вместо анализа англоязычных источников студенты получают «сжатый пересказ», что препятствует развитию критического мышления.	Внедрение обязательной очной защиты первоисточников , требуя от студентов сравнительного анализа различных точек зрения.
Методический	Конфликт с академическими планами	Проектная деятельность требует в 2-3 раза больше времени, чем традиционный Unit в учебнике.	Интеграция PBL в основную программу, а не как доп. активность.
	Трудности оценивания	Сложно объективно оценить вклад каждого студента в групповой проект.	Использование четких рубрик (Rubrics) и Peer-assessment.
Психологический барьер	Соппротивление студентов	Многие учащиеся привыкли к «пассивному потреблению». PBL требует высокой степени автономности, к которой студенты часто не готовы.	«Раскачать» пассивного студента и не дать ему утонуть в автономности PBL, используется стратегия Scaffolding («строительные леса») – постепенный демонтаж контроля.
Социально-организационный	Free-rider» effect (Проблема безбилетника)	В командах часто один-два человека выполняют всю работу на английском, в то время как остальные остаются в тени.	Использование индивидуальной подотчетности через случайный выбор спикера при защите проекта и анонимное взаимное оценивание вклада внутри команды.
	Языковой	Студенты часто переходят на родной язык во время обсуждения проекта внутри группы, используя английский только для финальной презентации.	Введение роли «Language Monitor» в каждой команде.

Обсуждение и заключение. Апробация применения проектного метода при обучении английскому языку (ESP) студентов-строителей показала значительное повышение мотивации и развитие профессиональной компетенции. Метод включает создание проектов (презентации, технические отчеты, макеты), что позволяет интегрировать языковые навыки с профессиональной лексикой, улучшая коммуникативные умения и навыки работы с документацией.

Визуализированная динамика показывает, что наибольший прирост достигнут в информационной грамотности и командном взаимодействии. Это подтверждает то, что проектный метод моделирует реальную профессиональную среду инженера-строителя, где решение задачи невозможно без кооперации и работы с международными источниками данных (стандарты ISO, статьи в The Constructor).

Рост мотивации в 2–2.5 раза связан с «эффектом сопричастности». Студенты отмечали, что выполнение проекта на оригинальную тему снимает «страх ошибки» в языке, так как фокус внимания смещается на техническую реализацию и инженерное творчество.

Стоит отметить, что показатель «Грамматическая правильность» продемонстрировал более умеренный рост (+30–40%). Это указывает на то, что проектный метод в первую очередь развивает беглость (fluency) и лексическую наполненность, в то время как отработка сложных грамматических структур требует дополнительной точечной поддержки со стороны преподавателя в рамках консультаций.

Апробация проектного метода (Project-Based Learning, PBL) при обучении английскому языку студентов-строителей подтверждает его высокую эффективность в формировании профессионально-коммуникативной компетенции будущих специалистов, обеспечивая переход от пассивного изучения языка к активному профессиональному общению. Студенты демонстрируют готовность к работе в международных строительных компаниях.

Апробация проектного метода (Project-Based Learning, PBL) при обучении английскому языку студентов-строителей подтверждает его высокую эффективность в формировании профессионально-коммуникативной компетенции будущих специалистов, обеспечивая переход от пассивного изучения языка к активному профессиональному общению. Студенты демонстрируют готовность к работе в международных строительных компаниях.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Игна О.Н. Классификация технологий обучения иностранным языкам на основе принципа инструментальности // Вестник Томского государственного педагогического университета (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2017. Вып. 6 (183). С. 148-153. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-148-153.
2. Isma Hamdani, Ouahmiche Ghania. Identifying the english language needs of hydraulics engineers: bridging the gap between esp academic studies and professional needs // International Online Journal of Education and Teaching (IOJET). 2022. Vol. 9, No. 2. P. 677-689. f1hal-03776631f.
3. Максимова О.И. Использование проектной методики при обучении английскому языку в вузе [Электронный ресурс] // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2025. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-proektnoy-metodiki-pri-obuchenii-angliyskomu-yazyku-v-vuze> (дата обращения: 18.02.2026). DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-139-146).
4. Larmer J., Mergendoller J., Boss S. Setting the Standard for Project Based Learning. Alexandria: ASCD, 2015. 233 p.
5. Arnó-Macià E. The Role of Technology in Teaching Languages for Specific Purposes // Modern Language Journal. 2012. Vol. 96, No. s1. P. 89-104. DOI: 10.1111/j.1540-4781.2012.01299x.

6. Integrating Project-Based Learning with BIM Technology in ESP Classrooms for Civil Engineers / Huda M. [et al.] // *Journal of Computing in Civil Engineering*. 2023. Vol. 37, No. 2. P. 101-115. doi.org. DOI: 10.1061/JCCEE5.CPENG-5134.

7. Дмитриева Е.В. Роль проектной деятельности в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык для деловой коммуникации» студентами нелингвистических специальностей вуза // *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11, № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/49PDMN123.pdf>.

8. Shahnoza Musurmonova Rahmatullayevna THE ROLE OF PROJECT BASED LEARNING IN DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE [Electronic resource] // *EJAR*. 2024. № 7S. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-role-of-project-based-learning-in-developing-communicative-competence> (дата обращения: 13.03.2026).

9. Методика междисциплинарных проектов на иностранном языке в вузе [Электронный ресурс] / Ковалева А.Г. [и др.] // *Педагогическое образование в России* 2019. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-mezhdistsiplinarnyh-proektov-na-inostrannom-yazyke-v-vuze> (дата обращения: 13.03.2026).

10. Антоненко Н.В., Селезнева Е.П. Перспективы использования проектной деятельности на занятиях по английскому языку в техническом университете [Электронный ресурс] // *Современное педагогическое образование*. 2023. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-proektnoy-deyatelnosti-na-zanyatiyah-po-angliyskomu-yazyku-v-tehnicheskomi-universitete> (дата обращения: 15.03.2026).

11. Дьюи Дж. Демократия и образование / пер. с англ. Дж. Дьюи. М.: Педагогика-Пресс, 2000. 384 с.

12. Полюдова Е. Н. Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков: опыт использования в высшем образовании // *Открытое образование*. 2025. Т. 29, № 4. С. 4-18. DOI: 10.21686/1818-4243-2025-4-4-18.

13. Bender W.N. Project-Based Learning: Differentiating Instruction for the 21st Century. Thousand Oaks: Corwin Press, 2012. 176 p.

14. Сясь Ю.Ю. Особенности использования метода проектов при обучении студентов профессионально-ориентированному иностранному языку // *Мир науки, культуры, образования*. 2021. № 3 (88). С. 268-270. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-238-240.

15. Тукаева Р.Н., Каткина А.А., Савинчева А.В. Роль искусственного интеллекта в обучении английскому языку: современные технологии и будущее образования [Электронный ресурс]. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 27.02.2026).

16. Han J. Application of Problem-Based Learning in English Language Teaching: A Systematic Review of Pedagogical Advancements // *SAGE Open*. 2025. Vol. 15, No. 2. DOI: 10.1177/21582440251335706.

17. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // *Высшее образование сегодня*. 2003. № 5. С. 34-42.

REFERENCES

1. Igna, O.N. Classification of foreign language teaching technologies based on the instrumentality principle // *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2017. Issue 6 (183). P. 148-153. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-6-148-153. [In Russ.]

2. Isma Hamdani, Ouahmiche Ghania. Identifying the English language needs of hydraulics engineers: bridging the gap between esp academic studies and professional needs // *International Online Journal of Education and Teaching (IOJET)*. 2022. Vol. 9, No. 2. pp. 677-689. fhal-03776631f.

3. Maksimova, O.I. Using project-based methodology in teaching English at a university [Electronic Resource] // *Bulletin of the Financial University. Humanities*. 2025. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-proektnoy-metodiki-pri-obuchenii-angliyskomu-yazyku-v-vuze> (date of access: 18.02.2026). DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-5-139-146). [In Russ.]

4. Larmer J., Mergendoller J., Boss S. Setting the Standard for Project Based Learning. Alexandria: ASCD, 2015. 233 p.
5. Arnó-Macià E. The Role of Technology in Teaching Languages for Specific Purposes // Modern Language Journal. 2012. Vol. 96, No. s1. P. 89-104. DOI: 10.1111/j.1540-4781.2012.01299x.
6. Integrating Project-Based Learning with BIM Technology in ESP Classrooms for Civil Engineers / Huda M. [et al.] // Journal of Computing in Civil Engineering. 2023. Vol. 37, No. 2. P. 101-115. doi.org. DOI: 10.1061/JCCEE5.CPENG-5134.
7. Dmitrieva, E.V. The role of project activities in the process of studying the discipline "Foreign Language for Business Communication" by students of non-linguistic university specialties // World of Science. Pedagogy and Psychology. 2023. Vol. 11, No. 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/49PDMN123.pdf>.
8. Shahnoza Musurmonova Rahmatullayevna THE ROLE OF PROJECT-BASED LEARNING IN DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE [Electronic resource] // EJAR. 2024. No. 7S. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-role-of-project-based-learning-in-developing-communicative-competence> (accessed: 13.03.2026).
9. Methodology of interdisciplinary projects in a foreign language at a university [Electronic resource] / Kovaleva A.G. [et al.] // Pedagogical Education in Russia 2019. No. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-mezhdistsiplinarnyh-proektov-na-inostrannom-yazyke-v-vuze> (date of access: 13.03.2026). [In Russ.]
10. Antonenko, N.V., Selezneva, E.P. Prospects for using project-based activities in English classes at a technical university [Electronic resource] // Modern Pedagogical Education. 2023. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perspektivy-ispolzovaniya-proektnoy-deyatelnosti-na-zanyatiyah-po-angliyskomu-yazyku-v-tehnicheskoy-universitete> (date of access: 15.03.2026). [In Russ.]
11. Dewey J. Democracy and Education / trans. from English. J. Dewey. Moscow: Pedagogy-Press, 2000. 384 p.
12. Polyudova, E. N. Artificial intelligence in teaching foreign languages: experience of use in higher education // Open Education. 2025. Vol. 29, No. 4. P. 4-18. DOI: 10.21686/1818-4243-2025-4-4-18. [In Russ.]
13. Bender W.N. Project-Based Learning: Differentiating Instruction for the 21st Century. Thousand Oaks: Corwin Press, 2012. 176 p.
14. Syas Yu. Yu. Features of Using the Project Method in Teaching Students a Professionally Oriented Foreign Language // World of Science, Culture, Education. 2021. No. 3 (88). P. 268-270. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-238-240.
15. Tukaeva R.N., Katekina A.A., Savincheva A.V. The role of artificial intelligence in teaching english: modern technologies and the future of education [Electronic resource]. URL: cyberleninka.ru (date of access: 27.02.2026). [In Russ.]
16. Han J. Application of Problem-Based Learning in English Language Teaching: A Systematic Review of Pedagogical Advancements // SAGE Open. 2025. Vol. 15, No. 2. DOI: 10.1177/21582440251335706.
17. Zimnyaya I.A. Key competencies – a new paradigm of educational outcomes // Higher Education Today. 2003. No. 5. P. 34-42. [In Russ.]

Информация об авторах / Information about the authors

Марият Аслановна Тлевцежева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: tlevcezheva57@mail.ru

Елена Николаевна Базалина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Майкопский государственный технологический университет», 385000, Российская Федерация г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 191, e-mail: bazalina@gmail.com

Mariyat A. Tlevtsezheva, PhD (Philology), Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191, Pervomayskaya str., e-mail: tlevcezhewa57@mail.ru

Elena N. Bazalina, PhD (Philology), Associate Professor, the Department of Foreign Languages, Maykop State Technological University, 385000, the Russian Federation, Maikop, 191, Pervomayskaya str., e-mail: bazalina@gmail.com

Заявленный вклад авторов

Марият Аслановна Тлевцежева – существенный вклад в замысел и дизайн исследования, сбор данных, анализ и интерпретация данных; окончательное одобрение варианта статьи для опубликования.

Елена Николаевна Базалина – существенный вклад в замысел и дизайн исследования, сбор данных, анализ и интерпретация данных.

Claimed contribution of the authors

Mariyat A. Tlevtsezheva – significant contribution to the concept and design of the research, data collection, or data analysis and interpretation, final approval of the article version for publication.

Elena N. Bazalina – significant contribution to the concept and design of the research, data collection, or data analysis and interpretation.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 15.02.2026

Поступила после рецензирования 20.03.2026

Принята к публикации 23.03.2026

Received 15.02.2026

Revised 20.03.2026

Accepted 23.03.2026

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-172-188>

УДК 37.013.78: 378.149.8

Социологическая составляющая мониторинга репутации образовательной организации в сфере дополнительного профессионального образования: институциональный подход

С.В. Береснева, А.В. Легостев✉

*Уральский государственный горный университет,
г. Екатеринбург, Российская Федерация*

✉bo_idpo@mail.ru

Аннотация. Введение. В условиях трансформации системы образования России, связанной с внедрением электронного обучения, ростом конкуренции между государственными и частными образовательными организациями и концепцией непрерывного образования, возрастает значение репутационного капитала вуза. Современные вызовы, включая сокращение числа студентов и коммерциализацию образовательных услуг, подчеркивают необходимость эффективного управления репутацией для укрепления позиций вуза на рынке дополнительного профессионального образования (ДПО) и обеспечения конкурентоспособности.

Материалы и методы. Использовались количественные и качественные методы исследования результатов работы Уральского государственного горного университета в сфере управления и продвижения дополнительного профессионального образования, включая результаты анонимного анкетирования слушателей программ на завершающих этапах обучения с применением эмпирических и теоретических методов.

Результаты исследования. На основании теоретических изысканий, а также практического опыта и результатов инструментальных исследований авторы обосновывают взаимосвязь социологии позиционирования образовательных услуг вуза и долгосрочной стратегии развития образовательной организации, подчеркивая важность системного, аналитического, институционального подхода.

Обсуждение и заключение. Репутационный капитал в качестве одного из ключевых факторов конкурентоспособности, влияющий на выбор образовательной организации, наряду с качеством образовательных услуг, требует значительной системной и аналитической работы. Структури-

© Береснева С.В., Легостев А.В., 2026

ровать и наладить формирование устойчивого репутационного капитала призван институциональный подход к управлению дополнительным профессиональным образованием. В ряду компонентов рассматриваются системная аналитика, оперативная обратная связь и интеграция в стратегическое планирование. Закрепление концепции репутационного капитала в миссии вуза и стратегиях продвижения ДПО способствует устойчивому развитию и удовлетворению запросов слушателей и работодателей.

Ключевые слова: репутационный капитал, маркетинг образования, социология образования, дополнительное профессиональное образование

Для цитирования: Береснева С.В., Легостев А.В. Социологическая составляющая мониторинга репутации образовательной организации в сфере дополнительного профессионального образования: институциональный подход. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 158–171. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-172-188>

The sociological component of the reputation of a university in the field of vocational educational training: an institutional approach

S.V. Beresneva, A.V. Lyogostev✉

Ural State Mining University, Yekaterinburg, the Russian Federation

✉bo_idpo@mail.ru

Abstract. Introduction. Amid the transformation of the Russian education system, driven by the introduction of e-learning, increased competition between public and private educational institutions, and the concept of lifelong learning, the importance of a university reputational capital is growing. Current challenges, including declining student enrollment and the commercialization of educational services, highlight the need for effective reputation management to strengthen the position of a university in the continuing professional education (CPE) market and ensure competitiveness.

The materials and methods. Quantitative and qualitative methods to study the performance of Ural State Mining University in managing and promoting CPE were used, including the results of an anonymous survey of program participants at the final stages of their studies, employing empirical and theoretical methods.

The results. Based on theoretical research, practical experience, and the results of instrumental studies, the authors substantiate the relationship between the sociology of positioning university educational services and the long-term development strategy of an educational organization, emphasizing the importance of a systemic, analytical, and institutional approach.

Discussion and conclusion. Reputational capital, as a key competitive factor influencing the choice of educational institution, along with the quality of educational services, requires significant systematic and analytical work. An institutional approach to managing continuing professional education (CPE) is designed to structure and facilitate the development of sustainable reputational capital. Several components are considered, including systemic analysis, timely feedback, and integration into strategic planning. Integrating the concept of reputational capital into the university's mission and CPE promotion strategies facilitates sustainable development and meets the needs of students and employers.

Keywords: reputational capital, education marketing, sociology of education, continuing professional education

For citation: Beresneva S.V., Lyogostev A.V. The sociological component of the reputation of a university in the field of vocational educational training: an institutional approach. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 172–188. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-172-188>

Введение. В условиях нарастающей конкуренции на рынке образовательных услуг и коммерциализации сферы дополнительного профессионального образования (ДПО) репутационный капитал образовательной организации становится ключевым фактором ее привлекательности, устойчивости и стратегического успеха. Репутация как нематериальный актив формируется под влиянием множества факторов: от качества образовательных программ как интеллектуального продукта [4, с. 324] и квалификации преподавательского состава до соответствия организации общественным ожиданиям и институциональным нормам. В этом контексте институциональный подход, фокусирующийся на анализе социальных институтов как устойчивой системы норм, правил и практик предоставляет мощный теоретический и практический инструмент для понимания процессов формирования репутационного капитала. Этот подход позволяет не только выявить, как внешние институты (государственные стандарты, рынок труда) и внутренние институциональные рамки (организационная культура, прозрачность процессов) влияют на восприятие организации, но и определить стратегии управления репутацией в условиях динамично меняющейся образовательной среды. На основании исследований ряда авторов [2, с. 612–613] можно сделать предположение, что на данном этапе все серьезнее встает вопрос широкого и эффективного использования бренда, репутационного капитала как фактора укрепления положения организации на рынке образовательных услуг, качественного позиционирования в высококонкурентной среде.

Институциональный подход, уходящий корнями в классическую социологию и развивающийся в рамках нового институционализма, акцентирует внимание на том, как институты структурируют социальные взаимодействия и формируют доверие к образовательной организации.

В сфере ДПО, где потребители образовательных услуг ориентируются на практическую применимость знаний и престижность образования, репутация становится решающим критерием выбора. Настоящая статья, опираясь на социологические методы исследования, включая полевые исследования и анализ данных, полученных в Институте дополнительного профессионального образования Уральского государственного горного университета, раскрывает механизмы формирования репутационного капитала через призму институционального подхода. Особое внимание уделяется анализу факторов, влияющих на выбор образовательной организации, таких как государственный статус вуза, информативность его цифровых ресурсов и отзывы выпускников, а также разработке рекомендаций для стратегического управления репутацией в условиях современных вызовов, таких как цифровизация и рост спроса на гибкие форматы обучения.

Обзор литературы. Первой и важнейшей задачей для систематической и аналитической работы с понятием репутационного капитала и репутации является определение его критериев, принципов и факторов, которые влияют или могут повлиять на формирование. В свою очередь, понимание важности как самого явления, так и определение роли и места **репутационного капитала** в маркетинговой и стратегической политике образовательной организации, критерия репутации образовательной организации в ряду прочих факторов выбора поставщика образовательных услуг играют ключевую роль в успехе и достижении поставленных целей в сфере брендинга и позиционирования дополнительного профессионального образования в вузе. Работа в данном направлении ведется, и можно отменить появление целого ряда исследований, в том числе обзорных и обобщающих.

Одним из ключевых моментов для понимания, что есть репутация, и совокуп-

ного понятийного аппарата и семейства интерпретаций являются подходы, берущие свое начало в среде бизнеса. Именно оттуда следует сформировавшийся подход к репутации как к ресурсу организации. Тем не менее, как справедливо отмечают исследователи, понятие репутации уже преодолело внутридисциплинарную ограничительную линию, появившись в смежных областях. Данное понятие, хотя и является многогранным, подвергаясь различным трактовкам, но не имеет формализации на каком-либо нормативном уровне. Это влечет за собой различие интерпретаций и подходов к пониманию деловой и организационной репутации, что усложняет ее правовое и практическое применение, в том числе с точки зрения институционального подхода [3].

В контексте социологии управления образовательной деятельностью, в частности, достаточно коммерциализированной сфере услуг дополнительного профессионального образования, которую условно можно отнести к области социального предпринимательства, как и в принципе в социальной сфере, все серьезнее проявляется осознание, в том числе и на основе социологических исследований в образовании, что репутация организации – значительный нематериальный актив, способный оказать существенное влияние на выбор в пользу той или иной образовательной организации [16]. Как отмечает ряд исследователей, несмотря на пока недостаточную осознанность в данном ключе, тем не менее, уже существуют или разрабатываются технологии мониторинга репутации образовательного бренда на основе установления мнения стейкхолдеров, к примеру, в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского [13]. При этом необходимо различать понятия «репутация», «имидж» и «гудвилл», как указано в работах ряда исследователей [7] и [12]. Зарубежные обзоры и исследования также согласны с тем, что в образовательной среде на данный момент не

сформировалась единая картина понимания репутации как механизма или ресурса [17], однако предпринимаются шаги по исследованию и закреплению репутации, «доброго имени» образовательной организации, при этом не только на западе, но и на Ближнем Востоке [18].

Для понимания важности институционального подхода необходимо также произвести краткий теоретический анализ понятия на материалах и выводах как из классической социологии, так и из смежных областей знаний. В целом институциональный подход представляет собой один из ключевых аналитических методов в социальных науках, включая социологию, политологию, экономику и антропологию. Его суть заключается в изучении социальных институтов – устойчивых систем норм, правил, ролей и практик, которые структурируют общественную жизнь и обеспечивают ее предсказуемость и стабильность. В нашем случае, в социологии образования изучение поведенческих паттернов и мотивации индивидов, делающих выбор в пользу того или иного образовательного учреждения не только как поставщика образовательной услуги, но и как института как актора институциональной системности, играет центральную роль для понимания поведения индивидов и групп, изучения форм и рамок для их взаимодействий. Институциональный подход в социологии образования (изучении поведения потребителя образовательной услуги) позволит понять, как велико взаимовлияние общества и института (образовательной организации).

В классической социологии институциональный подход акцентирует внимание на том, как институты создают социальный порядок. Эмиль Дюркгейм, один из основоположников социологии, рассматривал институты как «коллективные представления», которые обеспечивают солидарность и сплоченность общества. Например, институт религии укрепляет моральные нормы, а институт права регу-

лирует конфликты. Макс Вебер подчеркивал роль бюрократических институтов в рационализации современного общества, а Карл Маркс анализировал экономические институты, такие как капитализм, и их влияние на классовые отношения. Эти классические подходы заложили основу для понимания институтов как структур, которые одновременно ограничивают и направляют человеческое поведение.

С развитием социологии в XX веке и появлением неоинституционализма классические представления претерпели значительные изменения. Социологический институционализм, связанный с работами Джона Мейера, сместил фокус на культурные нормы и ценности, формирующие институты. Например, глобальное распространение демократических институтов или стандартов образования объясняется не только их функциональностью, а и культурной легитимностью. Исторический институционализм, напротив, подчеркивает роль исторического контекста в формировании институтов. Он объясняет, почему одни страны развили устойчивые демократические институты, а другие – авторитарные, через анализ исторических процессов и событий. Экономический институционализм, который в нашей работе представляет наибольший интерес, был сформулирован Дугласом Нормом. Данное направление исследует, как институты, такие как права собственности или контракты, снижают транзакционные издержки и способствуют экономическому развитию.

Применение институционального подхода в нашем случае представляется весьма оправданным в теоретическом и практическом плане. В социологии образования (дополнительного профессионального образования) он помогает понять, как вузы могут влиять на формирование потребительского поведения и, в свою очередь, подвергаться изменениям под влиянием рынка образовательных услуг, рынка труда и общего вектора экономики в целом.

Преимущества институционального подхода, с точки зрения авторов данной статьи, заключаются в его способности объяснять стабильность и предсказуемость общественных процессов, учитывать исторический и культурный контекст, а также анализировать взаимодействие между индивидами и обществом. Он позволяет понять, как институты формируют общество, задают рамки поведения и адаптируются к изменениям. В социологии образования он особенно ценен для изучения устойчивых моделей поведения, в то время как в других дисциплинах он помогает анализировать экономические, политические и культурные феномены. Этот подход остается актуальным для объяснения сложных взаимодействий между индивидами, группами и обществом, подчеркивая важность институтов как фундамента социальной жизни.

Материалы и методы. Существует мнение, и авторы данной статьи его разделяют, что всестороннее приложение усилий по мониторингу и накоплению репутационного капитала вуза требуется, поскольку в сфере образовательных услуг атрибутивный (предполагающий влияние репутации на конкурентоспособность в качестве одной из характеристик продукта) [6, с. 108–109] эффект репутации вуза связан преимущественно с реализацией основной образовательной услуги, а когнитивный эффект (влияние репутации на обработку новой информации о компании) проявляется во всех ситуациях контакта потребителя с брендом вуза [11]. Кроме того, авторы придерживаются мнения, что процесс управления в образовательных системах следует считать многокомпонентным: управление образованием как процессом обучения и воспитания должно логически и институционно комбинироваться с управлением самой образовательной системой и образовательным учреждением [9], и достижение успеха или поставленных задач возможно только с учетом сбалансированного подхода.

Материалом данного исследования явились результаты работы Института дополнительного профессионального образования Уральского государственного горного университета за пятилетний период (2020 – 2025), куда включены как количественные (численные) показатели, так и показатели замеров заинтересованности и оценки бренда ДПО вуза.

При формировании репутационного капитала с учетом соответствующих угроз и рисков следует учитывать человеческий фактор. Человеческий фактор в данном случае обозначает, что человек, как элемент производственных циклов, представляет собой не обособленный компонент, но объединяет в себе в том числе факторы и условия производства, получающий и обрабатывающий информацию и способный внести изменения в процессы [14]. С точки зрения институционального подхода исследование человеческого фактора, индивидуальных предпочтений и приоритетов в выборе образовательной организации представляется ключевым для понимания перспектив развития дополнительного профессионального образования в вузе. Кроме сугубо исследовательских и аналитических функций изучение взаимовлияния репутационного капитала и мотивации выбора потребителей образовательных услуг ДПО способно определить векторы и методы трансформации процессов управления в сфере управления образовательными процессами в вузе. Социологические методы исследования призваны обеспечить в нашем случае достоверность и проверяемость результатов теоретических исследований.

Для того чтобы определить основные критерии и факторы выбора слушателями программ ДПО образовательной организации, было проведено полевое исследование согласно методам научного познания: эмпирического исследования (наблюдение, сравнение, измерение) и теоретического исследования (анализ и синтез, мысленное моделирование). Формат исследования

и последующая обработка и накопление данных были обусловлены потребностью в глубоком изучении вопросов развития дополнительного профессионального образования на современном этапе жизни вуза, специфики управления процессами такого развития, формирования концептуальных подходов. По результатам исследования удалось получить понимание не только факторов социально-профессиональной среды абитуриентов и слушателей программ ДПО, но выстроить «пирамиду» приоритетов выбора образовательных организаций потенциальными слушателями программ. Все результаты исследований (практических и теоретических) стали базисом для концептуализации развития дополнительного профессионального образования в профильном вузе (Уральский государственный горный университет).

Институциональный подход в контексте формирования репутационного капитала образовательной организации, реализующей дополнительные образовательные программы, акцентирует внимание на роли институтов в создании и поддержании доверия, легитимности и признания со стороны общества. Социальные институты, такие как система образования, профессиональные стандарты и сертификации, формируют ожидания и нормы, которые влияют на восприятие организации. Репутационный капитал складывается из того, насколько организация соответствует этим институциональным нормам, включая качество программ, квалификацию преподавателей, прозрачность процессов и соответствие общественным ценностям, таким как доступность образования или инновационность. Например, аккредитация программ или участие в профессиональных ассоциациях укрепляет репутацию, так как эти институты сигнализируют о соответствии стандартам. Кроме того, институциональный подход подчеркивает влияние внешних и внутренних институциональных рамок на репутацию. Внешние институты, такие как

государственные регуляторы или рынок труда, определяют критерии оценки качества дополнительных образовательных программ (например, востребованность выпускников). Внутренние институты, такие как организационная культура или правила взаимодействия с клиентами, формируют уникальный имидж организации. Например, устойчивая практика обратной связи с обучающимися или публикация открытых отчетов о результатах усиливает доверие. Репутационный капитал, таким образом, зависит от способности организации встроиться в институциональную среду и адаптировать ее нормы к своей миссии. Наконец, институциональный подход подчеркивает динамику репутации в условиях изменений. Образовательные организации, реализующие дополнительные программы, должны учитывать институциональные сдвиги, такие как цифровизация образования или рост спроса на гибкие форматы обучения. Адаптация к этим изменениям, как представляется, через внедрение онлайн-программ, программ смешанных форм обучения, модульных программ или партнерства с технологическими платформами, позволяет укрепить репутацию как инновационной и клиентоориентированной организации. Таким образом, институциональный подход помогает понять, как образовательные организации могут накапливать репутационный капитал, соответствуя ожиданиям общества и эффективно взаимодействуя с институциональной средой.

Результаты исследования. По итогам инструментального полевого исследования методом анонимного анкетирования были получены значимые в плане стратегического планирования развития дополнительного образования результаты. Оптимальным выбором стало проведение обезличенного (анонимного) однократного анкетирования на завершающем этапе получения образовательной услуги во второй половине или последней трети срока обучения. В ходе подготовки исследования

было допущено включение в исследование выпускников программ при условии, что с момента выпуска (завершения обучения) миновало не более шести месяцев.

Одним из важных вопросов, которые также поднимались в процессе подготовки исследования, являлась идентификация респондента как непосредственного получателя образовательной услуги во избежание различного рода случаев подлога данных или, к примеру, выполнения заданий другими лицами. С целью прямой идентификации респондентов было запланировано проведение исследования методом анкетирования в очной форме или с помощью глобальной сети Интернет на закрытой под индивидуальный логин пользователя площадке, где пользователь (респондент) может быть однозначно идентифицирован как получатель образовательной услуги дополнительного профессионального образования.

Анализ полученных данных показал, что значительный процент опрошенных, 64,5% (из тех, кто выбирал образовательную организацию самостоятельно, 57%) руководствовались в своем выборе показателем принадлежности образовательной организации к государственным. На втором и третьем местах по значимости оказалось наличие информативного сайта организации (20,33%) и репутационный капитал образовательной организации (характеристики выпускников, отзывы в интернете и пр.) (11,38%). Дальнейшие показатели включили скорость и удобство оформления обучения, а также наличие заочной (дистанционной) формы обучения по образовательным программам [1].

Полученные данные выявили среди важнейших факторов быстрое получение полной информации, а также высокую значимость удобства пользователя (непосредственного получателя) образовательной услуги. Указанные результаты позволили выявить ряд существенных недостатков в текущей практике управления процессами в сфере дополнительного профес-

сионального образования, однако следует подчеркнуть, что исследование критериев выбора образовательной организации, как и мотивации, и удовлетворенности качеством образования следует проводить на регулярной основе, а результаты таких исследований должны становиться основой для критического пересмотра существующих практик и внесения соответствующих изменений или корректировок.

Обсуждение. По результатам исследования на базе ФГБОУ ВО «УГГУ» получено подтверждение того, что качество дополнительного профессионального образования определяется совокупностью факторов. К ним относятся (но не ограничиваются): профессионализм преподавателей, мотивация обучающихся, материально-техническая оснащенность образовательного процесса, качество методических материалов и применяемых технологий. Особо подчеркиваются практическая применимость приобретаемых компетенций и успешность образовательной организации, важнейшая составляющая репутационного капитала вуза.

Проблема полевых исследований в разрезе стратегического применения состоит в том, что качество образовательной услуги оценивается в момент ее получения и имеет краткосрочный эффект, в отличие от качества образования, которое проявляется в долгосрочной перспективе через профессиональные достижения выпускников дополнительных профессиональных программ.

В условиях современных вызовов, включая академические, демографические и профессионально-обусловленные факторы, учет результатов удовлетворенности выпускников как показатель качества дополнительного профессионального образования и соответственно прямое влияние на формирование репутации вуза становится ключевым. Недостатки в качестве образовательных услуг могут нанести серьезный ущерб репутационному капиталу организации, особенно в государственных

вузах, где растет спрос на улучшение сервиса. Следует отметить, что репутационный капитал как нематериальный актив требует значительных усилий для формирования и поддержания, особенно в условиях коммерциализации образования (даже в государственных учреждениях образования) и роста требований к качеству, что подчеркивает важность стратегического позиционирования и продвижения вуза.

Первым и главным фактором институционализации репутационного капитала в вузе должно являться понимание, что важнейшим определяющим моментом выбора образовательной организации является запрос на повышение профессионального уровня и/или получение новых компетенций, обретение новой профессиональной квалификации. Вторым фактором мотивации к продолжающемуся профессиональному образованию выступает стремительное «устаревание» информации, ускорение экономических процессов, требующее соответствия знаний и навыков передового уровня. В-третьих, важным фактором выступает престижность высшего, послевузовского и дополнительного профессионального образования в свете улучшения уровня жизни, профессиональной карьеры, личностного роста и культурного уровня [16, с.148].

Третий фактор – ориентация дополнительного профессионального образования прежде всего на практику и специфику конкретной профессиональной области. Практикоориентированность ДПО рассматривается слушателями как гарантия повышения профессионального уровня и, таким образом, успешности и дальнейшего развития, повышения собственной ценности как специалиста. В формате движения «от потребностей», институциональное воплощение репутационного капитала должно трансформироваться в работающую модель становления и развития профессионализма как акмеологически обусловленного, ценностного понятия, где репутационный капитал вуза

напрямую соотносится с ценностью выпускника-специалиста [5, с. 67–68].

Накопление репутационного капитала вуза играет аксиологическую и синергетическую роль, а также приобретает системное влияние на краткосрочное и стратегическое развитие образования. Тем не менее, следует принимать во внимание принцип интегративного гуманистического подхода, комплексных решений и непрерывности процессов подготовки специалистов [8, с. 31].

Комплексный подход в данном контексте должен учитывать все этапы взаимодействия с аудиторией и ее потребностями: от профессиональной ориентации школьников до постдипломного образования, соблюдая принцип преемственности и тесной взаимосвязи с конъюнктурой рынка образовательных услуг, труда и человеческого капитала. Должны приниматься во внимание уже упомянутые три уровня потребительского интереса: личностные, индивидуально-культурные потребности, запросы, обусловленные рынком, и общественный заказ.

Учитывая сложность и комплексный подход к выработке такого рода конструкции образовательного продукта, возникает вопрос оценки качества предоставления такой услуги и временной перспективы такой оценки. Единственным возможным ответом будет точно такой же, многокомпонентный подход, включающий мониторинг адаптационной, коммуникационной, информационной, ценностно-ориентированной функций профессионального обучения специалиста как производственной, интеллектуально активной единицы [10, с. 8].

К неперемным условиям эффективной реализации стратегии позиционирования и продвижения услуг вуза в сфере дополнительного профессионального образования можно отнести:

- системность и преемственный подход к организации системы непрерывного образования;

- повышение адаптивности образовательной организации к специфике меняющихся условий рынка, выработка протоколов и процедур, позволяющих принимать быстрые решения;

- диверсификация программ профессиональной подготовки, возможности реализации модульных форматов и вариантов программ;

- нацеленность и мотивированность руководства, понимание профессорским и кадровым составом вуза образовательной услуги как единицы товарно-денежных отношений;

- гибкий, индивидуальный подход к слушателям, учет запросов работодателей;

- принцип баланса качества образовательной услуги и качества образования, повышение комфорта обучающихся.

Значимым аспектом, который играет роль в ряду факторов выбора образовательной организации, и которые должны быть учтены самой организацией, следует отметить необходимость расширения аналитической шкалы репутационных замеров на всех или возможно большее количество стейкхолдеров и заинтересованных акторов с учетом взаимовлияния репутации выпускников на имидж вуза и наоборот.

В качестве практической модели рекомендуется рассмотреть матрицу формирования репутационного капитала образовательной организации в институциональном контексте. Репутация в образовательной сфере формируется и поддерживается не только за счет коммуникационных стратегий, но и благодаря действию социальных институтов, устойчивых норм, правил и практик, которые задают рамки взаимодействия между образовательной организацией, государством, профессиональным сообществом и обществом в целом. Именно институциональный подход позволяет увидеть репутационный капитал как часть более широкой системы общественного доверия и легитимности.

В этой связи предлагается трехкомпонентная матрица факторов формирования репутационного капитала: внешние институциональные факторы, внутренние институциональные факторы, а также ценностно-индивидуальный микроуровень заказчиков обучения и непосредственно обучающихся.

На макроуровне репутация образовательной организации определяется действием внешних институтов – государственных, профессиональных и общественных. Государственные институты (в первую очередь система аккредитации и лицензирования) формируют нормативное поле, в котором вуз доказывает свое соответствие установленным стандартам качества и прозрачности. Эти механизмы создают минимальный уровень доверия – своего рода институциональную «гарантию» добросовестности.

Второй группой внешних институтов выступают профессиональные сообщества и рынок труда. Они задают критерии востребованности выпускников, определяют, какие компетенции считаются актуальными, и через это влияют на восприятие образовательной организации как надежного партнера. Например, участие университета в профессиональных ассоциациях или экспертных советах повышает его репутацию как института, интегрированного в профессиональную среду.

Наконец, третью группу составляют общественные институты (СМИ, социальные сети, рейтинговые агентства, попечительские советы). Их роль – формирование публичного мнения, которое в современной цифровой среде становится одним из ключевых факторов репутационного позиционирования. Отсюда возникает необходимость в системном мониторинге общественных ожиданий и быстрой реакции на их изменения.

Таким образом, внешние институты обеспечивают нормативно-ценностное основание репутации: они задают, какой должна быть образовательная организа-

ция, чтобы считаться легитимной, современной и социально ответственной.

Не менее значимую роль играют внутренние институты: правила, процедуры и культура управления, которые определяют, как вуз реализует свои функции и поддерживает качество образовательного процесса. Репутация здесь является не столько результатом внешнего признания, сколько отражением внутренней устойчивости и согласованности действий всех участников образовательного процесса.

Внутренние институциональные механизмы включают: организационную культуру, основанную на ценностях профессионализма, открытости и ответственности; управленческие процедуры, обеспечивающие прозрачность принятия решений и предсказуемость действий администрации; коммуникационные каналы между руководством, преподавателями, обучающимися и внешними партнерами; механизмы обратной связи и реагирования на жалобы, предложения, репутационные риски.

Именно при помощи этих механизмов формируется внутренняя институциональная идентичность вуза, т. е. осознание им собственной роли в образовательной экосистеме региона/отрасли. Если организация демонстрирует согласованность слов и действий, поддерживает единые стандарты общения и работы с обучающимися и партнерами (заказчиками обучения), репутация становится не навязанным образом, а естественным следствием институциональной зрелости.

На микроуровне репутационный капитал выражается через доверие, индивидуальное и групповое отношение к образовательной организации как к надежному институту. Здесь проявляется поведенческий аспект институциональной теории: нормы и ожидания, задаваемые внешней и внутренней средой, интериоризируются участниками (слушателями, преподавателями, работодателями) и воспроизводятся в их действиях.

Если выпускники демонстрируют высокий уровень профессиональной подготовки и социальную ответственность, они становятся носителями репутации вуза, продолжая ее за пределами образовательной среды. Таким образом, репутационный капитал имеет свойство мультипликации: доверие, однажды завоеванное, распространяется через социальные сети, профессиональные контакты и корпоративную культуру выпускников. Здесь важен принцип институциональной рефлексивности: организация должна не только транслировать ценности, но и постоянно переосмысливать собственную практику в ответ на общественные запросы. В этом состоит различие между статичным имиджем и динамичным репутационным капиталом.

С точки зрения институционального анализа, репутационный капитал формируется на трех взаимосвязанных уровнях: нормативный уровень (соответствие внешним институтам и требованиям общества); организационный уровень (согласованность внутренних процедур, норм и управленческих практик), а также ценностно-поведенческий уровень индивида (доверие и вовлеченность всех участников образовательного процесса). Эти сегменты матрицы должны находиться в состоянии динамического равновесия. Нарушение на любом из них приводит к репутационным рискам. К примеру, избыточная бюрократизация и формальный подход без внутреннего качества процессов могут создать иллюзию устойчивости, но не вызовут в итоге доверия. Напротив, сильная организационная культура без внешней легитимности теряет авторитет на рынке.

Для обеспечения этого равновесия образовательной организации необходим многоуровневый мониторинг репутационного капитала. Он включает сбор обратной связи от слушателей и работодателей; контент-анализ цифровых коммуникаций и социальных сетей; оценку вовлеченности сотрудников и преподавателей в процессы

повышения качества; отслеживание динамики участия в профессиональных сетях и проектах. Такой мониторинг должен быть встроен в стратегическое управление вузом как непрерывный цикл: измерение – анализ – корректировка – коммуникация результатов. Это превращает репутационный менеджмент из PR-инструмента в элемент институционального управления.

Рассмотрение репутационного капитала через призму институционализма позволяет видеть в нем не просто средство конкурентной борьбы, а индикатор устойчивости и зрелости организации как социального института. Чем выше уровень институциональной согласованности между нормами, процедурами и поведением участников, тем выше способность вуза сохранять доверие даже в условиях внешних кризисов.

Таким образом, институциональный подход переводит разговор о репутации из плоскости имиджа в плоскость социального доверия и организационной ответственности. Репутационный капитал становится мерой того, насколько образовательная организация встроена в систему общественных институтов и насколько она сама воспроизводит институциональные нормы – прозрачность, ответственность, качество и устойчивость.

В перспективе дальнейших исследований данная модель может быть дополнена инструментами количественной оценки институциональной устойчивости и репутационного потенциала вуза, что позволит объединить социологический и управленческий анализ в единой рамке стратегического планирования.

С точки зрения имплементации и расширения инструментальной шкалы это может быть диверсификация в направлении группового анализа, фокус-групп, интервью, аналитика обратной связи, в том числе в социальных сетях в глобальной сети Интернет. При этом мнения всех заинтересованных сторон должны быть учтены, зафиксированы и использованы

для формирования дорожной карты – стратегии системной работы над допущенными ошибками. К обязательным объектам аналитики необходимо отнести представителей государственных контролирующих и исполнительных органов, которые формируют государственную политику в соответствующих сферах и, следовательно, участвуют в разработке и утверждении дополнительных профессиональных программ (ст. 76 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Важен учет общественного мнения, попечительских советов, культурных связей с различными сообществами, в которых сильно влияние выпускников программ. В качестве одного из возможных решений с точки зрения институционального подхода является включение данной повестки в стратегические и оперативные планы, выработка единой концепции и алгоритмов взаимодействия, создание постоянно действующей площадки для дискуссий, обмена мнениями и оперативного сбора актуальной информации.

Образовательная организация может и должна проработать социально-психологические аспекты восприятия собственного бренда и, таким образом, учитывая этот аспект, подходить к вопросу формирования репутационного капитала. Для данной цели логично привлечь штатную психологическую службу вуза или приглашенных экспертов психологов, лингвистов, контент-аналитиков. Небесполезным представляется участие в данных сессиях представителей отделов разработки, рекламы и ИТ вуза, поскольку с их непосредственным участием предполагается реализация принятых решений и дальнейшая корректировка стратегии. Этичность и социальная ответственность сегодня в высокой степени влияют на выбор образовательной организации, внося вклад в репутацию и формируя ее в дальнейшем. Задача организации также учесть данный момент.

В качестве значимых аспектов должны учитываться социально-культурные влияния, в особенности в ряду тех программ, которые непосредственно касаются дополнительных профессиональных программ, к примеру, «Художественная обработка камня» или «Дизайн ювелирных изделий», с привлечением экспертов сообществ, инфлюенсеров, искусствоведов.

Чрезвычайно важным также представляется работа с репутационными рисками, их учетом и предотвращением. Суть такой работы, как представляется, состоит в глубокой проработке допущенных ошибок, обеспечении максимальной прозрачности процессов с поэтапной обратной связью и возможностью демонстрации результатов данной работы.

На постоянной основе должна вестись работа по анализу конкурентной среды, представленности новых программ, предложений, правовых новелл, которые, к примеру, могут ограничить реализацию тех или иных программ дополнительного профессионального образования.

Дополнительным важным фактором является отраженность инклюзивности и расширения возможностей, а также социальной ответственности в ряду аспектов, важных для формирования репутационного капитала образовательной организации. Сейчас в УГГУ ведется разработка проекта по внедрению и повышению представленности социальной компоненты в дополнительных профессиональных программах, что находит поддержку как у слушателей, так и у организаций, направляющих на обучение специалистов.

Институциональный подход к управлению репутационным капиталом образовательной организации в сфере ДПО, несмотря на свою эффективность, может сталкиваться с рядом препятствий. Сложность интеграции репутационного менеджмента в стратегические процессы вуза часто обусловлена бюрократическими барьерами, такими как длительные процедуры согласования и недостаточная

гибкость управленческих структур. Высокая степень формализации процессов может замедлить оперативное реагирование на репутационные угрозы, особенно в условиях быстро меняющейся информационной среды. Кроме того, недостаточная цифровизация и слабая координация между подразделениями вуза затрудняют сбор и анализ данных, необходимых для мониторинга репутации. Отсутствие единого понимания репутационного капитала среди сотрудников и руководства, а также низкая вовлеченность персонала в реализацию стратегий могут дополнительно осложнить внедрение системного подхода, снижая его практическую эффективность.

Представляется, что институциональный подход в работе с репутационным капиталом образовательной организации включает в себя не только изучение факторов выбора образовательной организации, получение как первичной обратной связи, непосредственно от слушателей программ, так и от вторичных получателей услуги, то есть от организаторов и заказчиков обучения, но заключается во включении во все стратегические программы развития дополнительного профессионального образования вуза, найти отражение в цели и миссии образовательной организации, на практике – в создании модели устойчивого взаимодействия заказчиков, организаторов и исполнителей обучения, оперативного обмена информацией и каналов коммуникации, включающих обратную связь и информационную открытость.

Заключение. Институциональный подход к изучению и управлению репутационным капиталом образовательных организаций в сфере дополнительного профессионального образования подтверждает свою высокую аналитическую и практическую значимость. Он позволяет не только выявить ключевые институциональные факторы, определяющие восприятие организации от соответствия государ-

ственным стандартам и профессиональным требованиям до внутренней культуры взаимодействия с обучающимися, но и разработать стратегии, обеспечивающие устойчивое развитие вуза в условиях конкурентного рынка. Результаты исследования подчеркивают, что репутационный капитал формируется через комплексное взаимодействие с институциональной средой, включая адаптацию к цифровым трансформациям, учет запросов не только непосредственно обучающихся, но и работодателей и прочих участников экономических и социальных процессов и поддержание прозрачности системы в целом. Особое значение имеет способность организации оперативно реагировать на институциональные изменения, такие как рост спроса на инклюзивные программы или модульные форматы обучения, что укрепляет ее репутацию как инновационного и клиентоориентированного института.

Вместе с тем, внедрение институционального подхода в управление репутацией сталкивается с рядом вызовов, включая бюрократические ограничения, недостаточную цифровизацию и слабую координацию между подразделениями вуза. Эти препятствия требуют системного подхода, включающего регулярный мониторинг обратной связи от всех групп стейкхолдеров, интеграцию современных аналитических инструментов и повышение вовлеченности персонала в реализацию репутационных стратегий. Институциональный подход, таким образом, не только раскрывает сложную природу репутационного капитала как социального и культурного феномена, но и предлагает практические пути его укрепления. Это позволяет образовательным организациям не только соответствовать ожиданиям общества, но и активно формировать их, обеспечивая долгосрочную конкурентоспособность и лидерство в сфере ДПО.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Береснева С.В. Концепция развития дополнительного профессионального образования в университете: социологический аспект // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2025. Т. 18, № 3. С. 135-145. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2025-3-135-145.1>.
2. Вандрикова О.В., Овчаренко Н.А. Пути повышения эффективности программ и мероприятий внутриорганизационного маркетинга в маркетинговой деятельности современных вузов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 2 (55). С. 612-616.
3. Варкулевич Т.В., Белоглазова В.А. Деловая репутация субъекта социального предпринимательства: концептуальная основа понятия // Управленческие науки = Management Sciences. 2025. Т. 15, № 2. С. 68-80. DOI: 10.26794/2304-022X-2025-15-2-68-80.
4. Гладилин А.В., Коломыц О.Н. Механизм реализации инновационных подходов в функционировании социально-экономических систем // Экономика и предпринимательство. 2015. № 1 (54). С. 323-326.
5. Гребенникова В.М. Преимущество как принцип общественной экспертизы качества профессионального образования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия, 3: Педагогика и психология. 2009. № 2. С. 66-69.
6. Косых В.Н. Управление репутацией: зачем и когда репутация нужна в бизнесе // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2012. № 10. С. 104-114.
7. Мокрова Л.П. Влияние социально-культурологических факторов на оценку деловой репутации [Электронный ресурс] // Финансовые рынки и банки. 2024. № 5. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-kulturologicheskikh-faktorov-na-otsenku-delovoy-reputatsii> (дата обращения: 11.07.2025).
8. Петьков В.А., Губанова М.А., Ромас Т.А. Феномен индивидуальности в контексте российской духовной культуры // Общество: философия, история, культура. 2015. № 5. С. 30-35.
9. Петьков В.А., Романов Д.А. Метод формирования показателей мониторинга эффективности функционирования социальных систем // Общество: социология, психология, педагогика. 2015. № 5. С. 8-10.
10. Прохоров А.В., Жмырева Н.А. Роль репутации вуза в конкурентной среде [Электронный ресурс] // Вестник ТГУ. 2018. № 4 (174). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-reputatsii-vuza-v-konkurentnoy-srede> (дата обращения: 01.07.2025).
11. Резник С.Д., Юдина Т.А. Репутационные риски университета в новых условиях развития российского высшего образования [Электронный ресурс] // Университетское управление: практика и анализ. 2023. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/reputatsionnye-riski-universiteta-v-novykh-usloviyah-razvitiya-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya> (дата обращения: 01.07.2025).
12. Руденко М.В. Гудвилл, имидж и репутация организации: сравнительный анализ понятий [Электронный ресурс] // Наука Красноярья. 2023. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gudvill-imidzh-i-reputatsiya-organizatsii-sravnitelnyy-analiz-ponyatiy> (дата обращения: 11.08.2025).
13. Синявец Т.Д., Лунева Е.А., Катунина Н.В. Управление вузом: технология мониторинга репутации образовательного бренда // Образование и наука. 2024. Т. 26, № 4. С. 68-103. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-4-68-103
14. Тощенко Ж.Т. Социология труда (Опыт нового прочтения). М.: Мысль, 2005. 333 с.

15. Чернецкая Т.С. Маркетинг: учебно-методическое пособие / НГУФК им. П.Ф. Лесгафта. СПб., 2009. 148 с.

16. О формировании и оценивании имиджа университета [Электронный ресурс] / Шаймарданов Ж.К. [и др.] // Высшее образование сегодня. 2022. № 5/6. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-i-otsenivanii-imidzha-universiteta> (дата обращения: 04.08.2025).

17. Redler J., Morschheuser P. Three Root Causes for the Impasse in Reputation Measurement for Higher Education Institutions [Электронный ресурс] // Marketing of Scientific and Research Organizations. 2004. Vol. 51. P. 26-45. 10.2478/minib-2024-0008. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/381727587_Three_Root_Causes_Volfor_the_Impasse_in_Reputation_Measurement_for_Higher_Education_Institutions/citations.

18. Selim Hany, Sayed, Sharifa, Selim Hany The Impact of Sustainable Education Practices on Institutional Reputation: A Case Study of Higher Education, UAE [Электронный ресурс] // Responsible Innovation and Society 5.0: 8th Equal Opportunities Conference. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/389055164_The_Impact_of_Sustainable_Education_Practices_on_Institutional_Reputation_A_Case_Study_of_Higher_Education_UAE (дата обращения: 14.08.2025).

REFERENCES

1. Beresneva, S.V. Concept of continuing professional education development at a university: sociological aspect // Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. 2025. Vol. 18, No. 3. P. 135-145. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2025-3-135-145.1>. [In Russ.]

2. Vandrikova, O.V., Ovcharenko, N.A. Ways to improve the efficiency of intra-organizational marketing programs and events in the marketing activities of modern universities // Economy and Entrepreneurship. 2015. No. 2 (55). P. 612-616. [In Russ.]

3. Varkulevich, T.V., Beloglazova, V.A. Business reputation of a social entrepreneurship entity: a conceptual basis of the concept // Management Sciences. 2025. Vol. 15, No. 2. pp. 68-80. DOI: 10.26794/2304-022X-2025-15-2-68-80. [In Russ.]

4. Gladilin, A.V., Kolomyts, O.N. Mechanism for implementing innovative approaches in the functioning of socio-economic systems // Economy and entrepreneurship. 2015. No. 1 (54). P. 323-326. [In Russ.]

5. Grebennikova, V.M. Continuity as a principle of public assessment of the quality of vocational education // Bulletin of Adygh State University. Series, 3: Pedagogy and Psychology. 2009. No. 2. P. 66-69. [In Russ.]

6. Kosykh, V.N. Reputation management: why and when reputation is needed in business // PR and advertising in the changing world: regional aspect. 2012. No. 10. P. 104-114. [In Russ.]

7. Mokrova L.P. The Influence of socio-cultural factors on the assessment of business reputation [Electronic resource] // Financial Markets and Banks. 2024. No. 5. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-kulturologicheskikh-faktorov-na-otsenku-delovoy-reputatsii> (date of access: 11.07.2025). [In Russ.]

8. Petkov, V.A., Gubanova, M.A., Romas, T.A. The phenomenon of individuality in the context of russian spiritual culture // Society: Philosophy, History, Culture. 2015. No. 5. P. 30-35. [In Russ.]

9. Petkov, V.A., Romanov, D.A. Method of forming indicators for monitoring the effectiveness of social systems // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. 2015. No. 5. P. 8-10. [In Russ.]

10. Prokhorov, A.V., Zhmyreva, N.A. The role of university reputation in a competitive environment [Electronic resource] // TSU Bulletin. 2018. No. 4 (174). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-reputatsii-vuza-v-konkurentnoy-srede> (date of access: 01.07.2025). [In Russ.]

11. Reznik, S.D., Yudina, T.A. University reputational risks in the new conditions of development of Russian higher education [Electronic resource] // University Management: Practice

and Analysis. 2023. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/reputatsionnye-riski-universiteta-v-novyh-usloviyah-razvitiya-rossiyskogo-vysshego-obrazovaniya> (date of access: 01.07.2025). [In Russ.]

12. Rudenko, M.V. Goodwill, image, and reputation of an organization: a comparative analysis of concepts [Electronic resource] // Science of Krasnoyarsk. 2023. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/gudvill-imidzh-i-reputatsiya-organizatsii-sravnitelnyy-analiz-ponyatiy> (date of access: 11.08.2025). [In Russ.]

13. Sinyavets, T.D., Luneva, E.A., Katunina, N.V. University management: technology for monitoring the reputation of an educational brand // Education and Science. 2024. Vol. 26, No. 4. pp. 68-103. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-4-68-103

14. Toshchenko, Zh.T. Sociology of labor (an experimental reading). Moscow: Mysl, 2005. 333 p. [In Russ.]

15. Chernetskaya, T.S. Marketing: A Study Guide / NSUPC named after P.F. Lesgaft. St. Petersburg, 2009. 148 p. [In Russ.]

16. On the formation and evaluation of a university image [Electronic resource] / Shaimardanov Zh.K. [et al.] // Higher education today. 2022. No. 5/6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovani-i-otsenivani-i-imidzha-universiteta> (date of access: 04.08.2025). [In Russ.]

17. Redler J., Morschheuser P. Three Root Causes for the Impasse in Reputation Measurement for Higher Education Institutions [Electronic resource] // Marketing of Scientific and Research Organizations. 2004. Vol. 51. P. 26-45. 10.2478/minib-2024-0008. Available at: https://www.researchgate.net/publication/381727587_Three_Root_Causes_Volfor_the_Impasse_in_Reputation_Measurement_for_Higher_Education_Institutions/citations.

18. Selim Hany, Sayed, Sharifa, Selim Hany The Impact of Sustainable Education Practices on Institutional Reputation: A Case Study of Higher Education, UAE [Electronic resource] // Responsible Innovation and Society 5.0: 8th Equal Opportunities Conference. Access mode: https://www.researchgate.net/publication/389055164_The_Impact_of_Sustainable_Education_Practices_on_Institutional_Reputation_A_Case_Study_of_Higher_Education_UAE (date of access: 14.08.2025).

Информация об авторах / Information about the authors

Светлана Викторовна Береснева, аспирант кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «ПГПУ», г.Пермь. Заместитель директора Института дополнительного профессионального образования ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет». 620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, 30, e-mail: bo_idpo@mail.ru

Андрей Викторович Легостев, кандидат социологических наук, директор Института дополнительного профессионального образования ФГБОУ ВО «Уральский государственный горный университет». 620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, 30, e-mail: idpo@ursmu.ru

Svetlana V. Beresneva, Postgraduate student, the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm state mining and processing university, Perm, deputy director of the Institute of Vocational Educational Training, Ural State Mining University. 620144, the Russian Federation, Ekaterinburg, 30 Kuibyshev St., e-mail: bo_idpo@mail.ru

Andrey V. Lyogostev, PhD (Sociology), Director of the Institute of Vocational Educational Training, Ural State Mining University. 620144, the Russian Federation, Ekaterinburg, 30 Kuibyshev St., e-mail: idpo@m.ursmu.ru

Заявленный вклад соавторов

Светлана Викторовна Береснева – проведение эксперимента, обработка результатов, оформление статьи по требованиям сборника.

Андрей Викторович Легостев – анализ и обзор литературы, проверка и валидация результатов исследования.

Claimed contribution of the authors

Svetlana V. Beresneva – conducting an experiment, processing the results, and preparing the article in accordance with the requirements of the Journal.

Andrey V. Lyogostev – analysis and review of literature, verification and validation of research results.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 11.02.2026

Поступила после рецензирования 20.04.2026

Принята к публикации 23.04.2026

Received 11.02.2026

Revised 20.04.2026

Accepted 23.04.2026

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-189-208>
УДК 316.334.55/.56(476)

Развитие современной белорусской провинции в условиях интеграции малых городов и сельских поселений

А.Ю. Сакович

*Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
anzhela_sakovich87@mail.ru*

Аннотация. Введение. Сокращение численности сельчан актуализирует вопрос обеспечения сельскохозяйственных предприятий кадрами. В условиях недостатка трудовых ресурсов в аграрной отрасли не только сельские поселения, но и малые города рассматриваются как источник рабочей силы для агросферы. Поэтому целью данной работы является изучение возможностей развития белорусской провинции в условиях интеграции малых городов и сельских поселений.

Материалы и методы. Важнейшим трудовым ресурсом сельскохозяйственных предприятий являются выпускники аграрных вузов. В связи с этим в октябре 2025 г. – феврале 2026 г. нами было проведено исследование на тему «Перспективы развития современной белорусской провинции сквозь призму жизненных стратегий и профессиональных установок студентов выпускных курсов аграрных вузов». Метод исследования – анкетный опрос. Выборочная совокупность составила 254 чел.

Результаты исследования. Результаты опроса показали, что более половины студентов, работая на сельскохозяйственных предприятиях, предпочли бы жить в малых городах. Связано это в большинстве случаев с более развитой городской инфраструктурой. На селе студентов привлекает близость к природе, возможность иметь собственный дом, тишина и спокойствие. Большинство опрошенных позитивно оценивает перспективу внедрения искусственного интеллекта в сельское хозяйство и считает, что такие технологии способны облегчить труд аграриев.

Обсуждение и заключение. Для развития провинции предлагается интеграция трудовых ресурсов малых городов и сельских поселений, необходимых для эффективной работы сельскохозяйственных предприятий. Модернизированные хозяйства рассматриваются как основа для расширения рынка труда малых городов и улучшения социальной инфраструктуры села.

Ключевые слова: провинция, малые города, сельские поселения, трудовые ресурсы, сельскохозяйственные предприятия, модернизация, искусственный интеллект, рынок труда, социальная инфраструктура

Для цитирования: Сакович А.Ю. Развитие современной белорусской провинции в условиях интеграции малых городов и сельских поселений. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2026; 18(2): 189–208. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-189-208>

Development of the modern Belarusian province in the context of integration of small towns and rural settlements

A.Yu. Sakovich

*Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus
anzhela_sakovich87@mail.ru*

Abstract. Introduction. The decline in the number of rural residents raises the issue of providing agricultural enterprises with personnel. Given the shortage of labor resources in the agricultural sector, not only rural settlements but also small towns are considered as a source of labor for the agricultural sector. Therefore, the goal of the research is to study the possibilities for the development of the Belarusian provinces in the context of the integration of small towns and rural settlements.

The materials and methods. Graduates of agricultural universities are the most important labor resource for agricultural enterprises. In this regard, from October 2025 to February 2026, we conducted a study on the topic “Prospects for the Development of the Modern Belarusian Provinces through the Prism of Life Strategies and Professional Attitudes of Graduating Students of Agricultural Universities”. The research method was a questionnaire survey. The sample consisted of 254 people.

The research results. The survey results showed that more than half of the students, working in agricultural enterprises, would prefer to live in small towns. This is due in most cases to a more developed urban infrastructure. Students are attracted to rural areas by the proximity to nature, the opportunity to own their own home, and the peace and quiet. Most respondents positively assess the prospects for implementing artificial intelligence in agriculture and believe that such technologies can make farmers’ work easier.

Discussion and conclusion. To develop the provinces, it is proposed to integrate the labor force of small towns and rural settlements, which is essential for the efficient operation of agricultural enterprises. Modernized farms are seen as the basis for expanding the labor market in small towns and improving rural social infrastructure.

Keywords: provinces, small towns, rural settlements, labor force, agricultural enterprises, modernization, artificial intelligence, labor market, social infrastructure

For citation: Sakovich A. Yu. Development of the modern Belarusian province in the context of integration of small towns and rural settlements. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2026; 18(2): 189–208. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2026-18-2-189-208>

Введение. По характеру расселения население принято делить на городское и сельское. Горожане работают в промышленности, науке, сфере образования, культуры, искусства и др. Ключевым отличием городского населения от сельского является занятость вне аграрной отрасли. Первые города зачастую образовывались как центры ремесла, торговли и военной защиты. В них сосредотачивались органы власти и управления. С течением времени города развивались, их инфраструктура

усложнялась. Основной же сферой жизнедеятельности села сохранялось сельское хозяйство. С возникновением машинного производства дифференциация между городом и деревней усилилась. Промышленная революция привела к урбанизации. Создание крупных промышленных предприятий потребовало дополнительных трудовых ресурсов, что привело к массовой миграции сельчан в города. Следствием этого стало разрушение сложившихся сельских структур [1, с. 4–7]. На совре-

менном этапе общественного развития урбанизация продолжается, что приводит к росту городского и сокращению сельского населения. В 2025 г. в Республике Беларусь насчитывалось 7182,6 тыс. чел. проживающих в городах, и 1926,5 тыс. – на селе. В период с 2016 г. по 2025 г. численность сельского населения сократилась на 275,3 тыс. чел.¹. В условиях депопуляции села особую актуальность приобретает вопрос эффективного функционирования аграрной отрасли. Наблюдаемые тенденции сокращения численности сельчан обуславливают потребность выработки новых подходов к обеспечению сельскохозяйственных предприятий кадрами.

Административными, социально-экономическими, культурными центрами сельских поселений являются малые города (районные центры). В них сосредоточены важные для сельчан объекты социальной инфраструктуры: поликлиники, больницы, гипермаркеты и др. Такие поселения занимают промежуточное положение между крупными городами и селом [2, с. 92–100]. В Республике Беларусь к малым городам принято относить населенные пункты с численностью населения от 6 тыс. до 20 тыс. чел. (в некоторых случаях – от 5 тыс. чел.)². Находясь на удаленном расстоянии от столицы и областных центров, вместе с деревнями, агрогородками и поселками городского типа, они образуют территорию, называемую провинцией [3, с. 45–50]. Население малых городов и прилегающих к ним сельских поселений образует местное сообщество, характеризующееся общей системой ценностей, норм, образцов поведения. По нашему мнению, в условиях

разрушения сформировавшихся сельских структур оно способно обеспечить белорусский агропромышленный комплекс (АПК) трудовыми ресурсами.

Важнейшим источником восполнения сельскохозяйственных предприятий образованными и высококвалифицированными кадрами являются выпускники аграрных вузов. Закончив учебное заведение, молодые специалисты, обучающиеся на бюджете, направляются на работу в хозяйства, расположенные преимущественно на селе. Отработав два года по распределению, многие из них покидают сельхозпредприятия и уезжают из сельской местности в города. Это препятствует не только эффективному функционированию хозяйств, но и улучшению социальной инфраструктуры села. Поэтому в октябре 2025 г. – феврале 2026 г. нами было проведено исследование на тему «Перспективы развития современной белорусской провинции сквозь призму жизненных стратегий и профессиональных установок студентов выпускных курсов аграрных вузов». Рассмотрим подробнее его методологию и ключевые результаты. Однако прежде представим обзор литературы, посвященной социологическому изучению провинции.

Обзор литературы. В Республике Беларусь социологический анализ феномена провинции представлен в коллективной монографии «Судьба белорусской провинции: социологический анализ» под общей редакцией Р.А. Смирновой (2015 г.) [4]. В данной работе репрезентирована теоретическая экспликация основных понятий, связанных с его изучением, и представлены результаты эмпирических исследований белорусской провинции, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в 2011–2014 гг. В 2015 г. Р.А. Смирнова опубликовала статью «Белорусская провинция как объект социологического анализа» [5]. В целом в Республике Беларусь не много работ посвящено исследованию провинции. Чаще ученые занимались изучением сельских

¹ Регионы Республики Беларусь: статистический сборник: в 2 т. Т. 1. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. С. 73.

² Административно-территориальное устройство [Электронный ресурс] // Белорусская энциклопедия. URL: <https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=405> (дата обращения 28.01.2026).

территорий. Различные аспекты жизнедеятельности малых городов рассмотрены в статьях Р.А. Смирновой «Малый город как организационно-управленческий и социокультурный центр развития сельских регионов» (2014 г.) [2], С.Н. Лихачевой «Социальные потребности молодежи малых городов и возможности их реализации» (2025 г.) [6]. Вопросы модернизации АПК представлены в работе Н.Л. Балич «Факторы модернизации регионов (по результатам социологического исследования)» (2021 г.) [7], Радченко Н.В., Соколовской Е.В., Радченко С.В. «Цифровая трансформация аграрного сектора Беларуси» (2021 г.) [8] и др. Среди российских авторов следует отметить работы Ю.М. Плюснина «Социальная структура провинциального общества» (2022 г.) [9], Я.М. Цыгановой «Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению» (2013 г.) [10], Е.В. Реутова, М.Н. Реутовой «Жизненные шансы в российской провинции» (2020 г.) [11] и др.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования вступают студенты выпускных курсов ведущих аграрных вузов Республики Беларусь: УО «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия» (БГСХА) и УО «Белорусский государственный аграрный технический университет» (БГАТУ). Находясь на завершающей ступени обучения, они обладают достаточным уровнем знаний и компетенций, чтобы оценить возможности развития белорусского АПК. Большинство студентов к концу учебы имеет опыт проживания в провинции, поскольку хозяйства, в которых они проходят практику, чаще всего расположены на удаленном расстоянии от столицы и областных центров. Кроме того, как правило, они готовы к саморефлексии и анализу своего жизненного и профессионального пути. Поэтому в исследовании приняли участие студенты последнего года обучения. Метод исследования – анкетный опрос. По репрезен-

тативной выборке опрошено 254 человек (160 чел. – БГСХА, 94 чел. – БГАТУ).

Чаще всего выпускники аграрных вузов направляются на работу в сельхозпредприятия, расположенные в провинции. Мнение студентов сельскохозяйственного профиля является важным при изучении возможностей закрепления молодых специалистов в АПК. Как часть молодежи они способны оценить условия жизни и труда, созданные на селе и в малых городах для привлечения и удержания в них молодых людей. Находясь на последнем курсе, студенты способны определить потребность современного белорусского АПК в модернизации, внедрении инновационных технологий, таких как искусственный интеллект (ИИ). В целом от жизненных стратегий и профессиональных установок студентов выпускных курсов аграрных вузов во многом зависит как будущее сельскохозяйственной отрасли, так и провинции в целом (малых городов и сельских поселений).

Результаты исследования. При изучении представлений студентов аграрных вузов о перспективах развития АПК и провинции важнейшим представляется вопрос о том, по душе ли им профессия, которую они приобретают в учебном заведении. Результаты исследования показали, что большинству опрошенных нравится (77,6%) и скорее нравится (19,3%) будущая специальность. При этом среди студентов БГАТУ больше тех, кому нравится (86,2%) и скорее нравится (12,8%) выбранная профессия, чем среди студентов БГСХА (72,5% и 23,1% соответственно) ($p < 0,05$).

Ведущим мотивом поступления в аграрный вуз были советы родителей, друзей, родственников (53,1%). Как видно, близкое окружение сыграло важное значение для большинства опрошенных при выборе учебного заведения. Многие выбрали сельскохозяйственную специальность, ориентируясь на хорошие перспективы карьерного роста в агросфере (39%). На часть опрошенных повлияли:

- интерес к сельскому хозяйству (23,2%),
- достойный уровень оплаты труда (22,8%),
- профориентационные мероприятия (22,4%),
- высокий спрос на специалистов в аграрной отрасли (21,3%).

Некоторые выбрали профессию агрария, следуя семейной традиции (9,4%), либо из желания начать собственное фермерское хозяйство (6,3%). Среди опрошенных были и те, кто поступил в аграрный вуз, исходя из того, что в нем было проще пройти отбор (7,9%).

Оценивая перспективы работы по специальности в ближайшие 10 лет, 41,1% респондентов отметили, что обязательно будут трудиться по профессии, 43,9% указали, что, скорее всего, будут заняты

в АПК. Таким образом, большинство студентов выражают намерение в течение значительного периода времени связать свою жизнь с сельскохозяйственным трудом. Среди опрошенных 13% указали на возможность смены рода деятельности. Не планируют работать по специальности 1,6% респондентов.

Занятость в аграрной отрасли имеет ряд преимуществ по сравнению с другими сферами. В частности, работники сельского хозяйства всегда востребованы на рынке труда. Для молодых специалистов, не имеющих опыта трудовой деятельности, это чрезвычайно важно. В связи с этим студентам был задан вопрос о том, какие преимущества они видят для себя, работая в аграрной отрасли. Ответы респондентов распределились следующим образом (рис 1).

Рис. 1. Преимущества работы в сельском хозяйстве

Fig.1. Benefits of working in agriculture

По мнению студентов, основными преимуществами работы в аграрной отрасли являются возможность получить интересную работу (62,4%) и перспектива хорошо зарабатывать (60,1%). Это еще раз подтверждает, что молодым людям нравится профессия, которую они получают в

вузе. При этом большинство опрошенных полагает, что работа в сельском хозяйстве способна обеспечить им достойный уровень жизни.

Значимым барьером, препятствующим эффективной работе современного белорусского АПК, является недостаток

кадров. Так, в 2024 г. в сельском хозяйстве было занято 236,7 тыс. чел., что на 30,7 тыс. чел. меньше по сравнению с 2020 г.³ Тот опыт, который студенты приобретают, проходя практику на сельскохозяйственных предприятиях, позволяет им оценить потребность хозяйств в рабочей силе. В связи с этим в ходе исследования был задан вопрос о том, в каких специалистах больше всего нуждается современный АПК. Данные опроса показали, что, по мнению 50,0% студентов, белорусский АПК нуждается в

агроинженерах и специалистах по машинно-тракторному парку. Часть респондентов считает, что сельхозпредприятиям не хватает ветеринарных врачей и зоотехников (37%). Около трети опрошенных полагает, что АПК необходимо обеспечить агрономами и агрохимиками (34,6%), а также инженерами по автоматизации и цифровым технологиям в сельском хозяйстве (30,3%). В целом распределение ответов респондентов на этот вопрос имеет следующий вид (рис. 2).

Рис. 2. Потребность сельхозпредприятий в специалистах

Fig. 2. Agricultural enterprises' need for specialists

Недостаток кадров в АПК во многом обусловлен сокращением сельского населения. Результаты исследования показали, что больше всего современные сельскохозяйственные предприятия нуждаются в образованных и высококвалифицированных кадрах. На недостаток рабочих указали 25,6% опрошенных. Это требует комплекса мер, направленных на удержание в сельском хозяйстве дипломированных специалистов, обладающих определенными компетенциями.

В рамках исследования студентам предлагалось оценить значимость ус-

ловий по закреплению молодых кадров в аграрной отрасли. По мнению опрошенных, чрезвычайно важно обеспечить работников высоким уровнем заработной платы (86,2%), предоставить возможности для карьерного роста (83,9%) и создать достойные условия труда (81,5%). Результаты исследования показали, что в своей трудовой деятельности студенты ориентированы не только на хороший доход и комфортную рабочую обстановку, но также на профессиональное развитие и продвижение по служебной лестнице. В целом оценки студентов значимости условий по удержанию молодых специалистов в сельском хозяйстве распределились следующим образом (рис. 3)

³ Сельское хозяйство Республики Беларусь: статистический сборник. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. С. 8.

Рис. 3. Значимость условий для закрепления молодых специалистов в сельском хозяйстве

Fig. 3. The importance of conditions for retaining young specialists in agriculture

Нарастающая урбанизация приводит к тому, что все больше молодых людей ориентируются на городской образ жизни. В связи с этим, студентам был задан вопрос о том, где бы они предпочли жить, работая в аграрной отрасли: селе, агрогородке, городском поселке, малом городе. Несмотря на то, что АПК является сферой занятости прежде всего сельчан, большая часть опрошенных не связывает свое будущее с деревней. Результаты исследования показали, что, работая на сельскохозяйственных предприятиях, 54,7% респондентов предпочли бы жить в малом городе. Студенты, ориентированные на сельскую местность, отдают приоритет агрогородку (20,9%). В традиционном селе хотели бы жить только 5,5% опрошенных. Среди вариантов «другое» встречались такие

формулировки, как «областной центр», «столица», «крупный город» (рис. 4).

В рамках реализации Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 гг. в Республике Беларусь был создан новый тип сельского поселения – агрогородок. Он представляет собой урбанизированный населенный пункт, оснащенный газо- и водоснабжением, канализацией. В таком поселении есть школа, детский сад, амбулатория, магазин, библиотека и др. [12, с. 66] За период реализации программы в стране был создан 1481 агрогородок [13, с. 80–89]. Молодые люди, ориентированные на данный тип поселения, стремятся к гармоничному сочетанию красоты природы, тишины, спокойствия и развитой социальной инфраструктуры.

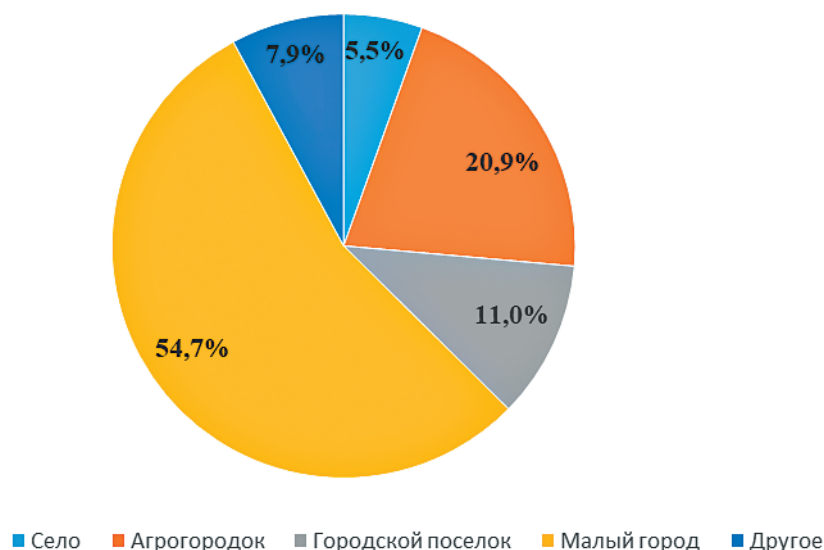

Рис. 4. Предпочитаемый выбор места жительства

Fig. 4. Preferred choice of place of residence

Студенты, отдающие предпочтение сельскому укладу жизни, выделили следующие преимущества проживания на селе:

- чистый воздух и близость к природе (67,4%),
- перспектива иметь собственный дом (55,8%),
- спокойствие и тишина вдали от городской суеты (54,7%),
- близость к месту работы (30,5%).

Часть опрошенных привлекала возможность заниматься огородничеством и садоводством (23,3%). Некоторые отметили такие преимущества сельской жизни, как дружеское окружение (14,7%) и возможность заниматься фермерством (9,5%).

Студенты, которые, работая в АПК, предпочли бы жить в малом городе, чаще всего объясняли свой выбор стремлением к развитой городской инфраструктуре (89,9%). Среди преимуществ проживания в таком типе поселения респонденты отметили:

- доступность медицинских услуг (59,7%),
- более широкие, по сравнению с сельской местностью, возможности для досуга и развлечений (58,3%),

– хорошие условия для образования детей (51,1%),

- развитая транспортная сеть (45,3%).

Часть студентов указала на расширенные возможности для общения (34,5%). Около трети опрошенных привлекает возможность совмещать удобства городской среды и работу на приусадебном участке (33,1%). Наличие частного сектора в малых городах позволяет населению иметь личное подсобное хозяйство. Это дает возможность людям вести полусельский образ жизни.

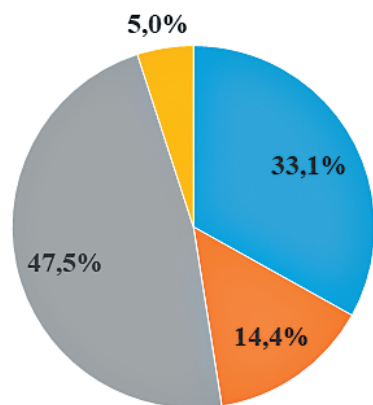
Некоторые студенты отметили, что в малых городах лучшие, чем на селе, шансы встретить будущего спутника жизни (12,9%). Несмотря на то, что молодые люди находятся в возрасте, когда следует задумываться о создании семьи, лишь незначительная часть опрошенных отметила, что в городской среде круг потенциальных брачных партнеров шире, чем в сельской. При этом нельзя сказать, что на селе много молодых людей, с которыми в перспективе можно вступить в брак. Результаты исследования социальной адаптации молодых специалистов к условиям жизни и труда в аггородках

Мядельского района, проведенного нами в 2019 г., показали, что вероятность встретить в сельской местности будущего супруга/супругу невысокая. Типичным ответом на вопрос «Как бы Вы охарактеризовали круг потенциальных брачных партнеров в Вашем населенном пункте» – являлась фраза «Их здесь нет» [14, с. 49]. Поэтому невысокая оценка более широких возможностей создать семью в малом городе по сравнению с селом указывает, скорее, не на равные возможности брачного выбора в них, а на отсутствие у студентов выпускных курсов установок к заключению брака в ближайшие годы.

Для молодых специалистов, направленных на работу в сельскохозяйственные предприятия, важнейшим является вопрос о предоставлении жилья. Результаты исследования показали, что среди тех, кто ориентирован на проживание в сельской местности, 56,9% опрошенных предпочли бы арендное жилье. Из них 31,6% хотели

бы жить в доме, 25,3% – в квартире. Значительная часть студентов намерена проживать в собственном жилье (41,6%). Заселиться в общежитие предпочли бы 2,1% респондентов. Студенты, которые, работая в сельском хозяйстве, хотели бы жить в малом городе, в большинстве случаев ориентированы на проживание в собственном доме/квартире (54%). Арендное жилье хотели бы получить 43,2% опрошенных. Среди них 33,8% предпочли бы квартиру, 9,4% – дом. В общежитие заселились бы 1,4% опрошенных.

Для специалистов сельского хозяйства, проживающих в малом городе (районном центре), важным является вопрос транспортного сообщения населенного пункта с сельскохозяйственным предприятием. В связи с этим студентам был задан вопрос о том, каким образом они предпочли бы добираться до работы и обратно. Распределение ответов респондентов выглядит следующим образом (рис. 5).

- Между малым городом и сельхозпредприятием следует организовать автобусные маршруты по расписанию
- Организация автобусных маршрутов между малым городом и сельхозпредприятием с гибким графиком работы
- Сельхозпредприятию следует организовать корпоративный транспорт для своих работников
- Работникам сельхозпредприятия следует использовать личный транспорт для поездок на работу и обратно

Рис. 5. Транспортное сообщение между малым городом и сельхозпредприятием

Fig. 5. Transport links between a small town and an agricultural enterprise

По мнению 47,5% опрошенных, сельхозпредприятию следует организовать корпоративный транспорт для своих работников. Около трети респондентов (33,1%) указали на необходимость наличия автобусных маршрутов по расписанию. Что касается вопроса компенсации

затрат на проезд, то 69,1% студентов отметили, что хозяйству необходимо полностью возмещать транспортные издержки сотрудников. Около трети опрошенных (28,1%) считают, что сельскохозяйственному предприятию следует частично покрывать дорожные расходы своих работников.

Все чаще современная молодежь уезжает из сельских населенных пунктов в города. По мнению студентов, многие из которых сами являются выходцами из села, городская среда привлекает молодых людей развитой социальной инфраструктурой (76,0%), широкими возможностями для трудоустройства (71,0%) и более высоким уровнем заработной платы (56,7%). Часть опрошенных отметила такие причины миграционных перемещений, как престижность городского образа жизни (29,5%) и желание расширить круг общения (22,0%). В целом результаты опроса подтверждают данные многолетних социологических исследований миграционных установок сельского населения Республики Беларусь. В частности, анализ причин миграционного оттока из села, проведенный Институтом социологии НАН Беларуси в 2011, показал, что чаще всего молодые сельчане устремлялись в города с целью поиска работы с достойным уровнем заработной платы (74,6%). Помимо более высоких доходов, молодежь привлекали расширенные возможности для трудоустройства (58,2%) [4, с. 105]. У современных сельских молодых людей эти мотивы миграции сохраняются. Однако наряду с желанием найти интересную работу с высоким уровнем оплаты труда выделяется такая причина миграции, как стремление к развитой социальной инфраструктуре. С одной стороны, это указывает на необходимость строительства и реконструкции на селе различных инфраструктурных объектов, а с другой стороны, свидетельствует об ориентации современной молодежи на городской образ жизни.

В ходе исследования студентам был задан вопрос о том, каких объектов социальной инфраструктуры не хватает сельским поселениям больше всего. По данным опроса, около половины респондентов считают, что современное белорусское село испытывает потребность в развитом транспортном сообщении

(53,5%), наличии мест общественного питания (50,0%), качественном интернете и мобильной связи (48,4%). Часть респондентов отметила недостаток магазинов и торговых точек (46,9%), пунктов оказания медицинской помощи (40,6%), комфортного жилья (38,6%), культурных и досуговых центров (37,8%), оборудованных зон отдыха, парков, скверов (35,4%). Около трети опрошенных указали, что сельские поселения нуждаются в детских дошкольных и школьных учреждениях (33,9%), а также в организациях дополнительного образования детей и подростков (31,5%).

В Республике Беларусь реализуется комплекс мер, направленных на сохранение и развитие сельских территорий. В настоящее время наиболее обсуждаемым является проект «Деревня будущего» основной целью которого является создание комфортных условий проживания на селе⁴. В рамках нашего исследования студентам предлагалось оценить значимость условий, способствующих тому, чтобы жизнь в сельской местности стала более привлекательной для молодежи. По мнению опрошенных, для привлечения молодых людей в село очень важным является создание новых рабочих мест с достойным уровнем оплаты труда (85,4%), улучшение уровня медицинского обслуживания и доступности медицинских услуг (80,7%), строительство благоустроенного жилья (79,7%), улучшение транспортного сообщения сельских поселений с городами (75,2%), внедрение инновационных технологий на сельхозпредприятия (74,4%). В целом значимость мер по повышению привлекательности сельских поселений для молодежи студенты оценили следующим образом (рис. 6).

⁴ Аналитик БИСИ рассказала, как может выглядеть современная деревня будущего [Электронный ресурс] // БИСИ. URL: <https://bisr.gov.by/my-v-smi/analitik-bisi-rasskazala-kak-mozhet-vyglyadet-sovremennaya-derevnya-buduschego>.

Рис. 6. Значимость условий, способствующих повышению привлекательности сельских поселений для молодежи

Fig. 6. The importance of conditions that contribute to increasing the attractiveness of rural settlements for young people

Малые города, являясь центрами хозяйственной, организационной и социокультурной деятельности для окружающих сельских территорий, обладают развитой социальной инфраструктурой [2, с. 92–100]. Несмотря на это, молодежь зачастую не в полной мере удовлетворена качеством жизни в таких поселениях, что побуждает наиболее амбициозных и активных молодых людей переезжать в столицу либо областной центр. В связи с этим студентам был задан вопрос о том, каких объектов социальной инфраструктуры недостает современным малым городам (районным центрам). Результаты исследования по-

казали, что, по мнению более половины опрошенных (52,4%), такие поселения нуждаются в предоставлении качественных медицинских услуг. Часть респондентов отметила, что малым городам недостает:

- современных торговых центров и магазинов (46,1%);
- развитого городского общественного транспорта (43,7%);
- мест общественного питания (40,9%);
- развитого транспортного сообщения с крупными городами (36,2%);
- спортивных сооружений и площадок (36,6%);

– интернета и мобильной связи (34,6%).

Около трети опрошенных отметили, что районные центры нуждаются в наличии современных домов культуры, клубов, театров (33,9%), комфортном жилье

(32,3%), учреждениях дополнительного образования детей и подростков (28,3%). На недостаток оборудованных зон отдыха и детских дошкольных/школьных учреждений указали 26,0% и 21,7% респондентов соответственно.

Рис. 7. Значимость условий, способствующих повышению привлекательности малых городов (районных центров) для молодежи

Fig. 7. The importance of conditions that contribute to increasing the attractiveness of small towns (regional centers) for young people

Студентам также предлагалось оценить значимость мер, способствующих повышению привлекательности малых городов для молодежи. По мнению опрошенных, для привлечения молодых людей в райцентры очень важными является создание новых рабочих мест с достойным уровнем оплаты труда (85,8%), организация условий для карьерного роста (84,1%), обеспечение доступного и комфортного жилья (83,1%), укомплектование районных больниц и поликлиник высококвалифицированными специалистами и современным медицинским оборудованием (73,6%), улучшение транспортного сообщения с крупными городами (73,6). В целом значимость условий по повышению привлекательности малых городов для молодежи студенты оценили следующим образом (рис. 7).

На региональном уровне изучение различных аспектов жизнедеятельности населения малых городов осуществлялось в рамках социологического исследования, проведенного управлением социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» совместно с кафедрой политологии и социологии МГУ им. А.А. Кулешова в 2024 г. По данным опроса, 58,9% горожан были удовлетворены и 39,3% скорее удовлетворены состоянием банковского обслуживания в населенном пункте. Высокие оценки получили сфера образования (41,1% удовлетворены и 51,8% скорее удовлетворены), культуры (42,9% удовлетворены, 50,0% скорее удовлетворены), спорта (35,7% удовлетворены, 57,1% скорее удовлетворены), социальной защиты нуждающихся граждан (41,1% удовлетворены, 48,2% скорее удовлетворены). В ходе исследования также были обнаружены трудности, с которыми сталкиваются жители малых городов. Так, 53,6% опрошенных были не удовлетворены качеством медицинского обслуживания, 42,9% – состояни-

ем автомобильных дорог и тротуаров, 41,0% – организацией досуга, 35,7% – возможностями трудоустройства [6, с. 41–47]. Таким образом, результаты этого регионального исследования соотносятся с данными проведенного нами опроса студентов выпускных курсов аграрных вузов Республики Беларусь, согласно которым при развитии малых городов особое внимание следует уделить созданию новых рабочих мест и укреплению социальной инфраструктуры.

Важнейшей жизненной ценностью человека является здоровье. Для его сохранения необходима доступная и качественная медицинская помощь. Возможность ее получить является важнейшим условием закрепления молодежи в провинции. Результаты исследования, проведенного в 2024 г. кафедрой политологии и социологии МГУ им. А.А. Кулешова совместно с КИУП «Информационное агентство «Могилевские ведомости» в сельских районах Могилевской области показали, что 15,3% сельского населения были полностью удовлетворены и 48,4% частично удовлетворены качеством медицинского обслуживания по месту жительства [15, с. 101–107]. Чаще всего на селе работают ФАПы и амбулатории. Перечень предоставляемых в них медицинских услуг значительно уже, чем в городах. Однако не всегда у местного населения есть возможность обратиться в городскую поликлинику. Поэтому сохранение на селе базовых пунктов медицинского обслуживания является важнейшим условием для развития сельских поселений.

Анализ результатов исследований показал, что современные малые города и села нуждаются в улучшении социальной инфраструктуры. Однако ее развитие невозможно без твердого экономического фундамента. Данные проведенного нами опроса показали, что для закрепления молодежи в малых городах и сельских поселениях чрезвычай-

чайно важным является создание новых рабочих мест с достойным уровнем заработной платы. Традиционно сельское хозяйство является сферой занятости крестьян. В то же время, как показали результаты исследования, более половины студентов (54,7%), работая на сельхозпредприятии, предпочли бы жить в малом городе, а не в селе. Занятость горожан в АПК способна расширить рынок труда малых городов. Современные хозяйства нуждаются в специалистах различного профиля, в том числе в таких популярных среди молодежи сферах, как маркетинг, менеджмент, логистика, IT и др. По нашему мнению, модернизированные АПК способны стать драйвером развития не только сельских поселений, но и малых городов. В связи с этим важнейшим становится вопрос внедрения инновационных технологий в аграрную отрасль.

Изучению возможностей модернизации АПК в Республике Беларусь уделяется большое внимание. Реформирование аграрной отрасли осуществлялось в рамках Государственной программы возрождения и развития села на 2005–2010 гг.⁵. Одним из его направлений являлось сокращение экономически слабых хозяйств путем их присоединения к более сильным. Результаты исследования, проведенного Могилевским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ) под руководством Н.Е. Лихачева в 2006 г., показали, что 47,3% сельского населения положительно относились к такому способу решения проблем убыточных хозяйств. Против выступали 21,5% опрошенных [16, с. 124–131]. Согласно результатам

проведенного нами исследования 72,6% студентов поддерживали возможность сокращения экономически слабых сельхозпредприятий путем их присоединения к более сильным, 13,5% были против, 13,9% затруднились ответить.

Модернизация зачастую сопровождается внедрением инноваций в аграрную отрасль. По данным опроса, проведенного институтом социологии НАН Беларуси в 2014 г., процессы модернизации сельского хозяйства повлекли за собой социальные, организационные и технико-технологические изменения в АПК. Так, 26,0% работников аграрной отрасли указывали на усиление трудовой дисциплины в хозяйстве, 25,0% – улучшение взаимоотношений в трудовом коллективе, 24,4% – совершенствование материально-технической базы, 20,1% – решение жилищного вопроса. Результаты опроса показали, что внедрение новой техники существенно облегчило сельскохозяйственный труд, однако, чтобы работать на таком оборудовании, многим пришлось переучиваться [17, с. 64–71]. Таким образом, данные исследования еще раз подтверждают, что для работы с инновационными технологиями необходимы высококвалифицированные кадры.

Результаты исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2019 г. показали, что для развития отечественного АПК необходимы повышение оплаты труда аграриев (65,6%), внедрение нового оборудования и техники на сельхозпредприятиях (25,3%), повышение квалификации специалистов агросферы (24,1%) и др. [7, 187–200]. Рост заработной платы и модернизация хозяйств позволят привлечь трудовые ресурсы в отрасль, без которых невозможно эффективное функционирование АПК.

В настоящее время в Беларуси осуществляется переход к цифровому сельскому хозяйству. Так, в рамках Государственной программы «Аграрный бизнес» на 2021–2025 гг. был запущен проект

⁵ О государственной программе возрождения и развития села на 2005 – 2010 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Республики Беларусь, 25 марта 2005 г. № 150 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&pr0=P30500150> (дата обращения 20.01.2026).

«Точечное земледелие»⁶. Перспективными являются такие системы ведения сельского хозяйства, как «умная ферма», «умная теплица», «умный сад». Их работа во многом основана на использовании ИИ [8, с. 55]. Цифровые технологии активно внедряются в российскую аграрную отрасль. По мнению исследователей, их применение значительно повышает производительность сельскохозяйственного труда и экономическую эффективность АПК [18, с. 25–30; 19, с. 32–35]. Некоторые акторы отмечают особую роль ИИ в агросфере. По их мнению, такие технологии способны не только повысить производительность труда аграриев и доходность хозяйств, но также создать новые рабочие места, расширить спектр профессий в сельском хозяйстве и тем самым привлечь молодежь в отрасль [20, с. 91–98]. Результаты нашего исследования показали, что 56,2% респондентов считают перспективным и 33,3% скорее перспективным использование таких технологий в АПК. На вопрос о том, сможет ли применение ИИ в сельском хозяйстве сделать труд аграриев легче, 47,3% считают, что он способен значительно облегчить работу тружеников аграрной отрасли, 44,8% полагает, что он способен решить эту задачу частично.

По мнению Н.Л. Балич, модернизация АПК зачастую рассматривается как основа для социально-экономического развития регионов [7, с. 187–200]. Однако для ее осуществления необходимы образованные и высококвалифицированные специалисты. Их закрепление в отрасли возможно не только за счет повышения уровня заработной платы, но также посредством расселения в малых городах с необходимой

для жизни социальной инфраструктурой. В целом развитое транспортное сообщение с сельхозпредприятиями позволит восполнить недостаток кадров в АПК благодаря привлечению к аграрному труду горожан. Кроме того, возможность работы в современном агрохолдинге, испытывающем потребность в специалистах различного профиля, позволит расширить рынок труда малых городов. Результаты многолетних социологических исследований показали, что одной из причин нежелания сельчан работать в АПК являются тяжелые условия труда. Однако внедрение инновационных технологий, таких как ИИ, способны облегчить труд аграриев, фактически приравняв условия труда в сельском хозяйстве к городским сферам занятости. Таким образом, по нашему мнению, модернизированные АПК способны стать основой развития не только сельских поселений, но провинции в целом.

Как показали результаты нашего исследования, 20,9% студентов предпочли бы жить в агрогородке, 5,5% в деревне. Развитию села в Беларуси уделяется особое внимание. В его основе находится сильное сельское хозяйство. Модернизация АПК является необходимым условием развития села. Как видно из результатов нашего исследования, среди студентов, ориентированных на сельскую жизнь, большая часть отдает приоритет агрогородку. Это говорит о том, что, с одной стороны, молодежь стремится к спокойной жизни вдали от городской суеты, а с другой стороны, нуждается в развитой социальной инфраструктуре. В то же время сокращение численности сельчан приводит к закрытию на селе школ, магазинов, пунктов медицинского обслуживания, клубов и др. Данные опроса показали, что для закрепления молодежи на селе необходимо наличие кафе. Однако по причине небольшой численности сельского населения его работа является не рентабельной. По нашему мнению, в сформировавшихся демогра-

⁶ О Государственной программе «Аграрный бизнес» на 2021 – 2025 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Республики Беларусь, 1 февраля 2021 г. № 59 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100059> (дата обращения 15.01.2026).

фических условиях улучшение социальной инфраструктуры села возможно на основе модернизированных агрохолдингов, способных создавать и поддерживать социальную инфраструктуру сельских поселений, в которых проживают их

работники. Таким образом, развитие современной белорусской провинции возможно посредством интеграции трудовых ресурсов малых городов и сельских поселений, необходимой для эффективного функционирования АПК (рис. 8).

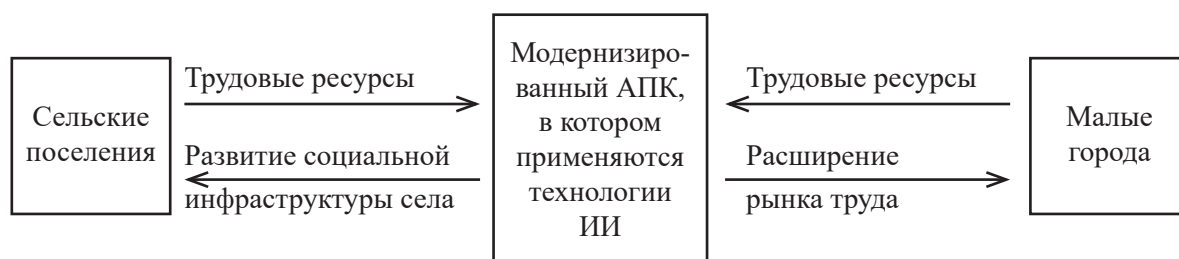

Рис. 8. Развитие современной белорусской провинции в условиях интеграции малых городов и сельских поселений

Fig. 8. Development of the modern Belarusian province in the context of the integration of small towns and rural settlements

В настоящее время в Республике Беларусь есть примеры улучшения социальной инфраструктуры села на основе модернизированных АПК. Так, результаты опроса руководителей и специалистов сельхозпредприятий Мядельского района показали, что на основе хозяйства «Прудники-агро» в аг. Кривичи и аг. Будслав открылись кафе для местного населения. Также оно обладает жилищным фондом. Работники хозяйства имеют возможность получить арендное жилье либо общежитие. Некоторые сотрудники хозяйства проживают в районном центре. Для них сельхозпредприятием организован корпоративный транспорт. Уровень заработной платы работников в хозяйстве высокий. По словам экспертов, на сельхозпредприятие приезжают работать люди из окружающих сельских поселений и г. Мядель. По нашему мнению, опыт подобных хозяйств следует учитывать при разработке программ по развитию белорусской провинции.

Заключение. Таким образом, результаты анкетного опроса студентов выпускных курсов аграрных вузов Республики Беларусь показали, что большинству из

них нравится будущая специальность, и в течение ближайших 10 лет они планируют работать в сельском хозяйстве. По мнению опрошенных, основными преимуществами занятости в аграрной отрасли являются возможность получить интересную работу и достойный уровень заработной платы. Данные исследования показали, что больше всего современные сельхозпредприятия испытывают потребность в дипломированных специалистах. Для их закрепления в хозяйствах следует, прежде всего, обеспечить высокий уровень заработной платы, создать достойные условия труда и предоставить возможность для карьерного роста. Работая в АПК, более половины опрошенных предпочли бы жить в малых городах. Данное обстоятельство следует учитывать при направлении выпускников аграрных вузов на работу. Студенты, ориентированные на сельскую местность, отдают приоритет агрогородку. Важнейшим условием закрепления молодых людей на селе и в малых городах являются создание новых рабочих мест с достойным уровнем оплаты труда и улучшение социальной инфраструктуры поселений.

Современный АПК нуждается в модернизации. Результаты исследования показали, что студенты считают перспективным внедрение в сельское хозяйство таких инноваций, как ИИ. Однако для работы с новыми технологиями необходимы образованные и высококвалифицированные специалисты. Обеспечить сельскохозяйственные предприятия кадрами следует за счет привлечения

трудовых ресурсов малых городов и сельских поселений. Эффективные хозяйства способны оказать существенное влияние на развитие социальной инфраструктуры села и расширение рынка труда небольших районных центров. В этом проявляется взаимосвязь и взаимозависимость современного белорусского АПК и провинции (малых городов и сельских поселений).

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The author declares no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Котляров Л.Д. Город и село: приоритет развитию села в условиях перехода к рынку. Харьков: Око, 1991. 127 с.
2. Смирнова Р.А. Малый город как организационно-управленческий и социокультурный центр развития сельских регионов [Электронный ресурс] // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя, 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2014. № 2. С. 92-100. URL: <https://rep.brsu.by/handle/123456789/1245> (дата обращения 29.01.2026).
3. Сакович А.Ю. Социология провинции как новое исследовательское направление [Электронный ресурс] // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2024. № 1. С. 45-50. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/ru/article/view/6172/5861> (дата обращения 02.02.2026).
4. Судьба белорусской провинции: социологический анализ / Р.А. Смирнова [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2015. 435 с.
5. Смирнова Р.А. Белорусская провинция как объект социологического анализа [Электронный ресурс] // Социологический альманах. 2015. Вып. 6. С. 116-125. URL: [file:///C:/Users/0/Downloads/beloruskaya-provintsia-kak-obekt-sotsiologicheskogo-analiza%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/0/Downloads/beloruskaya-provintsia-kak-obekt-sotsiologicheskogo-analiza%20(1).pdf) (дата обращения 02.02.2026).
6. Лихачева С.Н. Социальные потребности молодежи малых городов и возможности их реализации [Электронный ресурс] // Вестнік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серія: Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2025. № 1 (65). С. 41-47. URL: <https://vesnik.msu.by/index.php/sostav/235-likhacheva-65> (дата обращения 05.02.2026).
7. Балич Н.Л. Факторы модернизации регионов (по результатам социологического исследования) [Электронный ресурс] // Социологический альманах. 2021. Вып. 12. С. 187-200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-modernizatsii-regionov-po-rezultatam-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (дата обращения 06.02.2026).
8. Радченко Н.В., Соколовская Е.В., Радченко С.В. Цифровая трансформация аграрного сектора Беларуси [Электронный ресурс] // Аграрная экономика. 2021. № 4. С. 50-59. URL: https://agreconom.belnauka.by/jour/article/view/480?locale=ru_RU (дата обращения 12.06.2026).
9. Плюснин Ю.М. Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place; Хамовники, 2022. 448 с.
10. Цыганова Я.М. Российская провинция пореформенной эпохи как историко-культурное пространство: подходы к изучению [Электронный ресурс] // Вестник Самарского государственного

ного университета. 2013. № 8/2 (109). С. 74-82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-provintsiya-poreformennoy-epohi-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo-podhody-k-izucheniyu> (дата обращения 12.02.2026).

11. Реутов Е.В., Реутова М.Н. Жизненные шансы в российской провинции [Электронный ресурс] // *Nomothetika: Философия. Социология. Право*. 2020. Т. 45, № 2. С. 259-270. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennye-shansy-v-rossiyskoj-provintsi> (дата обращения 15.02.2026).

12. Гануш Г., Чирич А. Типология агрогородков по привлекательности для жизни населения // *Аграрная экономика*. 2018. № 2. С. 66-72. URL: https://agreconom.belnauka.by/jour/article/view/221?locale=ru_RU (дата обращения 06.02.2026).

13. Ермалинская Н.В. Особенности создания и функционирования организаций крупнотоварного сектора в условиях поэтапного развития агропромышленного комплекса Беларуси [Электронный ресурс] // *Вестник Гомельского государственного технического университета*. 2015. № 4. С. 80-89. URL: <https://elib.gstu.by/handle/220612/14004> (дата обращения 08.02.2026).

14. Сакович А.Ю. Особенности социальной адаптации молодых специалистов в современном белорусском селе (на примере Мядельского района) [Электронный ресурс] // *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020. № 2. С. 46-50. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/ru/article/view/2841> (дата обращения 12.02.2026).

15. Лихачев Н.Е. Жизненные ценности сельчан: социологический ракурс (на материалах исследования в Могилевской области) [Электронный ресурс] // *Вестник Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя, 1: Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*. 2025. № 1. С. 101-107. URL: <https://journal.brsu.by/index.php/philosophy/article/view/2112/3276> (дата обращения 01.02.2026).

16. Лихачев Н.Е. Аграрные преобразования в Беларуси: социологический анализ ситуации // *Социология*. 2008. № 1. С. 124-131.

17. Смирнова Р.А. Готовность работников агросферы к технико-технологическим, организационным и социальным инновациям // *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серія, 5: Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія*. 2014. № 3. С. 64-71.

18. Александрова Н.Р., Субаева А.К., Чутчева Ю.В. Цифровизация сельского хозяйства: тенденции и перспективы развития [Электронный ресурс] // *Естественно-гуманитарные исследования*. 2024. № 2 (52). С. 25-30. URL: <file:///C:/Users/0/Downloads/tsifrovizatsiya-selskogo-hozyaystva-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya.pdf> (дата обращения 12.01.2026).

19. Капсаргина С.А. Цифровизация сельского хозяйства [Электронный ресурс] // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 3 (231). С. 32-35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-selskogo-hozyaystva-1> (дата обращения 15.01.2026).

20. Применение технологий искусственного интеллекта в сельском хозяйстве [Электронный ресурс] / Сковцов Е.А. [и др.] // *Аграрный вестник Урала*. 2019. № 8 (187). С. 91-98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-selskom-hozyaystve> (дата обращения 19.01.2026).

REFERENCES

1. Kotlyarov, L.D. City and village: priority of rural development in the context of transition to a market economy. Kharkov: Oiko, 1991. 127 p.

2. Smirnova, R.A. Small town as an organizational, managerial, and sociocultural center for rural development [Electronic resource] // *Bulletin of the Belarusian State University. Series 1: Philosophy. Palette, and Sociology*. 2014. No. 2. P. 92-100. URL: <https://rep.brsu.by/handle/123456789/1245> (date of access: January 29, 2026).

3. Sakovich, A.Yu. Sociology of the provinces as a new research direction [Electronic resource] // *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2024. No. 1. P. 45-50. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology/ru/article/view/6172/5861> (date of access 02.02.2026).

-
4. The fate of the Belarusian provinces: sociological analysis / R. A. Smirnova [et al.]. Minsk: Belarusian Science, 2015. 435 p.
 5. Smirnova, R. A. The Belarusian province as an object of sociological analysis [Electronic resource] // Sociological Almanac. 2015. Issue 6. P. 116-125. URL: file:///C:/Users/0/Downloads/beloruskaya-provintsiya-kak-obekt-sotsiologicheskogo-analiza%20(1).pdf (date of access: 02/02/2026).
 6. Likhacheva, S.N. Social needs of young people in small towns and possibilities for their implementation [Electronic resource] // Bulletin of the Magileusk state university named A.A. Kulyashov. Series: D. Economics, Social science, Law. 2025. No. 1 (65). P. 41-47. URL: <https://vesnik.msu.by/index.php/sostav/235-likhacheva-65> (date of access: 02/05/2026).
 7. Balich, N.L. Factors of regional modernization (based on the results of a sociological survey) [Electronic Resource] // Sociological Almanac. 2021. Issue 12. P. 187-200. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-modernizatsii-regionov-po-rezultatam-sotsiologicheskogo-issledovaniya> (date of access: 06.02.2026).
 8. Radchenko, N.V., Sokolovskaya, E.V., Radchenko, S.V. Digital transformation of the agricultural sector of Belarus [Electronic Resource] // Agrarian Economy. 2021. No. 4. P. 50-59. URL: https://agreconom.belnauka.by/jour/article/view/480?locale=ru_RU (date of access: 12.06.2026).
 9. Plyusnin, Yu.M. Social structure of provincial society. Moscow: Common Place; Khamovniki, 2022. 448 p.
 10. Tsyganova, Ya.M. Russian province of the post-reform era as a historical and cultural space: approaches to study [Electronic resource] // Bulletin of Samara State University. 2013. No. 8/2 (109). P. 74-82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-provintsiya-poreformennoy-epohi-kak-istoriko-kulturnoe-prostranstvo-podhody-k-izucheniyu> (date of access 12.02.2026).
 11. Reutov E.V., Reutova M.N. Life chances in the Russian provinces [Electronic resource] // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2020. Vol. 45, No. 2. P. 259-270. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennye-shansy-v-rossiyskoy-provintsii> (date of access: 15.02.2026).
 12. Ganush G., Chirich A. Typology of agro-towns by attractiveness for population life // Agrarian Economy. 2018. No. 2. Pp. 66-72. URL: https://agreconom.belnauka.by/jour/article/view/221?locale=ru_RU (date of access: 06.02.2026).
 13. Ermalinskaya, N.V. Features of the creation and functioning of large-commodity sector organizations in the context of the phased development of the agro-industrial complex of Belarus [Electronic resource] // Bulletin of the Gomel State Technical University. 2015. No. 4. P. 80-89. URL: <https://elib.gstu.by/handle/220612/14004> (date of access: 08.02.2026).
 14. Sakovich, A.Yu. Features of social adaptation of young specialists in a modern Belarusian village (using the Myadel District as an Example) [Electronic resource] // Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology. 2020. No. 2. P. 46-50. URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy/ru/article/view/2841> (date of access: 12.02.2026).
 15. Likhachev, N.E. Life values of rural residents: a sociological perspective (based on research in the Mogilev Region) [Electronic Resource] // Bulletin of the Brest University. Series, 1: Philosophy. Palette Science. Sociology. 2025. No. 1. P. 101-107. URL: <https://journal.brsu.by/index.php/philosophy/article/view/2112/3276> (date of access: 01.02.2026).
 16. Likhachev, N.E. Agrarian transformations in Belarus: A sociological analysis of the situation // Sociology. 2008. No. 1. P. 124-131.
 17. Smirnova, R.A. Readiness of agricultural workers for technical, technological, organizational and social innovations // Bulletin of A.A. Kulyashov State University of Agriculture. Series, 5: Economics. Social Science. Biology. 2014. No. 3. P. 64-71.
 18. Aleksandrova, N.R., Subaeva, A.K., Chutcheva, Yu.V. Digitalization of agriculture: trends and development prospects [Electronic resource] // Research in the Natural Sciences and Humanities. 2024. No. 2 (52). P. 25-30. URL: file:///C:/Users/0/Downloads/tsifrovizatsiya-selskogo-hozyaystva-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya.pdf (date of access: 01/12/2026).

19. Kapsargina, S.A. Digitalization of agriculture [Electronic resource] // Law and state: theory and practice. 2024. No. 3 (231). pp. 32-35. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifr_ovizatsiya-selskogo-khozyaystva-1 (date of access: 15.01.2026).

20. Application of artificial intelligence technologies in agriculture [Electronic resource] / Skvortsov E.A. [et al.] // Agrarian Bulletin of the Urals. 2019. No. 8 (187). P. 91-98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-v-selskom-hozyaystve> (date of access: 19.01.2026).

Информация об авторе / Information about the author

Анжела Юрьевна Сакович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии. Белорусский государственный университет, г. Минск, 220004, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, e-mail: anzhela_sakovich87@mail.ru

Anzhela Yu. Sakovich, PhD (Sociology), Associate Professor, the Department of Sociology. Belarusian State University, Minsk, the Republic of Belarus, e-mail: anzhela_sakovich87@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 15.02.2026

Received 15.02.2026

Поступила после рецензирования 02.04.2026

Revised 02.04.2026

Принята к публикации 02.04.2026

Accepted 02.04.2026

This image shows a full page of blank, lined paper. It features approximately 20 evenly spaced horizontal black lines running across the width of the page, typical of notebook or primary writing paper. The background is white, and there are no margins, text, or other markings present.

Научное издание

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал «Вестник Майкопского государственного технологического университета».

Том 18 № 2 2026

Издательство ФГБОУ ВО «МГТУ»

385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191.

Бумага Чайка Бумага А. Печать цифровая.

Гарнитура Times. Усл. п. л. 26,00. Формат 60х84/8

Тираж 500 экз. Заказ 18/02

Отпечатано с готового оригинал-макета

на участке оперативной полиграфии ИП Кучеренко В.О.

385008, г. Майкоп, ул. Пионерская, 403/33.

Тел. для справок 8-928-470-36-87.

E-mail: slv01.maykop.ru@gmail.com

Чтобы убедиться
в подлинности справки, используйте
QR-код, который содержит ссылку на отчет.

Ответ на вопрос, является ли обнаруженное заимствование
корректным, система оставляет на усмотрение проверяющего.
Представленная информация не подлежит использованию
в коммерческих целях.

